

МОНАСТЫРСКИЙ ВЕСТНИКЪ

ЯНВАРЬ-МАРТ
1 [49] 2022

Пандемия:
радостью
побеждая

Почему Господь попускает эту язву, поражающую многих людей? Господь призывает нашу самоуверенную технологическую цивилизацию оценить пределы своих возможностей и осознать хрупкость этой цивилизации. Господь как бы нам показывает: при всем вашем могуществе вы очень хрупки, вы по-настоящему слабы. Вы, помимо своей собственной силы, должны опираться – не только во времена катаклизмов, но вообще в каждый день своей жизни – на Мою помощь, на силу, которая превышает всякую человеческую силу. Вера должна нам давать силу, чтобы преодолевать недуги, поддерживать близких, не терять способности к доброделанию. Мы должны оставаться людьми, способными любить и помогать другим, подчиняясь определенным санитарным правилам. Кто-то из неверующих, проходя через эти испытания, увидит в них руку Божию и милость к ним, и откроются сердца людей и они соделаются детьми Авраама, как об этом говорит нам Слово Божие.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

[08] Из первых уст

«ВРЕМЯ САМОИЗОЛЯЦИИ – ЭТО ИСПЫТАНИЕ, НО И ОСОБАЯ МИЛОСТЬ БОЖИЯ»

Несмотря на глобальные изменения в церковной и светской жизни, связанные с пандемией, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве игуменья Елисавета по-прежнему ведет активную деятельность. Мы ждали интервью с матушкой два месяца. Читатель найдет в нем ответы на многие насущные вопросы, которые сегодня волнуют всех нас.

| Екатерина Зимина

[12] Экспресс-интервью

Пандемия: игуменский взгляд
«МВ» обратился к игуменьям монастырей Русской Православной Церкви с просьбой рассказать, как они сами и сестры вверенных им обителей переживают пандемию, и поделиться с читателями теми важными уроками, которые мы все должны из происходящего вынести. На четыре одинаковых вопроса отвечают игумении столичного и сельского монастырей, настоятельницы двух Богородице-Рождественских женских обителей – в Москве и Калужской области.

| Инга Абрамова

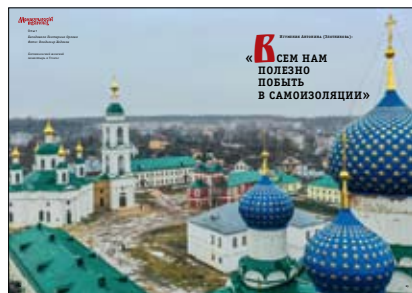

[16] История

ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

«Черная смерть», желтая и Киприанова чума, «мор прыщом» – каких только эпитетов не употреблялись эпидемии в истории человечества. Эпидемия – явление загадочное. Никто не знает, ни как болезнь появляется, ни чем ее лечить. Бороться с ней можно лишь одним способом: мужественно и спокойно идя навстречу. Монашествующие во все века неприметно возглавляли этот путь. Однако сведений о монахах древности в периоды страшных моров не так много. Об эпидемиях в истории Церкви и роли монахов – в обзоре постоянного автора «МВ».

| Елена Владимирова

[30] Опыт

«ВСЕМ НАМ ПОЛЕЗНО ПОБЫТЬ В САМОИЗОЛЯЦИИ»

Настоятельница Богоявленского женского монастыря в Угличе игуменья Антонина, имеющая медицинское образование и солидный стаж врачебной практики, рассказала «МВ» о том, как живет обитель в период эпидемии и вынужденной самоизоляции, что помогает сестрам в условиях нового ритма жизни.

| Екатерина Орлова

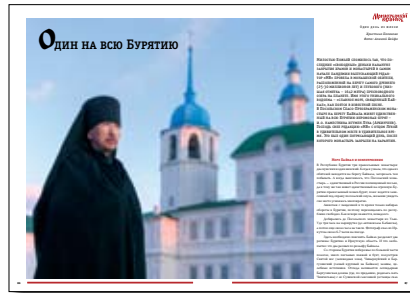

[40] Память

«СЫНЕ, ОТДАЙ МНЕ СЕРДЦЕ ТВОЕ»

Во время пандемии отошел ко Господу один из первых насельников возрожденного Свято-Введенского монастыря Оптиная пустынь иеродиакон Илиодор (Гайриянец). 31 год он нес свой иноческий подвиг в Оптине. «МВ» публикует воспоминания об отце Илиодоре его крестной дочери, постоянного автора и фотографа «МВ».

| Елена Галкина

[68] Один день из жизни

Один на всю Бурятию

В самом начале пандемии, накануне закрытия храмов и монастырей, автор этих строк побывала в Посольском Спасо-Преображенском монастыре на берегу самого древнего и глубокого пресноводного озера на планете – «славного моря, священного Байкала». Здесь живет единственный на всю Бурятию иеромонах-бурят – и.о. наместника игумен Лука (Архинчеев). Мы встретились с отцом Лукой в удивительном месте в удивительное время. Вот только на общение у нас выдался всего один день, после которого монастырь закрыли на карантин.

| Христина Полякова

[82] Позиция

Почему Бог «не бережет» своих?

Кандидат философских наук, преподаватель Московской духовной академии, автор книги «Мужская философия» иеромонах Симеон (Мазаев) рассуждает на тему, которая волнует сегодня всех жителей планеты и которая стала вызовом для многих православных. Автор делится своим видением эпидемии COVID-19 – события, поставившего перед всем христианским миром вопросы, требующие глубокого осмысления.

| Иеромонах Симеон (Мазаев)

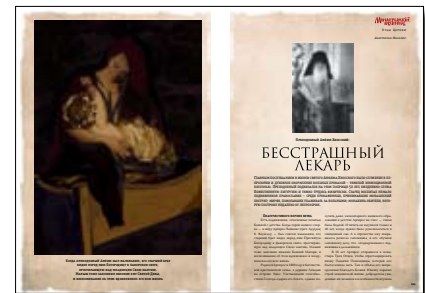

[50] Духовная география

Духовная колыбель Забайкалья

Беспрецедентной стала Пасха 2020 года. Для выпускающего редактора «МВ» это была необычная, по-настоящему Пасха красная: в алой маске на лице, на Бурятской земле рядом с Байкалом. А самое важное – в облаченном в пасхальный пурпур монастырском храме. В условиях пандемии, когда большинство верующих по всему миру вынужденно встречали Праздник праздников online, Пасха в храме за богослужением оказалась главным подарком года.

| Христина Полякова

[88] Отцы Церкви

Преподобный Анфим Хиосский:

Бесстрашный лекарь

Главным послушанием в жизни святого Анфима Хиосского было служение в лепрозории и духовное окормление больных проказой. Преподобный подвизался на этом поприще 50 лет, ежедневно служа Божественную литургию и тяжело трудясь физически. Старец воспитал немало подвижников православия – среди прокаженных, принимавших монашеский постриг; мирян, помогавших ухаживать за больными; монахинь обители, которую построил недалеко от лепрозория.

| Анастасия Михалос

Всех скорбящих Радосте и обидимых Заступнице, и алчущих Питательнице, странных Утешение, буруемых Пристанище, больных Посещение, немощных Покров и Заступнице, Жезле старости, Мати Бога Вышнего, Ты еси Пречистая, потщися, молимся, спаси рабом Твоим.

Сегодня часто можно слышать, что мы живем в сложное время: время серьезных тревожных, глубинных страхов, смертельных опасностей. Вместе с тем, уверен, что про любой исторический период можно сказать то же самое. И учась у предшествующих поколений, на их опыте того, как надо правильно переживать такое время, как надо к нему относиться, как безошибочно в нем действовать, мы часто не обращаем внимания на одну особенность, которая, на самом деле, является очень важной чертой тех, кто сумел выжить в непростое время. Это — радость! Да, радость! Не безудержное веселье, не беспечный смех, а сердечная радость.

Если заглянуть в этимологический словарь, то можно увидеть, что слово «радость» связывают как с древнескандинавским «rotask», что одновременно обозначает и «просветление», и «радость», и «благородство», так и со словом «рай». И эта глубина и точность смыслов — поражает. Смех не бывает благородным, смех не служит просветлению, смех никак не сочетается с раем. Смех может быть и визгливым, и истерическим, и даже отталкивающим или гадким, в отличие от радости.

Один из прекрасных примеров радости дан в Евангелии: мать после трудов рождения не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир (Ин.16:21). Любой христианин рожден дважды. И второй раз от воды и Духа (Ин. 3:5). И если, рождаясь от матери, он еще не способен почувствовать той радости, которую испытывает она, то второе рождение, рождение во Христе — в Царствие Божие (Ин. 3:5) — должно являться источником непрестанной радости на протяжении всей последующей жизни верующего.

Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «Дух Святой зрится как Умный Свет и приходит с тихостью, принося радование, которое есть отсвет Первого Вечного Света и отблеск неперестающего блаженства». Таким образом, рожденный от Духа, сам становится источником радости, отражая, как через зеркальце, солнечные лучи, блики этого Света через свою душу другим. И если каждый христианин — это искрящийся ручеек радости, то каковы должны быть те, кто посвятил всего себя служению Церкви, принял постриг, и даже сан — полноводные реки или моря радости? Действительно, кто, если не монашествующие, должны являть собой для мирян пример радости во Христе? А чтобы радоваться самому, нужно побеждать страсти и стяжать Духа Утешителя, приносящего ту самую радость.

И разве не радость — расстаться с грехом, который губил твою душу, лежал тяжким бременем, не давал чисто смотреть на Божий мир, изъедал тебя внутри и выплескивался наружу? Преподобный Силуан Афонский объяснял так: «Тем, кто борется с грехом, Господь дает не только прощение, но и благодать Святого Духа, Который радует душу и дает ей глубокий и сладкий мир». Эта борьба в себе самом — то доброе, что можно и нужно принести в дар Христу, это духовное, внутреннее соприкосновение с той евангельской истиной, что на Небесах бывает радость об одном грешнике кающемся (Лк. 15: 3-10). Конечно, к этой борьбе с грехом призваны все христиане без исключения. Но тем более те из них, кто посвятил свою жизнь служению Богу, Церкви и ближнему. Ведь такие, по слову пророка, соделываются иными людьми (1 Цар. 10:6). Именно такие «иные люди» (по-славянски, «иноки») должны нести и распространять вокруг себя радость о Господе. Именно они должны делиться той самой радостью, без которой простому человеку невыносимо жить!

Если многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14:22), то справедливо нам иметь великую радость, когда впадаем в различные искушения (Иак. 1:2). Поэтому и Господь говорит апостолу, что довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи (2 Кор. 12:9). Да, и сам апостол говорит, что я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова (2 Кор. 12:9), которая и есть радость. В одной из патериковых историй старец наставляет ученика: «Как воск несогретый и неумягченный не может принять наложенной на него печати, так и человек, если не будет искушен трудами и болезнями, не может принять силы Христовой, не может войти в радость Господа своего». А ведь только с такой радостью и возможно пережить любое время испытаний. Только такая радость сообщает человеку дополнительные силы. Только такая радость питает человека изнутри, подсвечивая его душу, окрашивая его цели и стремления. Только она привносит смысл во все, что делают люди. Только она дает возможность человеку стать счастливым даже в смерти, а точнее в победе над ней — это радость райская.

игумен Нептр (Ермолов)

Марфо-Мариинская обитель милосердия
на Большой Ордынке в Москве

«**В**РЕМЯ САМОИЗОЛЯЦИИ – ЭТО ИСПЫТАНИЕ, НО И ОСОБАЯ МИЛОСТЬ БОЖИЯ»

Игуменья Елисавета (Позднякова):

НЕСМОТРЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕРКОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ЖИЗНИ, СВЯЗАННЫЕ С ПАНДЕМИЕЙ, НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ МИЛОСЕРДИЯ В МОСКВЕ ИГУМЕНЬЯ ЕЛИСАВЕТА ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЕДЕТ НЕВЕРОЯТНО АКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МЫ ЖДАЛИ ИНТЕРВЬЮ С МАТУШКОЙ ДВА МЕСЯЦА МЕСЯЦА – ТАК ОНА ЗАНЯТА. ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ В НЕМ ОТВЕТЫ НА МНОГИЕ НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ СЕГОДНЯ ВОЛНУЮТ ВСЕХ НАС.

Матушка Елисавета, сердечно благодарим Вас за то, что все-таки нашли время и ответили на вопросы нашего журнала. Ситуация с COVID-19 беспрецедентная, такого еще не было в современной истории. Как в Марфо-Мариинской обители восприняли новость о закрытии храмов? Вы сразу закрыли монастырь?

Конечно, это было очень неожиданно. Мы, как и все, с самого начала старались строго соблюдать меры безопасности. Когда Святейший Патриарх объявил о необходимости закрыть храмы ради того, чтобы не подвергать опасности жизни других людей, мы сразу же так и сделали. Другое дело, что у нас в монастыре первые заразившиеся появились раньше, и обитель наша закрылась в связи с карантином прежде, чем все остальные монастыри.

Время пандемии символично пришлось на Великий пост. Как Вы восприняли случившееся в этом контексте?

Господь знает, что делает. Да, все произошло промыслительно, но мы мистического значения этому не придаем. Самоизоляция стала временем испытания для всех. Тем не менее, наша обитель продолжала жить своим укладом, у нас не было паники. Мы в данной ситуации видим проявление Божией воли — как известно, всегда благой, как бы она ни выражалась.

Вместе с эпидемиологической обстановкой активизировался информационный фронт, новости в Интерне-

те, по ТВ, радио. Вы принимали какие-то меры, чтобы ограничить информационный поток в монастыре?

Монашеские обители — это в принципе зоны ограниченного информационного потока. Сестры не читают новости, не имеют аккаунтов в соцсетях, точно так же как и я. Поэтому новостной поток нас коснулся меньше всего. Что-то знали, до нас доходили какие-то известия, но мы не были погружены в это. Наверное, изначально мы приняли ситуацию как данность, как волю Божию и относились ко всему спокойно.

Мы старались поддерживать спокойную атмосферу во всех наших подразделениях. И когда сотрудники ушли на удаленный режим работы, мы пытались всех поддерживать словом и старались, чтобы они не почувствовали финансовых сложностей, неизбежных в подобных случаях. Поэтому, мне кажется, нам удалось сохранить ровную рабочую атмосферу в обители.

Во время пандемии как-то изменилась повседневная жизнь монастыря? С какими ограничениями и сложностями столкнулись сестры?

Если мы говорим о монашеской жизни, то она стала еще более монашеской. Когда обитель закрыли, это был, наверное, первый подобный случай, чтобы здесь жили одни только сестры, было полное уединение.

С другой стороны, время уединения пришлось на пик заболеваемости в монастыре, потому что почти все это время насельницы находились в строгой изоляции. В какой-то момент у нас даже прекратились богослужения. Остались только воскресные, поскольку болели

ДУМАЮ, САМОЕ ТРУДНОЕ В ТАКИХ СИТУАЦИЯХ, КАК ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА, – НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, НАС ПУГАЛИ СМЕРТНОСТЬЮ, С ДРУГОЙ – МЫ ВИДЕЛИ, ЧТО У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ БОЛЕЗНЬ ПРОТЕКАЕТ ДОВОЛЬНО ЛЕГКО

интервью Елизавета

священники. Но все равно это было время особой милости Божией.

Да, было тревожно: мы не знали, что это за заболевание такое — коронавирус, как оно протекает, где-то мы перестраховывались. И в то же время это был очень тихий и спокойный период. Сестры никогда в жизни не находились так долго рядом, на одном этаже, вообще безвыходно. Я немножко переживала, как все сложится, но ограничения благотворно подействовали на сестер, они были рады находиться вместе. На сестринском этаже всегда была молитвенная атмосфера.

Как выстраивалось общение с прихожанами обители во время самоизоляции? Как происходило причастие, соборование? В целом количество прихожан уменьшилось?

Во время карантина мы были на связи с прихожанами в онлайн-формате: публикации на сайте, в соцсетях. Но в саму обитель прихожане не допускались, и они отнеслись к этому с пониманием. Мы организовали онлайн-трансляции богослужений, включая пасхальное.

Мы постоянно думали о наших прихожанах и сотрудниках и переживали за них, наверное, больше, чем за себя. Одно дело, когда мы все вместе в монастыре, и другое — когда люди находятся у себя по домам и они заболевают. Многие заболевшие звонили нам, мы их инструктировали, как надо поступать в том или ином случае.

Вот таким образом мы совместно справлялись с этой непонятной ситуацией. Думаю, самое трудное в пандемии — это именно неопределенность. С одной стороны, нас пугали смертностью, с другой — мы видели, что у большинства людей болезнь протекает довольно легко. Важно, что мы были вместе, соборно молились. Некоторые наши сотрудники рассказывали, что никогда так горячо не молились, как перед

экранами своих телевизоров во время трансляций богослужений.

Как пандемия повлияла на жизнь вашего монастыря и его социальные проекты?

Все проекты, какие возможно, мы постарались перевести в онлайн-формат. Сотрудники продумывали дистанционные варианты своей работы. И, надо отметить, большинство смогли оперативно перестроиться. Детский дом, который не мог перейти в онлайн, работал в обычном режиме, только сотрудники перешли на вахтовый метод. Собственно говоря, так делалось везде, и мы старались поддерживать общую тенденцию, чтобы продолжать помогать нашим подопечным.

Какой Вам запомнилась Пасха первого года пандемии?

Пасха, несомненно, была очень необычная. Особенно у нас, потому что мы в это время были уже полностью закрыты и на службе присутствовали совсем немного сестер — большинство болели. Пустой храм и всего два священника во время праздничного богослужения. Печально было это видеть. Мне, по крайней мере. У меня в сознании такая Пасха ассоциируется с пасхальными службами в годы гонений, когда людям запрещено было ходить в храм. Общее напряжение, чувство неизвестности, беспокойство за сестер. Для меня в этом году, конечно, грустная Пасха.

Матушка, как должен вести себя христианин в период глобальных мировых кризисов?

Я думаю, христианин всегда должен вести себя одинаково. Он должен понимать, что все, что с ним происходит, попускает Господь. А Он не делает ошибок, Он хочет нашего исправления, нашего возрастания. Поэтому надо воспринимать и данную ситуацию как Его промысел, с благодарностью. С другой стороны, особенно важно в такое время быть внимательными к

НЕСМОТЯ НА ТО ЧТО БЫЛИ ЗАКРЫТЫ ХРАМЫ И МНОГИЕ ЛИШИЛИСЬ ПРИЧАСТИЯ, ЧТО ДЛЯ ХРИСТИАНИНА, КОНЕЧНО, БОЛЬШОЕ ИСПЫТАНИЕ, МЫ ЧУВСТВОВАЛИ ПРИСУТСТВИЕ БОГА РЯДОМ С СОБОЙ В ЭТИ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

интервью Елизавета

ВАЖНО, ЧТО МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ, СОБОРНО МОЛИЛИСЬ. НЕКОТОРЫЕ НАШИ СОТРУДНИКИ РАССКАЗЫВАЛИ, ЧТО НИКОГДА ТАК ГОРЯЧО НЕ МОЛИЛИСЬ, КАК ПЕРЕД ЭКРАНАМИ СВОИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ ВО ВРЕМЯ ТРАНСЛЯЦИЙ БОГОСЛУЖЕНИЙ

игуменья Елисавета

тем, кто рядом с нами. В этом и проявляется наше христианство. Чем тяжелее нам становится, тем больше внимания, заботы, любви мы уделяем тем, кто рядом, кому еще тяжелее.

Лично для Вас чем в целом характеризуется время пандемии?

Время испытаний, где особенно ярко явилась милость Божия к людям. Несмотря на то что были закрыты храмы и многие лишились причастия, что для христианина, конечно, является большим испытанием, мы чувствовали присутствие Бога рядом с собой в эти тяжелые дни.

Как ваш монастырь переживает новую волну карантинных мер?

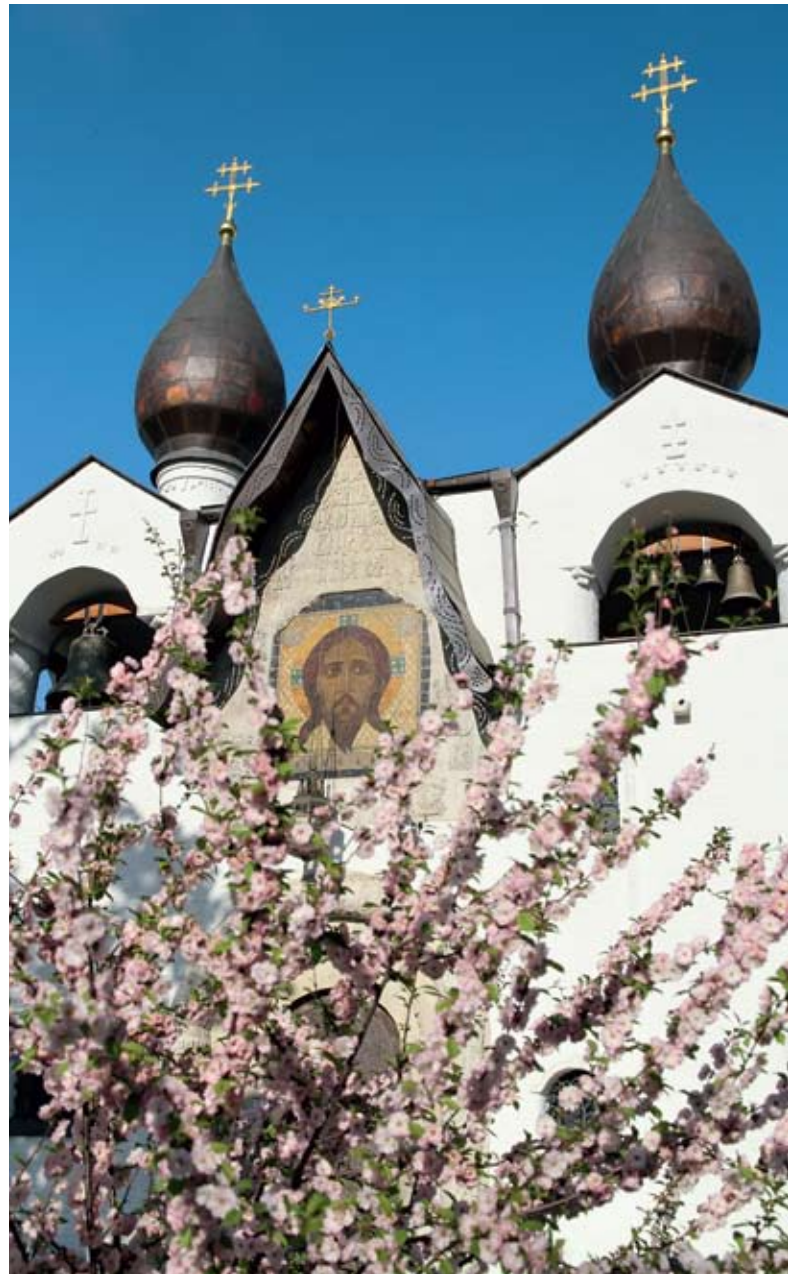
Так же, как и в первый раз: мы соблюдаем все меры безопасности и рекомендуем то же самое нашим прихожанам и сотрудникам. Руководствуемся правилами бережного отношения друг к другу.

Планируется ли закрытие обителей?

Мы сейчас ничего не планируем. Если священноначалие даст такое распоряжение, мы его выполним.

Матушка, что Вы можете посоветовать нашим читателям, в силу разных причин лишенным возможности посещать богослужения?

Если человек заболел и вынужден оставаться дома, то, конечно, в первую очередь нужно позаботиться о своем здоровье и постараться быстрее поправиться. В то же время ни в коем случае нельзя унывать, отчаиваться, думать, что все плохо. Надо стараться больше молиться — сейчас как раз для молитвы больше свободного времени. И, конечно, желаю всем быть добрее и внимательнее к тем, кто находится рядом.

СЕЙЧАС ОСОБЕННО ВАЖНО БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМИ К ТЕМ, КТО РЯДОМ С НАМИ. В ЭТОМ И ПРОЯВЛЯЕТСЯ НАШЕ ХРИСТИАНСТВО. ЧЕМ ТЯЖЕЛЕЕ НАМ СТАНОВИТСЯ, ТЕМ БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ, ЗАБОТЫ, ЛЮБВИ МЫ УДЕЛЯЕМ ТЕМ, КТО РЯДОМ, КОМУ ЕЩЕ ТЯЖЕЛЕЕ

игуменья Елисавета

ПАНДЕМИЯ: ИГУМЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

«МВ» обратился к игумениям монастырей Русской Православной Церкви с просьбой рассказать, как они сами и сестры вверенных им обителей переживают пандемию, и поделиться с читателями теми важными уроками, которые нам всем следует из происходящего вынести. На четыре одинаковых вопроса отвечают игумении столичного и сельского монастырей, настоятельницы двух Богородице-Рождественских женских обителей – в Москве и Калужской области.

**Игумения Викторина,
настоятельница
Богородице-
Рождественского
ставропигиального
монастыря Москвы**

**Игумения Феофила,
настоятельница
Богородично-
Рождественской девичьей
пустыни в с. Барятине,
Калужская область**

Как насельницы обители отреагировали на известие о закрытии храмов?

Игуменья Викторина, настоятельница Богородице-Рождественского монастыря Москвы:

Как на временную меру, необходимую для безопасности людей. Стремались принять происходящее спокойно и с пониманием. Но было очень скорбно за наших прихожан, которые не могли разделить с нами радость совместной молитвы. Монастырь — это благодатное место и единая духовная семья во Христе. Даже в рамках ограничений, мы, насельницы обители, все же находились рядом и могли духовно друг друга поддерживать. Тем временем многие миряне оказались в условиях полной изоляции дома или в больнице. Мы молились, как только могли, за наших прихожан, за всех тех, кто оказался в сложной жизненной ситуации, чтобы Господь помог, поддержал, сохранил всех в мире и здравии.

Конечно же, все, что с нами происходит — от Бога. Где бы человек ни находился, он всегда имеет возможность молиться Богу, обращаться к Нему, ведь «Царствие Божие внутри нас есть» (Лк. 17:21). Но мы искренне сострадали всем, кто не мог переступить порог храма и утолить духовную жажду. Находясь в обители, мы не были совершенно лишены храма, однако богослужение совершалось крайне редко, и мы не всегда имели возможность приступать к таинствам из-за болезни священнослужителей.

Если откровенно, всем было трудно и скорбно без ежедневных богослужений, к которым все так привыкли, особенно без Литургии. Видимо, необходимо было проявить смирение и терпение, а также понять, какой великой ценностью является для нас богослужение, оценить важность и необходимость таинств Церкви и ежедневного посещения служб. Многое было заново переосмыслено, пережито, прощено, во многом принесено искреннее покаяние. Не оставляло чувство, что Господь рядом. И, как не удивительно, в сердце была и благодарность Богу за все, потому что пандемия многому нас научила.

Игуменья Феофила, настоятельница Богородично-Рождественской девичьей пустыни в с. Барятине, Калужская область:

В нашем регионе, насколько мне известно, жесткого решения о закрытии храмов не принималось, многие храмы действовали в обычном режиме, но с учетом правил, рекомендованных Патриархией в условиях эпидемии. Размеры нашего храма не позволяют, например, соблюдать дистанцию в полтора метра между прихожанами, а условия монастыря усугубляют угрозу: в нашей семье любой вирус распространяется мгновенно. Поэтому мы сами, без всяких указаний, сначала повесили на дверях храма объявле-

ние — просьбу к богомольцам с насморком и кашлем остаться дома до выздоровления, поставили приборы, которые, говорят, защищают от вирусов, потом ввели билетки для постоянных прихожан, а когда уровень заболеваний по области и нашему району достиг пика, все-таки пришлось закрыться на замок. Власть нас не принуждала, но если бы и делала это, мы бы не бунтовали, зная, что такие меры предпринимались по всему миру, и вовсе не в целях «борьбы с религией». Другого средства ограничить контакты просто нет, закрывали ведь и театры, и рестораны, и торговые центры.

Какой запомнилась Пасха 2020 года?

Игуменья Викторина: Такой Страстной седмицы и Пасхи у нас никогда не было. Богослужения в пустых храмах, без прихожан... Пасху мы провели в молитве, и радость о Христе Воскресшем, конечно, чувствовалась, но мы сокрушались, что не могли поделиться радостью с нашими богомольцами. Надеемся, Господь каждого из них по-своему утешил и укрепил, потому что они — настоящие христиане. Пасхальная радость есть Божий дар и плод молитвы, любви и жертвенности, которую верующий человек проявляет в подвиге поста. Насколько человек подвизался и смирял себя перед Богом, столько радости он и получил вне зависимости от внешних обстоятельств.

Игуменья Феофила: Пасха была прекрасна, как всегда. Разве что менее многолюдна, пропускали по билетикам. Запомнилось больше Фомино воскресенье: о билетиках забыли, и народу было столько, что ужаснулись. Причем много из Обнинска, который держал второе после Калуги место по заражениям. Вот тогда представители местной власти, которые посещают наш храм, не приказали, но посоветовали закрыться, и мы послушались. Кстати, три месяца в карантине всем нам чрезвычайно понравились. Без суеты по приему гостей и паломников, без шумных детей на службе мы ощутили себя монахами, вспоминали дореволюционный монастырек, описанный в книге владыки Вениамина (Федченкова): ветхий мостик между миром и обителью монахи время от времени ломали, чтобы насладиться уединением и покоем.

Как следует вести себя христианину в период мировых кризисов, подобных пандемии коронавируса?

Игуменья Викторина: Христианин всегда имеет возможность вести себя по-христиански, поступать по Евангельским заповедям, относиться к ближним с любовью. Бог, Святой и Безгрешный, пострадал за грехи лю-

дей, а мы страдаем, очищая наши собственные грехи и страсти. Милость Божия в том, что в наших скорбях, болезнях и страданиях мы можем находить пользу для души, возрастать в любви, соединяться с Любящим Господом. Господь любит каждого человека и делает так, что и малая скорбь, и глобальное бедствие могут приблизить к Нему — Источнику вечной радости. Земные радость и благополучие расслабляют, и Господь ставит человека в такие условия, в которых ему полезнее находиться для духовного возрастания. Христос в нескольких словах обрисовал путь Своего последователя: «В мире скорбни будете» (Ин. 16:33). Но, как Победитель смерти и ада, Он обещает и победу над всяким злом. И победа эта — в смирении, кротости и любви.

Игуменья Феофила: Любая экстренная ситуация требует от нас прежде всего послушания. Медики и власти почти что умоляли: останьтесь дома! Поберегите себя и близких! Наденьте маски! Между прочим, госслужащие получили возможность сидеть дома, получая зарплату и пособия на детей. Но в первую неделю «самоизоляции» наши граждане забронировали места в отелях Сочи, возмущались посягательством на свободу, даже митинговали. А те христиане, кого беда не коснулась, горячо отрицали ее существование. Некоторые же упрекали осторожных в маловерии: дескать, Бог не даст Своих в обиду. Будто мы можем управлять Промыслом Божиим! Великие святые, не нам чета, авва Серид, Варсонофий и Иоанн стали жертвами чумы во время эпидемии. Теперь мы знаем, какой удар нанес коронавирус Троице-Сергиевой лавре и другим монастырям.

Какой главный урок мы, христиане, должны вынести из ситуации с COVID-19?

Игуменья Викторина: Уроков очень много, и они все, без исключения, главные. Благодаря пандемии мы осознали, как хрупка человеческая жизнь, и осознали это не теоретически, а буквально каждой клеточкой тела. Господь, по любви к нам, лишает нас земного призрачного благополучия, чтобы даровать вечную радость. Он посылает испытания для того, чтобы мы восходили от силы в силу — приносили покаяние, избавлялись от страстей, трудились над собой и развивали в себе лучшие качества. Все это нужно не для Бога, а для самого человека.

Но иногда в нашей жизни даже самое священное, прекрасное и дорогое входит в привычку. Например, ежедневное присутствие на богослужениях становится формальностью, обыденностью, которой можно предпочесть, например, исполнение какого-нибудь послушания. Труд ради Бога — дело похвальное, но человек многое теряет, посвящая молитвенное время другим вещам. Когда же из-за пандемии мы лишились возможности быть на службе, приступать к таинствам,

тогда наше стремление к молитве и богослужению стало не привычкой, а жадой Бога. Молитва стала искреннее и горячее, а покаяние — глубже.

Правильно сказано: «Помни последняя твоя, и во век не согрешишь» (Сир. 7:39). Человек сразу становится собраннее и внимательнее, ему вспоминается и видится то, на что не обратил бы внимания в обыденной жизни, что казалось мелочью. Оказывается, каждое неосторожное слово, малейшее действие, каждая греховная мысль, которую мы вовремя не отсекали, имеют значение для нашей вечной участи. В скорбях развивается духовная чуткость, окружающие люди становятся дороже, и по-настоящему переживается отеческое слово, что наш ближний — это наша жизнь.

Пандемия научила нас ценить то, что дает Господь, любить ближних, пользоваться возможностью быть за богослужением — не формально, а молитвенно переживать радость Богообщения, быть внимательнее к своей внутренней жизни, больше заниматься трезвением и следить за собой. Во время скорби, болезни мы чаще призываем Бога. Господь везде и всегда желает быть в нашем сердце. Конечно, при одном условии — если этого желаем мы сами. Ведь Он сотворил нас свободными, такими же мы остаемся и в условиях пандемии. Выбор всегда за нами.

В каждом испытании мы имеем возможность приобрести добродетели, проявить послушание Богу, священноначалию, тем, кто находится рядом с нами. А от послушания рождается все доброе. Уповающий на Бога человек — это человек мужественный. Однако не стоит быть и беспечными, нужно соблюдать меры предосторожности, чтобы не повредить ближним. В этом также проявляются наши любовь, чуткость и христианское смирение.

Земная жизнь полна скорбей, потому что она есть крест, но этот крест — дар Божий. Жизнь полна и радости, если она духовна, и ее главная цель — Христос. Если мы будем бояться удалиться от Бога, то другие страхи постепенно отступят. Если же мы с Богом, Который есть Любовь, «еще убо живем, еще умираем, Господни есмы» (Рим. 14:8).

Игуменья Феофила: Эта эпидемия в истории человечества не первая и, скорее всего, не последняя. Сейчас следовало бы неустанно благодарить Господа за радость общения с близкими, за открытые храмы, за дарованную нам радость нормальной, не отягченной бедствиями жизни, которую мы обычно принимаем как должное. И при всех грядущих опасностях не будем терять самообладания, забывая, что смертны, малодушествовать, цепляясь за кратковременное земное существование, стараясь выжить любой ценой. Будем верить, что мы вечны, с нами Бог.

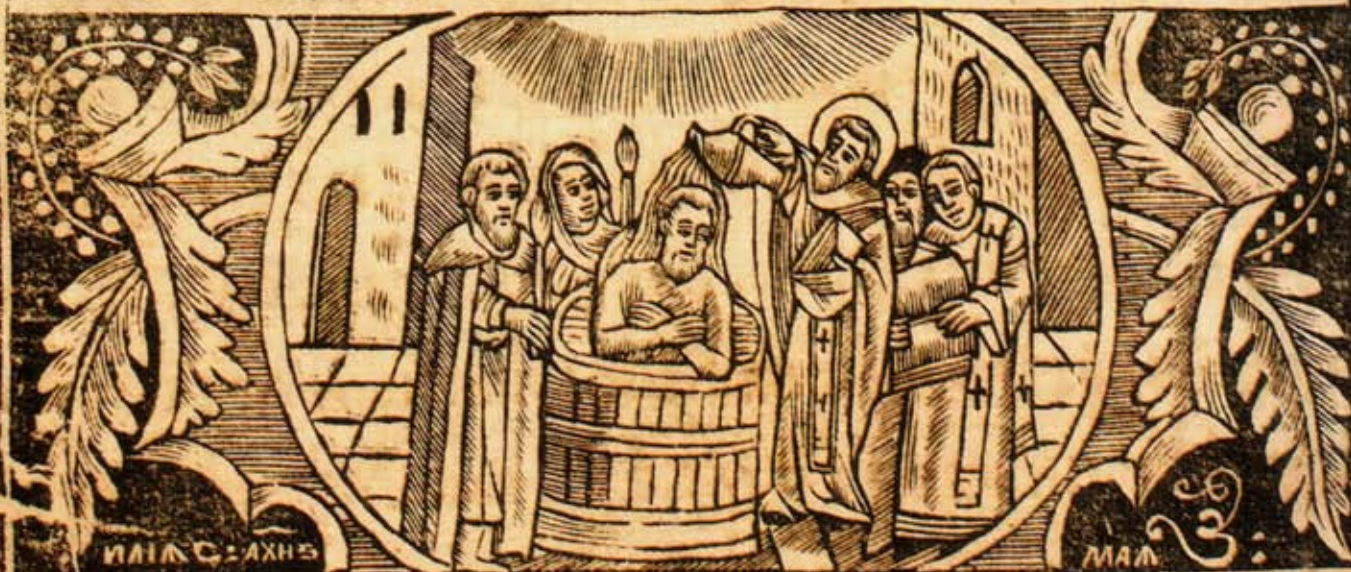

ПРЕПО: АГАПИТЪ

БЕЗМЕДНИКЪ

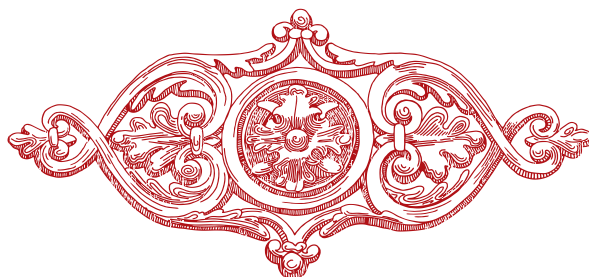
ПОУМЕРТИ АГАПИТА КРЕСТИСА ЯМЕНИНЪ: ПОПРОЧЕСТЬХ ЕГО. ✕

Преподобный Агапит Безмедник. Киево-Печерский патерик, издание 1661 г.

ЭПИДЕМИИ В ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

«Черная смерть», желтая и Киприанова чума, «мор прыщом» – каких только эпитетов не удостоивались эпидемии в истории человечества. Эпидемия – явление загадочное. Никто не знает, ни как болезнь появляется, ни чем ее лечить. А вот прекратиться зачастую эпидемия может в результате совместной церковной молитвы и общего покаяния. Бороться с ней можно лишь одним способом: мужественно и спокойно идя навстречу. Монашествующие во все века неприметно возглавляли этот путь. Однако сведений о монахах древности в периоды страшных моров не так много: «молились, исповедовали, причащали, ухаживали за больными». Монашествующие не оставили после себя явных следов, но явили миру невидимый, самый главный подвиг – благоухание святости.

ФЕНОМЕН ЭПИДЕМИИ

С древнейших времен человечество отмечало два источника болезней и, соответственно, эпидемий: духовный (гнев небес на грехи людские) и материальный (болезнетворные ветра, гнилостные испарения, блохи, грызуны, контакты с больными людьми). Причем первый источник до недавнего времени считался главным и самым важным, поэтому люди в первую очередь старались разобраться с ним. Что же касается причин вещественных, то здесь человечество тоже проявляло небольшую активность.

Чтобы противостоять эпидемиям, вносившим в мир скорбь, панику и хаос, нужно было качественно иное понимание мира, нежели то, которое было в дохристианской древности. Первый такой пример мы находим во времена эпидемии чумы, получившей название по имени человека, успешно руководившего борьбой с бедствием в своем регионе. Речь идет о Киприановой чуме и епископе Киприане Карфагенском, описавшем эту болезнь в трактате «О смертности».

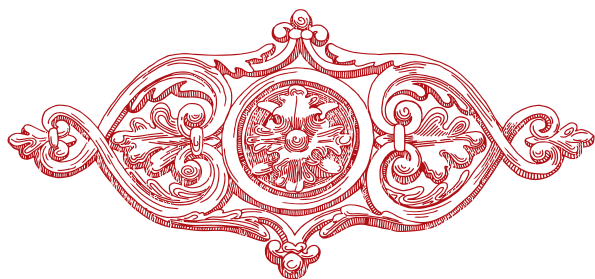
О Киприановой чуме можно прочесть и у современника святого Киприана — архиепископа Дионисия Александрийского: «Пришли война и голод; мы переносили их вместе с язычниками, но еще и терпели их издевательства и не оставались безучастны к их поведению друг с другом и к их страданиям; мы радовались миру

Христову, который Он дал нам одним. После короткой передышки обрушилась на нас эта болезнь — для них самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писатель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать. Для нас оно таким не было; как и в других случаях, Господь нас испытывал и закалял. Болезнь не обходила и нас, но поражала больше язычников».

Епископ Дионисий отмечает огромную разницу в отношении к больным христиан и язычников: «Весьма многие из наших братьев по преизбытку милосердия и по братолюбию, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них. Народная поговорка, бывшая, казалось, только выражением благожелательности, осуществлена ими на деле: они были действительно людьми, уходившими из жизни, будто они сор перед другими. Так уходили из жизни лучшие из братьев: священники, диаконы, миряне; их осыпали похвалами, ибо такая смерть, возможная только по великому благочестию и крепкой вере, считалась равной мученичеству. Они принимали тела святых

на распростертые руки и прижимали их к груди; отерев глаза и закрыв рот, несли на своих плечах и не могли от них оторваться, обнимая; омыв, заворачивали в красивые покровы, а вскоре им уделяли те же заботы: оставшиеся в живых всегда следовали за теми, кто скончался до них. Язычники вели себя совсем по-другому: заболевших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения — боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было нелегко».

Пока язычники паниковали и разбегались или забирались в дома, христиане убирали трупы и предавали их достойному погребению, с любовью ухаживали за больными, не заботясь о собственном здоровье, дезинфицировали воздух в городе, разжигая на улицах костры.

ГЛАВНОЕ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Так же отнеслись к эпидемии христиане Карфагена, хотя первое время некоторые несколько недоумевали по поводу того, почему, причащаясь Святых Таин, они все же подвергались заражению и умирали. На эти вопросы ответил святитель Киприан Карфагенский: «Правда, некоторых смущает то, что нынешняя болезненная язва поражает наших наравне с язычниками: как будто христианин для того только и уверовал, чтобы бедствия не касались к нему и он, при наслаждении мирским временным счастьем, свободный от всяких зол, сохранен был для будущей радости! Смущает некоторых то, что нынешняя смертность есть общая для нас с другими: да что же в этом мире, пока по закону первого рождения остается еще общая у нас плоть, не есть общим для нас с другими? Доколе мы находимся здесь, в мире, доколе мы связаны с родом человеческим одинаковостью плоти, а отделяемся духом. И потому пока это тленное не облечется в нетление и это смертное не облечется в бессмертие (1 Кор. 15:53); пока Христос не приведет нас к Богу Отцу, до тех пор все немощи плоти будут для нас общи со всем родом человеческим».

То есть святитель говорит о коллективной ответственности, в силу которой «при покорении какого-либо города неприятелем все граждане подвергаются плену. Во время продолжительной засухи недостаток воды чувствуется одинаково всеми; когда разбивается корабль о скалы — все без изъятия плившие на нем терпят кораблекрушение». Здесь очень важно понять, что древний христианин реально не боялся смерти. По-

чему? Потому что жил по заповедям Божиим. Потому что ежедневно причащался Святых Таин, потому что молитвенный и евхаристический опыт научил: за порогом смерти ожидает Царство Небесное. «Бояться смерти может только тот, кто не хочет идти ко Христу; а не хотеть идти ко Христу свойственно только тому, кто не верит, что он начнет царствовать со Христом». Поэтому для древних христиан во время эпидемий так же, как в периоды гонений, актуально было не выжить любой ценой, а достойно умереть. Достойно — значит похристиански: причастившись Христовых Таин, с молитвой на устах, в окружении единоверцев. Естественно, вопрос о прекращении общественных богослужений не стоял. Они прекращались только в одном случае — если некому было служить.

Кризисные общественные ситуации проявляют, с точки зрения святителя Киприана, истинную суть вещей и людей: «Наконец, возлюбленнейшие братья, не видна ли вся польза и необходимость настоящей моровой язвы, которая представляется столь страшною и жестокою, из того, что она исследует правоту каждого и испытывает помыслы человеческого рода, открывая: служат ли здоровые больным; любят ли искренно ближние родных своих; жалостливы ли господа к рабам, подвергшимся немощи; не оставляют ли врачи больных, умоляющих о помощи; укрощают ли свою свирепость жестокосердые; угашают ли в себе хищники, хотя из страха смерти, ненасытимый пламень губительного сребролюбия; гордые преклоняют ли свою выю; нечестивые смягчают ли свою дерзость; богатые, умирающие без наследника, отказывают ли что-нибудь бедным своим братьям? Но если бы эта смертность и не произвела ничего подобного, то она весьма много принесла пользы христианам и рабам Божиим уже тем, что мы охотно стали желать мученичества, научившись не бояться смерти. Так, это бедствие служит для нас упражнением, а не погибелью. Оно украшает дух славою мужества, научая презирать смерть, уготовляет нам венцы... Истина выходит наружу во время столкновениями с бедами».

Святитель Киприан проводит границу между христианским миром и царством века сего по принципу отношения к скорбям и болезням: «В этом-то и состоит различие между нами и людьми, не ведущими Бога, что они в злключениях жалуются и ропщут, а нас, напротив, бедствия не отклоняют от истинной веры и добродетели, но еще более укрепляют в них... И какое бесстрашие — всеми силами несокрушимого духа мужественно противостоять всем таковым напорам лишений и смерти! Какая высота — стоять прямо среди развалин рода человеческого и не преклоняться долу вместе с теми, кои не имеют никакой надежды на Бога! Почему надлежит радоваться и дорого ценить дар настоящего времени, в которое мы можем выказать крепость нашей веры, перенесши тяготу его, прийти ко Христу тесным путем Христовым и затем на суде Его получить награду жизни и веры».

Благодаря подвигу христиан прекратилась чума в Александрии и Карфагене. Они не отвергали ни лечения, ни принятых тогда мер дезинфекции: разжигание костров, прокаливание посуды зараженных в огне, обработка уксусом предметов быта и денег. При этом они явили миру пасхальное презрение к смерти, любовь к ближним и чужим. Эпидемия показала, что христиане предложили миру новый цивилизационный код

Необходимо понимать, что христиане того времени, приобщаясь Святых Таин ежедневно, осознавали, что мы приобщаемся не только Царству Небесному, но также страданиям и крестной смерти Господа. Смерть в этом мире — приобщение к бессмертию в ином. «Для нас, рабов Божиих, только тогда настанет мир, безмятежный и тихий покой, когда, избавившись от волнений сего мира, мы входим в пристань вечного жилища и безопасности, когда, прошедши чрез смерть, достигаем бессмертия. Вот где истинный мир, верный покой, постоянная, прочная и всегдашняя безопасность! А в этом мире надобно вести ежедневную войну с диаволом... Смерти должен бояться только тот, кто, не будучи возрожден водою и духом, готовит себя в жертву пламени геенскому, кто не огражден крестом и страданием Христовым, кто чрез смерть первую препровождается ко второй».

Краткие сочинения святителей Дионисия и Киприана об эпидемии напоминают по настрою мученичества древних мучеников. И там и тут трагические внешние обстоятельства оцениваются как тренировка для спортсмена, чтобы выиграть главное соревнование — бой с дьяволом — и уничтожить его оружие — смерть. А чтобы уничтожить, нужно через это испытание радостно и победно пройти.

«Страх Божий и вера должны делать тебя готовым на все. Ни лишение имущества, ни беспрестанная и мучительная скорбь, причиняемая тяжкими недугами тела, ни плачевная разлука с женою, с детьми, с умирающими друзьями — все это не должно соблазнять тебя, но побуждать к подвигам, не должно колебать и ослаблять твоей веры, но тем яснее обнаруживать твою доблесть в сражении: все настоящие злоключения надлежит презирать, в чаянии будущих благ».

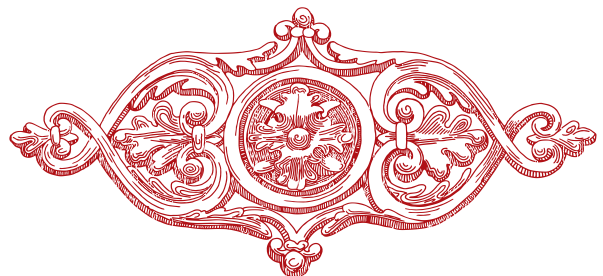
Именно благодаря подвигу христиан прекратилась чума в Александрии и Карфагене. Они не отвергали ни лечения, ни принятых тогда мер дезинфекции: разжигание костров, прокаливание посуды зараженных в огне, обработка уксусом предметов быта и денег. Но при этом было явлено миру великолепное пасхальное презрение к смерти, а также любовь к ближним и чужим. После этого авторитет христианской Церкви в Африке весьма возрос и укрепился.

С тех пор как государство взяло Церковь под свое

покровительство, лечение и уход за больными перешли в руки Церкви. При монастырях и больших храмах строились первые в истории человечества больницы. В периоды вспышек инфекционных заболеваний они были перегружены. Врачами, медсестрами и медбратами были в основном монахи.

Следует отметить, что первая многопрофильная больница появилась тоже на христианском востоке, в Каппадокии, в четвертом веке по Р.Х. Построил ее святитель Василий Великий — устроитель и глава каппадокийского общежительного монашества. Он имел хорошее медицинское образование и не только руководил комплексом, но и любил ухаживать за больными. Там было отдельное инфекционное отделение, где архиепископ Каппадокийский особенно охотно подвизался. Причем не только лечил больных, но и, утешая, обнимал их и целовал безобразные раны. Дезинфекция в отделении присутствовала: мыло, чистая вода, уксус, прокаливание на огне. Но сам святитель этим не пользовался. Невзирая на это, он не заразился и умер от других болезней. Смерти он не боялся.

Традиция ухода за больными, в том числе и различными, прижилась в монастырях, поэтому в периоды эпидемий они играли особую роль — и как центры молитвы, и как лечебные учреждения. Монахи самоотверженно ухаживали за больными во время эпидемий, нередко заражались и умирали сами.

Что понял Юстиниан задолго до шведов

Следующая большая эпидемия, или, точнее, пандемия, была связана с так называемой Юстиниановой чумой (названа по имени управлявшего тогда империей Юстиниана Великого). Она началась в 540 году и продолжалась около 200 лет, то затихая на полтора-два десятилетия, то вспыхивая снова.

Во время эпидемий епископы, священники, настоятели монастырей, а иногда и просто люди праведной жизни организовывали молебны и различные священные процессии. Литургии прекращались только в том случае, если умирал последний священнослужитель

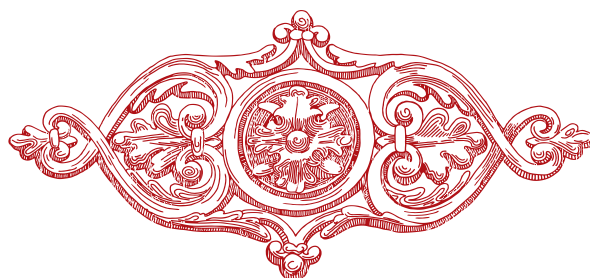
Отличительная черта чумы: невозможно было понять, ни как человек заразился, ни кто подвержен заражению, ни, естественно, как лечить. Евагрий Схоластик, потерявший в этой эпидемии несколько родственников, писал: «Она вышла, как говорили, из Эфиопии и преемственно обошла вселенную, не оставив, думаю, ни одного человека без того, чтоб он не испытал ее. Некоторые города были так поражены ею, что остались вовсе без жителей; а в других местах она действовала легче... Кроме того, часто можно было видеть, что в городе, где не было болезни, некоторые семейства всецело вымирали; а где-то, с истреблением одного или двух семейств, прочее население города оставалось невредимым — так, впрочем, что, сколько знаем мы по своим точным наблюдениям, семейства, оставшиеся невредимыми, на следующий год только одни подвергались этому бедствию. Но всего страннее, что, если каким-нибудь жителям пораженных язвой городов случалось жить там, где болезни не было, то болезнь и схватывала только тех, которые, оставив пораженные язвой города, проживали в городах, ей не подвергавшихся».

«Способы заимствования болезни были столь разнообразны, что их и не сочтешь: одни гибли от того только, что обращались и ели вместе с больными; другие — от одного прикосновения к ним; иные — побывав только в доме, а те — на площади; некоторые, убежав из зараженных болезнью городов, сами оставались невредимы, зато приносили с собой болезнь здоровым; а были и такие, которые при всем том, что жили с больными и прикасались не только к зараженным, но и к умершим, оставались совершенно свободными от болезни; иные же, лишившись всех своих детей или домашних, хотя и желали умереть и нарочно обращались с больными, однако не подвергались заразе, как бы она действовала наперекор их желанию. Эта язва, как сказано, продолжает свирепствовать до сего времени 52 года, и превзошла все прежде бывшие язвы».

Вышеописанные наблюдения VI века можно отнести ко всем последующим эпидемиям, вплоть до коронавируса, и сводятся они к тому, что никаким разумным объяснениям эпидемия не поддается. И через 800, и через 1500 лет свидетели событий оставляют нам абсолютно такие же описания и рассуждения, поэтому здравые люди приходили к одному выводу: «Причину же этого

бедствия невозможно ни выразить в словах, ни постигнуть умом, разве что отнести все это к воле Божьей», — писал Прокопий Кесарийский, переживший чуму в Константинополе.

Естественно, люди ринулись в храмы (свидетельство Прокопия) и попытались изменить образ жизни. «Даже те, кто раньше предавался позорным страстям, отказались от противозаконного образа жизни и со всем тщанием упражнялись в благочестии не потому, что вдруг познали мудрость или возлюбили добродетель (ибо то, что дано человеку от природы или чему он долго обучался, не может быть так легко отброшено, разве что снизойдет на него Божья благодать), но потому, что тогда все, так сказать, пораженные случившимся и думая, что им вот-вот предстоит умереть, в результате острой необходимости, как и следует ожидать, познали на время кротость».

ЖЕЛТАЯ ЧУМА

Во всех эпидемиях, в новую эру происходивших в христианских странах, всегда обнаруживались подвижники, которые самоотверженно служили людям, при этом иногда заражались и умирали. Так, один из просветителей Ирландии преподобный Финиан Клонардский представился 12 декабря 549 (по другим сведениям — 552) года, заразившись от больных братьев, которым прислуживал. Когда он понял, что болен, то уединился неподалеку, чтоб никого не заразить. Но любящие братья не оставили его без христианского утешения. Его ученик и сотоварищ святой Колумба из Тирдаглас причащал его на смертном одре. Святой угодник отошел ко Господу радостно, напевая 14-й стих 131-го псалма: «Это покой мой навеки». Святой Колумба в полном здравии продолжал свои подвиги в обители.

По словам одного из биографов преподобного Финиана, «подобно святому Павлу, умершему в Риме за христиан, чтобы они не погибли вечной смертью во аде, святой Финиан умер за народ Ирландии, чтобы он не погиб от желтой чумы». То есть ирландцы верили:

подвиг и молитвы святого Финиана остановили чуму в стране. Мощи святого хранились в монастырской церкви Клонарда, источая исцеления, до 887 года.

В Европе в это время царил хаос, светские власти частенько бросали города и села на произвол судьбы, и тогда во главе народа вставали священнослужители. Они наводили порядок, следили за доставкой продовольствия и выполняли другие обязанности гражданских правителей. Кстати, именно в это время в Европе

*Преподобный Финиан Клонардский.
Деталь витража, ок. 1916 г.*

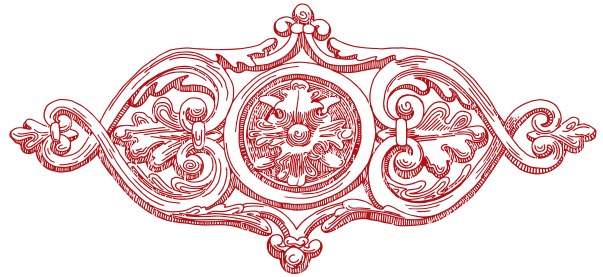
духовная власть начинает не только приравняться к светской, но и превосходить ее в глазах народа.

Во время эпидемий епископы, священники, настоятели монастырей, а иногда и просто люди праведной жизни организовывали молебны и различные священные процессии. Литургии прекращались только в том случае, если умирал последний священнослужитель.

«Но в Византии ничего похожего не случилось. Современные историки, изучающие этот период, с изумлением обнаружили, что даже в самые страшные времена экономика и весь государственный механизм

Восточной Римской Империи продолжали функционировать. Торговля в Восточном Средиземноморье продолжалась, голод не поразил ни сам Константинополь, ни другие большие города Империи. Не в силах бороться с самой болезнью, светские и церковные власти Византии с успехом справлялись с ее последствиями, не давая погрузиться в хаос пораженным эпидемией районам. Именно благодаря этому Византия не только сохранилась как государство, но и спасла население Империи от голода, варварских нашествий и социального хаоса. Юстиниан I, потерявший от болезни свою жену Феодору и сам переболевший чумой, мог считать себя победителем. Его страна выжила, сохранила свою целостность и осталась великой державой».

Чума возвращалась приблизительно раз в 15–20 лет, но регулярно преодолевалась молитвами угодников Божиих, усилиями монахов-лекарей, христиан, самоотверженно выхаживавших больных, разумными действиями правительства.

Крестные ходы против эпидемий

Одна из вспышек эпидемии произошла в Риме через 25 лет после кончины Юстиниана. Папа Пелагий II заразился и умер. Его преемник, Папа Григорий Великий сразу же призвал народ к покаянию: «Поэтому, возлюбленная братия, завтрашний день, с сокрушенным сердцем и решимостью на исправление, мы идем на самом рассвете с четвертым крестным ходом на семиобразную литию, по означенному ниже разделению, с благоговением и со слезами. Никто из вас не должен выходить на поля для земных дел, никто не должен решаться на исправление какой-либо должности, поскольку, сходясь к Церкви Святой Родительницы Господа, мы, которые все вместе согрешили, все вместе будем оплакивать содеянные нами беззакония, дабы Праведный Судия, думая о наказании нас за преступления наши, Сам удержался от определения предположенного наказания».

Ниже папа поясняет, что значит «семиобразная лития»: «Ход клириков начнется от Церкви Св. Иоанна Крестителя; ход мужчин — от Церкви Св. Мученика Маркелла; ход монахов — от Церкви Мучеников Иоанна и Павла; ход девиц — от Церкви Св. Мучеников Космы и Дамиана; ход замужних женщин — от Церкви Св. Первомученика Стефана; ход вдовиц — от Церкви Св. Мученика Виталия; ход бедных и младенцев — от Церкви Св. Мученицы Цицилии».

Мученичество святого Себастьяна. Витражное стекло, Франция. около 1500 г.

Как видим, крестные ходы проводились неоднократно, в них участвовал весь город от мала до велика без различия сословий. Римского первосвященника видели во главе процессий в гуще народа. Возможно, Папа Пелагий заразился именно так. Но это не устранило его преемника святителя Григория, прозванного в восточной традиции Двоесловом, который продолжал служить и руководить жизнью города.

Во время одного такого крестного хода, согласно преданию, произошло чудо: когда кающиеся проходили мимо гробницы императора Адриана (ныне замок св. Ангела) близ Ватикана, над ее куполом показался «архангел Михаил, который вложил свой пылающий меч в ножны, тем самым показывая, что моления римлян услышаны на небесах и чума прекратилась».

В житиях того времени мы читаем: такой-то угодник помолился, и чума в его местности прекратилась. Современные «исследователи» любят говорить, что это поздние свидетельства. Но мы имеем и показания современников. Евагрий Схоластик, живший в то время в Антиохии, свидетельствует, что в его родном городе болезнь пресеклась после торжественного перенесения в город мощей святого Фомы Сирийского. Торжественного — значит всенародного: во главе с духовенством и светскими властями, в сопровождении монахов всех монастырей и кающихся жителей всего города. Евагрий был очевидцем и участником.

Таким образом, в Юстинианову чуму Церковь и на Западе, и на Востоке оказывается на высоте своего служения, государственная же власть, главным образом в Европе, нередко пребывает в растерянности или просто дезертирует.

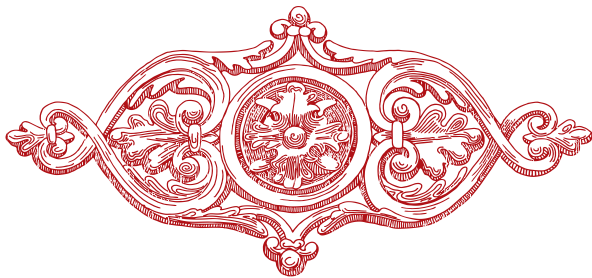
«Начиная с XI столетия в Европе активизируется проказа. Она достигла своего максимума примерно через 200 лет после начала Крестовых походов — в XIII столетии, т. е. перед началом эпидемии «черной смерти». В целях общественной профилактики церковь устраивала убежища для прокаженных — *lazaretti* (по имени монашеского ордена св. Лазаря). Обслуживали лепрозории главным образом монахи. Причем и на Западе, и на христианском Востоке. Количество убежищ быстро возрастало.

В это время (1092 г.) происходит первая, отмеченная в летописях, эпидемия на Руси. Это было некое гангренозное поражение внутренних органов и тканей. На Руси христианство шло пока не вглубь, а вишь, было много полуязыческих суеверий в христианской среде, да и язычников обреталось немало, поэтому летописцами фиксируется главным образом страх.

«Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома».

Многие отсиживались по домам, надеясь спастись от мора. Самоизоляция была быстрой и стихийной. Причину болезни объяснили просто: «Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских».

Никоновская летопись, описывая «мор и глад» 1230 года, упоминает отнюдь не единичные случаи людоедства. Тела погибших от болезни хоронят в братских могилах. Но их отпевают, и в Новгороде похоронами умерших руководит архиепископ.

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

Знаменитая эпидемия чумы XIV века («черной смерти») зародилась в Монголии, с войском хана Джанибека добралась до Крыма. Оттуда генуэзская флотилия разнесла ее по Средиземноморью, и вскоре чума появилась в Англии. Византийский историк Никифор Григора коротко описал эту эпидемию. Рассказ его похож на то, о чем сообщали его предшественники в предыдущие века. И вывод из повествования следует такой же, как и раньше: ни понять эту болезнь, ни спастись от нее невозможно. Поэтому хронист переходит к более важным для него событиям. Заметим, он современник бедствия, но не заикливается на нем, как его западные коллеги, и повествует, как народ продолжает решать текущие проблемы, защищаться от врагов — другими словами, жить. Слово бы и нет никакой эпидемии. Солдаты отбиваются от атакующих их генуэзцев, крестьяне обрабатывают землю, ремесленники трудятся в мастерских. Больных лечат, умерших хоронят. Храмы заполнены молящимися. Григора еще дважды упоминает об эпидемии — коротко, мимоходом. Занимают его совсем иные события.

Византия, невзирая на экономический упадок, перестрадала эту эпидемию так же, как и все предыдущие. Народ продолжал трудиться по мере возможности и молиться сверх меры. Только в кругу элиты велись споры о том, за что Господь послал чуму — за противодействие святителю Григорию Паламе или за сочувствие и поддержку. Императрица была уверена в первом, а император держался противоположной точки зрения. Интересно, что бесконечную гражданскую войну, бесчисленные феодальные межусобицы и дворцовые интриги они в расчет не принимали. А народ, видимо, не дискутировал, потому как люди того времени четко понимали: скорби и болезни — результат нераскаянных

грехов. Кающиеся шли в храмы и монастыри. Больные отправлялись туда же, так как основная медицинская помощь подавалась монахами.

Сам же святитель Григорий Палама говорил по этому поводу следующее: «Желаете ли знать, каким великим злом является любостяжание? Вы можете это видеть на основании эпидемии, от которой мы ныне страдаем. Поскольку Бог видит, что мы живем совершенно далеко от покаяния и не проявляем никакой заботы о будущей жизни, то справедливо наводит смерть почти на всех нас в целокупности, не допуская, чтобы мы жили во зле и совершали грехи».

Конечно, святитель обличает не только любостяжание, но и другие прегрешения. Он указывает народу способ преодоления эпидемии: «Покаемся от души и обратимся от злого навыка и грехолюбивого образа мыслей, чтобы нам остановить Божий гнев и изменить его на милость. Излечим наше зло, чтобы нам не оказаться быть уничтоженными им. Если же мы или всячески будем бежать без оглядки от грехов или же, путем исповеди и покаяния, делами, возмещающими наши прегрешения, умилим Бога, действенным в нас смирением умолив Его к нам, то тогда, при поддержке нас Божиим человеколюбием, восполняющим наши недостатки, мы и теперь избавимся от сего Божиего гнева и от этой несвоевременной и массовой смерти, могущей вылиться во всеобщую гибель; в будущем же веке получим бессмертную жизнь, во славу единого Жизнодавца Христа».

У восточных писателей, по крайней мере, дошедших до нас источников, не ведется речь о каких бы то ни было способах лечения, хотя византийская медицина в те времена была наилучшей, а говорится только о способах покаяния и спасения души.

С точки зрения Римско-католической церкви, причины эпидемии были ясны: наказание за человеческие грехи, отсутствие любви к ближним, погоню за мирскими соблазнами при полном забвении духовных вопросов.

В 1347 году, с началом эпидемии, Церковь, а вслед за ней и народ были убеждены, что грядет конец света, сбываются пророчества Христа и апостолов. В войне, голоде и болезни видели всадников Апокалипсиса. Причем именно чума должна была исполнить роль всадника, чей «конь блед и имя ему — Смерть».

С чумой пытались бороться с помощью молебнов и крестных ходов. Так, шведский король, когда опасность подступила к его столице, возглавил крестный ход босиком с непокрытой головой, моля об отвращении бедствия. Церкви были заполнены верующими. Как лучшее лекарство для уже заболевших или чтобы избежать заражения, Церковь рекомендовала «страх Божий, ибо Всевышний один может отвратить чумные миазмы». Покровителем чумных больных считался святой Себастьян, с ним также было связано поверье о прекращении чумы в одном из городов, когда в местной церкви был построен и освящен придел, где установили статую святого.

Как же реагировало на «черную смерть» западное духовенство? По-разному. «Архиепископ Йоркский Зуш написал своему заместителю, приказывая в каждом приходе дважды в неделю провести процессии и литании, «чтобы остановить эпидемию и инфекцию», ибо только молитвой, провозгласил он, можно отвести бич Господень. Епископ Батский и Уэльский, тоже напуганный, приказал также проводить Крестные ходы и сборища во всех церквях, чтобы «защитить людей от эпидемии, которая пришла с Востока в соседние королевства».

Для защиты города от чумы в дар святым преподносились свечи. В 1384 году советники Монпелье преподносили в дар Богородице свечу, с которой обошли защитный вал города. В Амьене подобное подношение было сделано в 1418-м, в Компьене — в 1453, в Лувье — в 1468 и 1472 гг., в Шалон-сюр-Сон — в 1494-м и т. д.

«Раскаяние и покаянные процессии были испуплением всего города. Зрителями были только больные, смотревшие на процессию из окон. Остальные жители — духовенство и гражданские лица, члены городского совета и простые граждане, монахи всех орденов и конфессий, то есть безликая городская толпа — участвовали в Литургии, молились, молили, пели, каялись и вопили. Процессия была многочисленной, ей следовало обойти весь город, поэтому она длилась очень долго. Но независимо от конкретного назначения религиозная процессия должна быть долгой. Мольба о такой опасности может быть услышана Небом, если она длится достаточно долго, чтобы Всевышний Судия сменил гнев на милость. Чтобы быть лучше услышанными и увиденными, нужны были свечи, огни, жалобы самобичевателей, одним словом, непрерывное моление. В хронике о чуме 1630 г. в Бусто подчеркивается, что во время крестного хода в честь Богородицы пение молитв не прекращалось, так же как и звон колоколов».

Возникает закономерный вопрос: имело ли покаяние результаты? Безусловно. Испанский историк Морешон обратил внимание на загадочное явление. «По его описанию, как только закончились эпидемии первой волны, в Европе произошел демографический взрыв. Суть его заключалась во множестве вновь создаваемых семей, которые оказались необычайно плодотворны — в таких браках очень часто рождались двойни. Новые поколения людей были менее подвержены заболеванию чумой, смертность же среди заболевших резко снизилась. И еще одно странное совпадение — после первых волн «черной смерти» из Европы стала исчезать проказа».

Итак, с лечением было плоховато, как считают современные медики. А покаяние было — что они тоже отмечают, хотя смысла в нем не видят. Результат — снижение смертности, появление здорового потомства у выживших и даже исчезновение проказы (болезни «за особо тяжкие грехи»).

На Русь «черная смерть» пришла с опозданием на шесть лет. Летом 1352 года чума охватила Псков. «Согласно Никоновской летописи, “бысть мор во Пскове силен зело и по всей земле Псковской, сице же смерть бысть скоро: храхне человек кровию, и в третий день умираше, и быше мертвии всюду”. Далее летописи сообщают, что священники не успевали хоронить мертвых. За ночь к церкви приносили по двадцать-тридцать трупов, так что приходилось класть в одну могилу по пять-десять тел и отпевать всех одновременно». «Богатые раздавали свое имущество, даже детей, и спасались в монастырях».

В течение 15 лет чума распространилась на Ладугу, Суздаль, Смоленск, Чернигов, Киев и по всей Центральной Руси (1363 — 1365), не пощадив и Московского княжества, где «быстрой смертью умерли митрополит Феогност, Великий князь Симеон Гордый с детьми и тысячи жителей».

«На Руси в период «черной смерти» царил не меньшая растерянность, чем в Западной Европе. Видя безуспешность, каких бы то ни было “профилактических мероприятий”, русское население усиленно молилось, строило церкви». «В целях предохранения от заболевания советовали очищать воздух разведением больших костров на улицах и в домах, поэтому начальством отдавалось распоряжение “костры нарядити”».

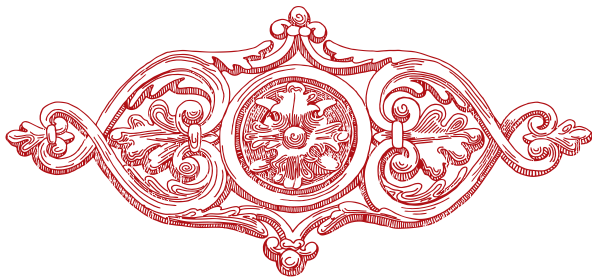
В 1364 году на значительной части территории нынешней России вновь начали пульсировать очаги чумы. Мор был признан на Руси карою Божьей за грехи, однако наблюдатели не могли не заметить ряда фактов, говорящих о «прилипчивости» болезни. Современник записал: «Видяше друг друга скоро умирающе и сами на себя того же ожидающе, имения свои даяху убогим и нищим и никто же не взимаху, аще бо кто что у кого возьмет, в той же час неизцелно умираху». Отсюда появилась такая мера, как изолирование больных от здоровых и ряд других ограничений, вплоть до застав, но все они в XIV веке еще не проводились систематически, а носили спорадический характер.

Стоит обратить внимание на деталь, которую не заметил светский интерпретатор летописного текста. Люди, чтобы не заразиться чумой, не просто «имения свои даяху», но творили милостыню, полагая, что христианский поступок избавит их от болезни, поэтому изолирование и заставы носили спорадический характер, а милостыня, частная и церковная молитва, а также покаяние — систематический. Правда, север Руси заразился-таки от Европы тамошним духом: во Пскове для избавления от эпидемии сожгли одиннадцать «вещих женок».

На Руси были разные эпидемии: «мор железною», «мор каркотою», «мор прыщомъ», «костолом» и другие. Современные медики не всегда могут идентифицировать эти болезни. Летописи в связи с эпидемиями упоминают в основном тот факт, что здоровые всегда старались послужить больным, отчего нередко сами

В периоды эпидемий монастыри играли особую роль – и как центры молитвы, и как лечебные учреждения. Монахи самоотверженно ухаживали за больными. При этом нередко заражались и умирали

умирали. Отношение к болезни было традиционным: «кому же Бог повеле, той умре, а его же Бог соблюде, той наказася страхом Господним, да прочие дни и лета целомудренно и безгрешно проживет».

ПРОВЕРЕННЫЕ РУССКИЕ СРЕДСТВА

Для борьбы с эпидемиями на Руси нередко избиралось верное средство – всем городом или всей деревней строили так называемую обydенную (то есть за один день) церковь. К примеру, в Новгороде во время эпидемии 1467 года (мор железа) построили храм Симеона Богоприимца. «Храм начинали строить еще затемно, всем миром – селом или городом, но до заката его уже завершали, и в нем молились Богу о прекращении мора. Так объединялись люди в покаянии и молитве, в едином деле, прося у Бога особой помощи».

Чтобы избавиться от мора 1486 года, псковитяне выстроили «в один день» церковь, но «мор не преста». Это их не смутило. В следующем году так же возвели вторую. Эпидемия прекратилась.

«Разразившаяся в Москве чума 1654 года сопровождалась хаосом. Поступали сведения о том, что священники, отпев умерших, возвращаются домой, разнемогутся и умирают. Царица с детьми из Троицы обители 27 августа направила в Москву Казанскую икону Божией Матери и образ преподобного Сергия Радонежского, “чтоб Господь Бог утишил праведный Свой гнев”. А затем все сообщение с городом прекратили. На заставах велено было без всякой пощады гнать всех обратно, а пытающихся обойти заставы тайными тропами ловить и казнить. Но народ старался бежать из Москвы всеми возможными способами. Чума попала в другие города.

Предполагается, что в одной только Москве от эпидемии умерло более половины жителей (например, в Чудовом монастыре из 208 монахов в живых осталось лишь 26). Оставшиеся очаги дали новую вспышку эпидемии в 1656 году. Патриарх Никон обратился с особым указом: всем наложить на себя пост, исповедоваться, раскаявшись во грехах своих, причаститься Святых

*Церковь Симеона Богоприимца,
Новгород Великий, 1467 г.*

Таин и так умолять Бога о прекращении поветрия. Москову эпидемия больше не затронула.

Как уже говорилось, «во время моровых поветрий было распространено строительство обydенных храмов. Вологду чума покинула после того, как 18 октября для утешения гнева Божиего горожане возвели деревянную Спасообydенную Всеградскую церковь. Спустя четыре дня в такой же короткий срок местный иконописец по желанию вологжан написал икону Всемилостивого Спаса. В Ростове обydенная церковь Всемилостивого Спаса на Торгу появилась по обету после прекращения морового поветрия».

Особенностью этой эпидемии было массовое пострижение в монашество зараженных. «Как только кто-нибудь, мужчина или женщина, заболит, то посвящает себя Богу: приглашает священников, исповедуется, причащается и принимает монашество, [что делали]

ЧУМА ВОЗВРАЩАЛАСЬ ПРИМЕРНО РАЗ В 15–20 ЛЕТ, НО РЕГУЛЯРНО ПРЕОДОЛЕВАЛАСЬ МОЛИТВАМИ УГОДНИКОВ БОЖИИХ, УСИЛИЯМИ МОНАХОВ-ЛЕКАРЕЙ, ХРИСТИАН, САМООТВЕРЖЕННО ВЫХАЖИВАВШИХ БОЛЬНЫХ, РАЗУМНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

не только старцы, но и юноши и молодые женщины; все же свое богатство в имущество отказывает на монастыри, церкви и бедных». Конечно, многие умерли, но выздоровевшие пополнили ряды весьма оскудевшего от мора монашества.

В значительном числе свидетельств избавление от морового поветрия было связано с реликвиями и иконами. С вмешательством чудотворных икон Богоматери связывают прекращение эпидемии в нескольких городах: принесение Югской иконы в Рыбинскую слободу, Седмиозерной — в Казань, молебны перед Боголюбской иконой в Угличе, написание новой иконы Богоматери в Шуе (которая была позднее названа Шуйско-Смоленской), Толгского и Смоленского образов — в Ярославле. В Москве, по преданию, многие люди выздоровели благодаря заступничеству от иконы Грузинской Богородицы. Спасение Твери в 1655 году приписывают мощам князя Михаила Ярославича, а спасение Бежецка — иконе святителя Николая Чудотворца. Известны случаи, когда общины в челобитных царю упрасивали его прислать чудотворные реликвии, например крест с мощами.

Особо стоит отметить, как преодолевалась эпидемия холеры в Москве в 1830-м. Здесь особую роль сыграл великий аскет, основатель двух десятков монастырей и скитов святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Когда началась эпидемия, губернаторы некоторых губерний сразу решили покрывать не только рынки, но и храмы. Святитель Филарет, понимая всю пагубность такой меры, «сразу же выступил с инициативой особых молебствий еще до получения циркулярных указов от Святейшего Синода. Он издал распоряжение всем храмам его епархии совершать «особые моления с крестным хождением по чину, приспособленному к обстоятельствам»». И уже на следующий день в московских храмах и монастырях служились молебны и совершались крестные ходы.

«Воронежский губернатор через министра внутренних дел обратился к императору за разрешением о служении особых молебнов в Воронежской губернии по случаю эпидемии. Царь препроводил представление губернатора в Синод с повелением установить подобные молебствия по всей России, если подобные примеры уже имели место. Чин молебного пения был составлен святителем Филаретом и 19 сентября разослан по епархиям. В Петербурге молебные пения совершались согласно с этим чином, вероятно, без крестных ходов.

Почти тридцать лет спустя, в 1861 году, в письмах своему викарию епископу Леониду святитель Филарет осторожно вспоминает: «Говорили, что опасны собрания народа в церквах и в крестных ходах, и представляли в пример город, в котором церкви были заперты. Я обещал некоторые предосторожности: и мне уступили свободу собрания в церквах».

В 1830 году именно в Петербурге прошли серьезные народные бунты. По городу активно распространялись слухи о том, что никакой болезни нет, а отравляют воду врачи. Врачей ловили, избивали и даже убивали.

Холерный бунт прекратился только после того, как из своей загородной резиденции в столицу приехал Николай I и обратился к народу с отеческим вразумлением. После Петербурга император выехал в Москву. О прибытии государя есть воспоминание святителя Филарета в том же письме епископу Леониду: «Когда по совершении крестных ходов в середине города и около всех церквей на другой день прибыл Государь Император и, следуя, конечно, суждениям врачей, спросил меня, не опасно ли, что я собираю массы народа и становлю на коленопреклоненную молитву на сырой земле, Провидение дало мне возможность тотчас отвечать: «Ваше Величество, Господь оправдал церковное действие по крайней мере против сего сомнения: число заболевающих после крестных ходов не больше, а несколько меньше, нежели во дни прежде крестных ходов». Так еще более подтвердилась свобода церковных молитв».

Московский святитель говорил не голословно: уже через день после соборного крестного хода вокруг Кремля «Ведомость о состоянии города Москвы» («холерная газета», как ее называли в народе) официально сообщала: «Жители Московские в сердечном умилении обращались к святому Угоднику, который, в течение веков бодрствуя над своею землею отчизною, хранит ее ото всяких напастей; он внял, кажется, их теплым молитвам: в этот день умерло в Москве гораздо менее, чем в самое благополучное время. Много бо может молитва Праведника споспешествуема». Царь был вполне удовлетворен ответом святителя и одобрил все его действия.

Подобным же образом и по случаю холеры 1866 года святитель Филарет писал в письме к викарию своему Игнатию от 17 сентября: «Напрасно более бояться молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский

нынешней, я видел довольно опытов, что, где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась». Святитель пишет не о домашней, а именно об общественной молитве. Он не сопротивлялся карантинным мерам, но и не оставлял свою больную паству без духовного утешения. Духовенству Московской епархии было поручено направить «в каждую из учрежденных больниц по чреде по несколько ближайших священников для исповедания и причащения Святыми Таинами больных и для напутствования отходными молитвами умирающих».

Чтобы наладить четкое взаимодействие с властями, святитель сразу отрядил двадцать «депутатов от духовенства из архимандритов, протоиереев и священников — для содействия светским особам, начальствующим в каждой части города над попечением о больных, и над употреблением предохранительных средств против усиления заразы».

Дезинфекционные средства тоже предусматривались: «Во избежание заражения клиру предписывалось «мыть руки уксусом или хлорированной водой, иметь при себе склянку с хлором».

С самого начала эпидемии верующие призывались к освящению себя Святыми Таинами, что «в самой Москве и исполнялось православными чадами Церкви с самого появления болезни донныне; кажется, и начинает здесь являться милосердие Божие в уменьшении числа занемогавших и силы болезни», — писал святитель Филарет.

«И надо сказать, во времена той эпидемии говели и причащались, по свидетельству графа М. В. Толстого, почти все. "Никогда, ни прежде (насколько старики могли упомянуть), ни после, не бывало такого благочестивого настроения между Московскими жителями: храмы были полны ежедневно, как в святой день Пасхи; почти все говели, исповедались и причащались Свя-

«ВЕСЬМА МНОГИЕ ИЗ НАШИХ БРАТЬЕВ ПО ПРЕИЗЫТКУ МИЛОСЕРДИЯ И ПО БРАТОЛЮБИЮ, НЕ ЖАЛЕЯ СЕБЯ, ПОДДЕРЖИВАЛИ ДРУГ ДРУГА, БЕЗБОЯЗНЕННО НАВЕЩАЛИ БОЛЬНЫХ, БЕЗОТКАЗНО СЛУЖИЛИ ИМ, УХАЖИВАЯ ЗА НИМИ РАДИ ХРИСТА, РАДОСТНО УМИРАЛИ ВМЕСТЕ»

архиепископ Дионисий Александрийский

тых Таин, как бы готовясь к неизбежной смерти". Это свидетельство относилось не только к простому народу и благочестивому купечеству, но и к дворянам.

Хоронили больных быстро, порой и ночью, но каждого в особой могиле и всегда отпевали, хотя иногда и заочно. Святитель строго следил за достойным погребением усопших. «А, например, в Санкт-Петербурге были свидетельства, что умерших от холеры бедняков хоронили в братской могиле — выкапывали большие ямы, складывали гробы и засыпали известью. Батюшка ограничивался кратким заупокойным поминовением, даже не всегда поименным».

В отношении монастырей святитель Филарет тоже издал «эпидемиологические» распоряжения. Если в монастырях обнаруживался холерный «случай» или даже подозрение на него, обитель отправлялась в карантин. Разрешался в нее вход только на службу: строго по тропинке от ворот до храма. Богомольцам и монахам общаться запрещалось.

Митрополит Филарет 8 января 1831 года в письме епископу Екатеринославскому Гавриилу (Розанову) писал: «Не укоряйте холеру именем злой: она уважает доброе. В тридцать холерных больниц или около сего числа ходили у меня по чреде ежедневно всего до ста священников, и шесть недель холера не трогала ни одного из них».

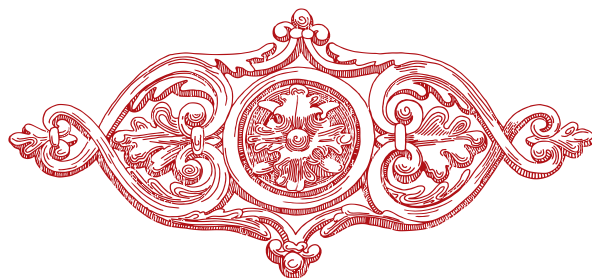
Но, конечно, и среди священников, которые честно исполняли свой долг, многие боялись. «Что Вы боитесь холеры, — писал святитель преподобному Антонию (Медведеву) в сентябре 1847-го, — может быть, это к лучшему. Лучше помолитесь. Я что-то смотрю на приближение холеры, как просто на приближение осени. Это равнодушие не хуже ли? Господу помолимся, о всех и за вся».

«Священники умирали, так же как все люди. Известно, что в 1830 году в Московской епархии от холеры умерло более десяти священнослужителей. Всего в епархии тогда было около 1200 священников и 600 дьяконов».

Служение народу в условиях эпидемии было настоящим героизмом, причем нисколько не осознаваемым — духовенство просто делало свою работу, иногда даже лучше врачей. «Священник, — писал святитель Филарет, — желая иметь возможность напутствовать больного с причастием, дал ему гомеопатический прием против рвоты и вылечил его и потом нескольких тем же способом».

В этом контексте вспоминаются древние святые, лечившие больных какой-нибудь травкой. Попробуйте сказать современному врачу, что холеру можно вылечить гомеопатией — засмеет. Современный врач-атеист, даже разбираясь в гомеопатии, холеру не вылечит. Нет у него таких внутренних данных. Ведь главное заблуждение медиков западной цивилизации заключается в том, что болезнь излечивается веществом, током или лазером — чем угодно, кроме действия благодати Божией. Поэтому европейски образованный врач и не может зачастую вылечить болезнь, которую простой русский батюшка вылечивал гомеопатией, а обычные русские лекари простыми подручными средствами — травой, едой, водой.

Мы видим, что, не отрицая определенных мер осторожности, святитель Филарет не разделяет той точки зрения, что, собираясь на молитву, христиане якобы обязательно заразятся и заболеют. Более того, основываясь на личном опыте и собственных наблюдениях, он утверждает прямо противоположное. Можно сказать, конечно, что он был святой и мог себе это позволить. Однако и более тысячи московских священников, постоянно общавшихся с большими массами народа, в том числе и больного, почти не пострадали. Вряд ли все они были такими же подвижниками, как святитель Филарет. Однако, став мужественно на путь пастырского подвига, они, несомненно, приобрели благодать, которая сохранила почти всех из них. Потому что для того, чтобы принять Дух, нужно отдать кровь.

ЦЕРКОВЬ – ОПОРА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Замечательная традиция величайших монахов не пресеклась и в наше время. Мы знаем о схимонахине Гавриилии (Папаяни), много лет лечившей прокаженных; преподобного Анфима Хиосского, трудившего в лепрозории, подобно святителю Василию Великому. Или вот замечательный рассказ о великом святом XX века афонском монахе Иосифе Исихасте: «Однажды на дороге отец Иосиф подобрал послушника, больного

туберкулезом, которого выгоняли отовсюду, как только узнавали про его болезнь. Он сам ухаживал за ним, выпрашивал у соседей инжир, маслины. А перед смертью постриг в великую схиму, как принято на Афоне. И ничем не заразился».

Лучшие люди Церкви всегда были с болящими и страждущими. Покойный протоиерей Александр Агейкин сказал об этом так: «Церковь прошла через множество эпидемий. Накоплен богатейший опыт молитв и противодействия этой беде. Человек не должен быть одиноким. Понятно, легче всего спрятаться от всех, затвориться, закрыться. Но любое испытание, в том числе эпидемия, — это проверка тебя на любовь. Потому что можно много говорить, можно бахвалиться тем, что ты своей верой все преодолешь. Но слова есть слова. Самое главное — дела. Ведь мы свидетели того, что в церкви христиан беда объединяла. Они помогали друг другу в качестве волонтеров, помощников, помогали больным. Потому что человеку действительно нельзя допустить его ощущение ненужности, брошенности, оставленности, особенно в те минуты, когда он болен. Всегда была такая традиция в Церкви с самых первых, еще апостольских, времен. Святое Евангелие наполнено призывами от самого Христа быть ближнему поддержкой, опорой. И мы знаем прекрасно притчу о милосердном самарянине, когда Господь приводит примеры равнодушия, когда мимо впавшего в разбойники, изуродованного человека проходят и священник, и ле-

вит. Самарянин оказывает ему милость. Нельзя отнимать у людей опору Церкви. Праздник происхождения честных древ Животворящего Креста Господня происходит как раз из карантинного, подверженного эпидемиям Константинополя, когда совершались крестные ходы, древо Животворящего Креста погружалось в источники, освящалась вода, и тем самым останавливались эпидемии.

Русская Церковь прошла через «черную смерть» — страшную эпидемию чумы XIV века, которая унесла почти 2/3 населения, но все-таки была остановлена общей молитвой и милостью Божией. Потому что это может сделать только Бог, в Его руках жизнь и смерть. Она — не в руках врачей. Врач использует ту мудрость, которую получает, в том числе через благодатную помощь Божию. Он помогает человеку искусством врачевания. Но исцеляет Бог.

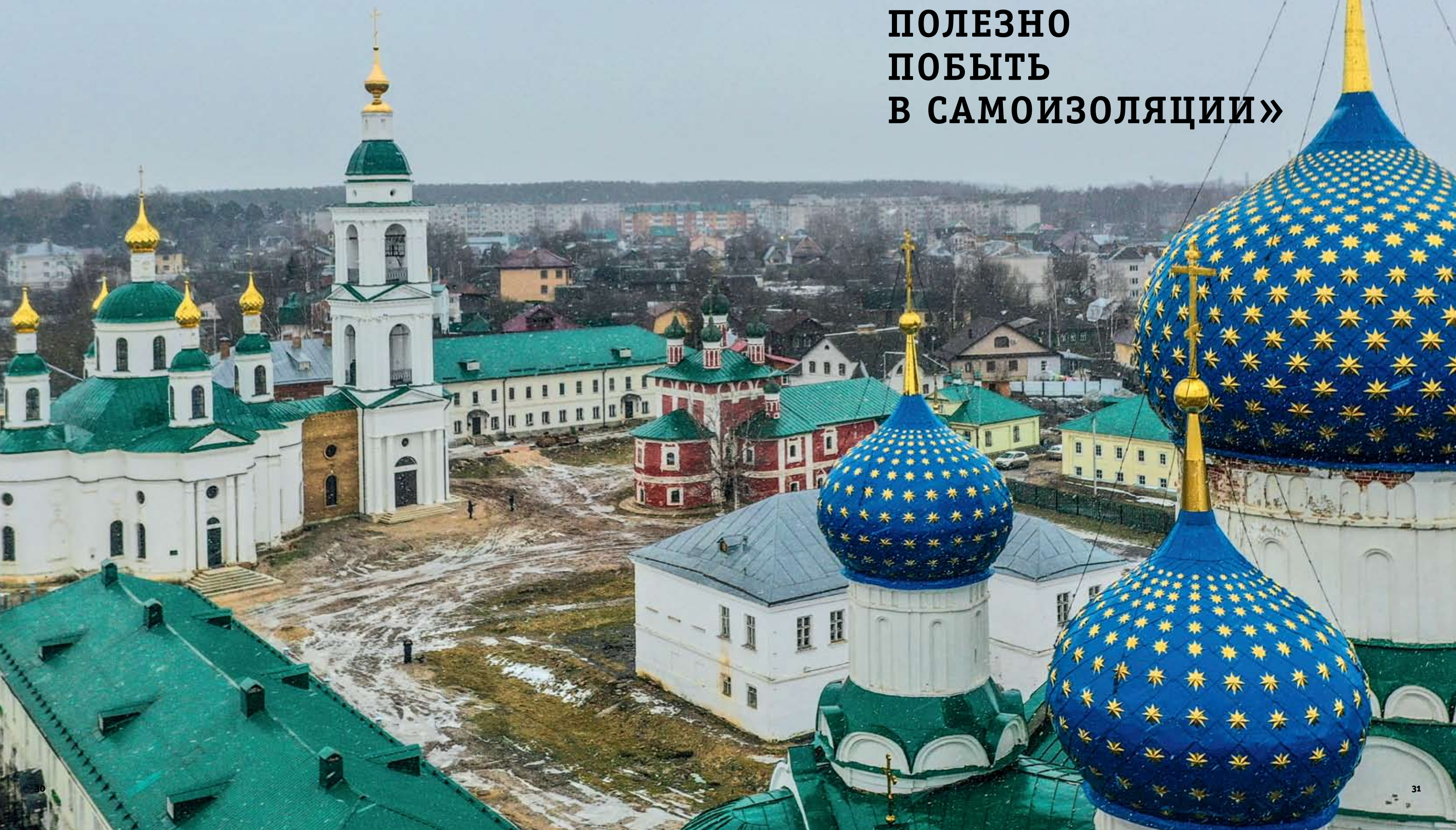
Эпидемия чумы периодически вспыхивала до самого XIX столетия. Мы знаем труды святителя Филарета в холерной Москве. Он возглавлял крестные ходы, в которых участвовал император Николай I. Церковь была со своим народом в тифозном Петрограде и Москве в годы революции. Церковь была со своим народом в начале XX века во время эпидемии испанки. И сейчас Церковь со своим народом. Нельзя Церковь лишать возможности быть опорой для людей. И людей нельзя лишать возможности иметь такую опору».

1. Евсевий Кесарийский. Церковная история. https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija
2. Никифор Григора. История Ромеев. Том 2. https://azbyka.ru/otechnik/Istoriija_Tserkvi/istorija-romeev-tom-2/5
3. Евагрий Схоластик. Церковная история. https://azbyka.ru/otechnik/Evagrij_Sholastik/cerkovnaya-istoriya
4. Прокопий Кесарийский. История войн. Война с персами. <https://azbyka.ru/otechnik/6/vojna-s-persami/>
5. Святитель Григорий Великий. Речь к народу о смертности. https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/rech_k_narodu_o_smertnosti
6. Святитель Киприан Карфагенский. О смертности. https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskij/kniga_o_smertnosti
7. Святитель Григорий Палама. Омилия 39. https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/homilia/39
8. Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы в 2-х кн. Кн. 1: Чума добактериологического периода. М. — 2006
9. Эпидемия чумы в Европе в Средние века: причины, последствия Черной смерти. <https://www.novina24.ru/epidemiya-chumy-v-evrope-v-srednie-veka-prichiny-posledstviya-chnoj-smerti>
10. Черная смерть — чума в Европе. След в сознании европейцев. <https://ezoterik-page.com/chnaya-smert-chuma-v-evrope-sled-v-soznanii-evropejcev/>
11. Как удалось победить Юстинианову чуму. https://zen.yandex.ru/media/ancient_rome/kak-udalos-pobedit-iustini-anovu-chumu-5e0d04bb9515ee00aee2c513
12. Юстинианова чума и подъем ислама. https://pikabu.ru/story/yustinianova_chuma_i_podem_islama_5428529
13. Козленко А. Чума и конец античности. <https://warspot.ru/16500-chuma-i-konets-antichnosti>
14. Юстинианова чума. https://ihospital.ru/ru/media/justinianova_chuma_v_krahe_rima_i_nastuplenii_temnyh_vekov_vinovaty_koty_i_verbljudy/134
15. Священник Владимир Духанин. Пандемии на Руси. <https://pravoslavie.ru/131054.html>
16. Священник Илья Письменюк. Русская Церковь в период эпидемий: исторический очерк. <https://radonezh.ru/2020/04/16/svyashchennik-ilya-pismenyuk-russkaya-cerkov-v-period-epidemiy-istoricheskiy-ocherk>
17. Васильев К. Г., Сегал Л. Е. История эпидемий в России. <https://bookree.org/reader?file=1473416&pg=18>
18. Холера в 1830: действия медслужб, Церкви и власти. <https://www.miloserdie.ru/article/holera-v-1830-dejstviya-medsluzhb-tserkvi-i-vlasti>
19. Эпидемия чумы в России (1654–1655). <https://ru.wikipedia.org/wiki>
20. Вера на карантин не уходит. <https://www.pravda.ru/faith/1484537-coronavirus>
21. Старец Иосиф Исихаст — реаниматор Афона. <https://www.miloserdie.ru/article/iosif-isihast-reanimator-afona>

Игуменья Антонина (Злотникова):

«ВСЕМ НАМ ПОЛЕЗНО ПОБЫТЬ В САМОИЗОЛЯЦИИ»

В 2020 году игуменья Антонина, настоятельница Богоявленского женского монастыря в Угличе и сестры обители отметили 400-летие главной монастырской святыни – чудотворной иконы Богородицы «Феодоровская» и 10-летие восстановления обители. За это время трудами и молитвами матушки и сестер монастырь был возрожден и приобрел поистине величественный вид. В обители собралась крепкая монашеская община, организован социальный центр помощи «Благо», который поддерживает малоимущих жителей города и района, в трапезной монастыря кормят бездомных. Мы попросили игуменью Антонину, имеющую медицинское образование и солидный стаж врачебной практики, рассказать, как живет обитель в период эпидемии и вынужденной самоизоляции, что помогает сестрам не болеть, не роптать, не унывать в новых условиях жизни.

Матушка, Вы получили медицинское образование и более двадцати лет работали врачом общей практики. Ваш монастырь не так давно вышел из режима самоизоляции, теперь к вам снова могут приезжать паломники. Скажите, как Вы с сестрами восприняли необходимость закрыть на время пандемии святые врата обители? Были ли, на ваш взгляд, оправданны карантинные меры?

Слава Богу, у нас никто не заболел. Бог миловал нас, и мы очень этому рады. Необходимых мер предосторожности мы придерживаемся до сих пор. Сестры, которые вынуждены выходить за ограду монастыря, исполняя свои послушания, надевают маски, перчатки, в общественных местах соблюдают социальную дистанцию. Меры предосторожности мы предприняли без рассуждения, потому что это было благословение Святейшего Патриарха, а оно для нас — закон. И я лично считаю, что попечение, которое проявил ко всем нам Предстоятель Церкви, характеризует его как заботливого отца. Во многом благодаря профилактическим мерам была предотвращена угроза заражения насельников монастырей. Кроме того, Церкви как институту удалось, как мне кажется, избежать различных провокаций, когда нас могли бы представить

в СМИ источником распространения смертельной инфекции, обвинить в нарушении предписанных правил и закрыть принудительным порядком на длительное время.

Сейчас ограничения сняты, монастыри открыли, и я нахожу, что как нам, так и нашим прихожанам и паломникам было полезно побыть какое-то время в самоизоляции, понимая, что это вынужденная мера. Зато теперь мы имеем возможность спокойно молиться и участвовать во всех таинствах Церкви. Я считаю, что осторожность и дальновидность Святейшего Патриарха не требует никаких дополнительных комментариев.

Повлияла ли пандемия каким-либо образом на внутреннюю жизнь монашеской общины? Как вы ощутили себя без паломников? Не скучали? Сказалось ли их отсутствие на экономическом положении монастыря?

Сказать честно, не скучали. Ведь мы все-таки не приход, не церковная община. Монастырь — это монашеская семья, которая ведет довольно замкнутый образ жизни за оградой, отделяющей ее от мира. Монашеская община существует отдельно от социума и сохраняет некую тайную обособленность даже

Игуменья Антонина и схимница монастыря

в обычное время, поэтому на нашу внутреннюю жизнь пандемия никоим образом не повлияла. Наоборот, мы меньше суетились, получили возможность больше молиться, чаще бывать на службах.

Как все монастыри Золотого кольца России, мы зависим от потока паломников и туристов, послушания многих сестер связаны с приемом гостей. На территории монастыря кроме храмов есть еще церковные лавки, чайные, блинные, трапезная, магазины — все это так или иначе обязывает нас вступать в отношения с внешним миром, поэтому, когда этот вид деятельности перестал быть востребованным, у меня, как у игуменнии, и у сестер появилась возможность больше уделять времени главному делу, к которому мы все призваны, — молиться и славить Бога.

Мы молимся о наших прихожанах, ревностных православных людях, которые любят Церковь и не представляют свою жизнь без храма. Для них вынужденные

условия пандемии — серьезное испытание. Мы стараемся поддерживать их молитвой, быть с ними на связи, откликаться на просьбы, принимать записки. В общем, используем все имеющиеся возможности, чтобы помогать им в сложившейся ситуации.

Что касается экономического положения, то тяжесть от последствий режима изоляции монастырь ощутил во всей полноте, как и большинство обителей и приходов в России. Но мы понимаем, что эта ситуация коснулась почти всех наших соотечественников, как, наверное, и большей части жителей всей планеты. Для нас не это было предметом первичного молитвенного воздыхания ко Господу.

А что было первичным?

Мы молились о душах людей, которые оказались психологически и морально подавлены, о заболевших и их близких, скорбели о том, что массовому за-

ВЫНУЖДЕННЫЕ УСЛОВИЯ ПАНДЕМИИ — СЕРЬЕЗНОЕ ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ПРИХОЖАН НАШЕЙ ОБИТЕЛИ. МЫ СТАРАЕМСЯ ПОДДЕРЖИВАТЬ ИХ МОЛИТВОЙ, БЫТЬ С НИМИ НА СВЯЗИ, ОТКЛИКАТЬСЯ НА ПРОСЬБЫ, ПРИНИМАТЬ ЗАПИСКИ *игуменья Антонина*

Чудотворная Феодоровская икона Богоматери — главная святыня монастыря

ражению подверглись известные монастыри Русской Православной Церкви. Поминали почивших иноков Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавр, насельниц Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, московское духовенство. Действительно, многие пострадали в этот тяжелый период, поэтому все наши силы направлены на молитвенную поддержку и помощь людям. Также мы молимся за врачей и медработников, которые трудятся, можно сказать, в условиях военного положения. В эти месяцы мобилизация сил потребовалась от всего населения страны, поэтому мы с сестрами считаем своей обязанностью молитвенно поддерживать наш народ.

Вашей специализацией в медицинском институте была психиатрия. Помогает ли профессиональное образование Вам сейчас в вашей деятельности?

Я окончила институт по специальности психиатрия, но позже переквалифицировалась на терапию, кардиологию и, в конце концов, стала врачом общей практики. После медицинского института у меня не было опыта работы в психиатрической клинике, но знания, которые я приобрела, очень помогают мне сегодня, например, дают возможность увидеть патологию. Слава Богу, теперь есть благословение Патриарха не принимать в монастыри людей без справок о

состоянии психического здоровья, но я тем не менее ничуть не жалею о своем образовании, оно мне очень помогает. Мы все немощны, и даже у здоровых сестер бывают периоды нервного истощения, перепады настроения, дают о себе знать усталость, скорби. В этих обстоятельствах медицинская помощь бывает очень даже уместна. Кому-то необходимо порекомендовать валерьянку, кому-то — афобазол, а кому-то — прогулки на свежем воздухе с четками в руках по территории монастыря и полноценный сон. И послушания даются в соответствии с особенностями каждой сестры. Одним полезно помолчать и помолиться в храме, другим — потрудиться физически, третьим — общение с людьми.

Самой пожилой сестре нашего монастыря 82 года, самой молодой — 22. Средний возраст сестер — 56 лет. Примечательно, что у возрастных сестер не проявляются заболевания, которые должны были бы обнаружиться с возрастом. В помощи, как мне кажется, сейчас больше нуждаются молодые монахини. Я думаю, молодежи труднее в монастырях, чем людям среднего возраста и пожилым. Тем, кто привык дома круглосуточно находиться наедине со своими гаджетами, бесконтрольно сидеть в интернете, буквально приходится «ломать» себя, когда они оказываются в монастыре

и вынуждены вести борьбу с помыслами, собирать ум для молитвы. Молодежь, к сожалению, очень ярко проявляет свою самость. Дерзость, непослушание, склонность к принятию необдуманных решений — вот с чем приходится иметь дело руководителям монастырей при общении с молодыми послушниками. В своем небольшом игуменском опыте я могла заметить, что работать с молодежью нужно гораздо более внимательно, чем с людьми, скажем, среднего возраста. Молодым послушницам приходится менять послушания, следить за тем, чтобы они не переутомлялись, не возроптали, оттого что их пытаются сломать. Думаю, в понимании особенностей психики современных людей мне тоже помогает медицинское образование и опыт врачебной практики.

На монашеских конференциях участники часто обсуждают, как помочь монашеской общине стать семьей. Как людям разного возраста, образования, социального положения, собравшимся в стенах одной обители, почувствовать духовную общность? Ваш монастырь можно назвать семьей?

Как монашеская община становится семьей? Ну, вообще, это очень длительный и сокровенный процесс. Без помощи Господа и Матери Божией это, наверное, и невозможно. В нашем монастыре всем управляет Царица Небесная. Благодаря Ее заступничеству мы чувствуем себя семьей. Молитва, терпение и упование на милость Божию, на помощь Пресвятой Богородицы — это главное. Нам же надо только учиться неспешному, я бы сказала, без резких движений реагированию на какие-то быстро изменяющиеся события, которые происходят в монастыре. И, конечно, надо просто любить сестер. Каждую сестру любить, какой бы она ни была. Я все время прошу Божию Матерь, чтобы она дала сестрам любовь друг к другу, к игумении, к этому месту, дала нам всем верность нашей монашеской семье. Я стараюсь, чтобы у сестер было доверие ко мне не только как к настоятельнице монастыря и администратору, но и как к человеку, матери, которая несет ответственность за своих детей.

Сестры, что живут здесь с первых дней существования обители, видят духовную пользу в пребывании в монашеской общине. Те, кто более внимательно относится к своему образу жизни, более глубоко старается понимать суть благословения, послушания, прощения, осознавать необходимость очищения своей души, видеть причину скорбей не в окружающих людях, а в собственном сердце, — не теряют бодрого духа, не испытывают охлаждения к монашеской

Св. Алексій мѣтѣолодъ
москвѣскій.

Св. Симѣонъ устюжскій.

жизни и чувствуют духовное родство со всеми, кто пришел в монастырь с такой же, как и они, целью.

В беседах с сестрами я стараюсь периодически напоминать, чтобы они не забывали, зачем пришли в монастырь, понуждали себя помнить о Боге, каждый вечер просматривали свой день, как он был прожит, заглядывали в свою совесть, не опускали келейного правила. Еще стараюсь донести до сестер мысль, что духовное родство выше плотского и что, если уж мы живем в семье, ее нельзя предать. Взятся за гуш — не говори, что не дюж. Или, по слову Евангелия, «озирающийся назад не благонадежен для Царства Небесного» (Лк. 9:62).

Трудности возникают в любой семье, но ничто так не объединяет людей, как общие переживания — общие радости и скорби. Восстанавливая монастырь, мы с сестрами жили в очень тяжелых условиях, здания находились в аварийном состоянии, отопления не было, водоснабжения тоже, но именно такая общая жизнь, терпение скорбей внешних и внутренних сблизил нас и сделали семьей. А вообще мне, наверное, просто повезло: у меня все сестры очень хорошие. Я считаю, что это милость Божия — Господь послал мне таких замечательных сестер, и я стараюсь исполнять по отношению к ним заповеди моего духовного отца: хорошо кормить, любить, лечить, прощать и не перегружать.

Кто был вашим духовником?

Архимандрит Наум (Байбородин). Когда батюшка отошел ко Господу, я окормлялась у архимандрита Лаврентия (Постникова). Он недавно почил от осложнений, вызванных коронавирусной инфекцией. В юности исповедовалась у отца Кирилла (Павлова). Я родом из Сергиева Посада, из глубоко верующей семьи. И здесь, в монастыре, мы как бы продолжили лаврскую традицию. У сестер есть тетрадки для записи помыслов, раз в неделю общая исповедь, нет телефонов (мобильными устройствами пользуются только те, чье послушание этого требует). При необходимости они всегда могут обратиться за советом или помощью к игумении.

Последним благословением моего духовного отца было напутствие беседовать с сестрами, чтобы сохранить нашу семью, потому что дух разобщения сейчас очень силен. Это дополнительная работа для игумении, но я себя к этому уже приучила, и у нас третий год практикуются беседы настоятельницы монастыря с сестрами.

О чем вы беседуете, если не секрет?

Прежде всего, о чем пожелают сами сестры. О страстях, о добродетелях. Часто они задают вопросы по святым отцам. Мы разбираем отдельные места из творений святителей Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника. Читаем законоучительные

и пророческие книги Ветхого Завета. Иногда я читаю сестрам статьи современных авторов. Мне очень нравится, как пишет игумения Домника (Коробейникова), настоятельница Александро-Невского Ново-Тихвинского монастыря в Екатеринбурге. Я, конечно, заранее готовлюсь к нашим встречам, советуюсь со схиархимандритом Далматом, который живет на покое в нашем монастыре. Батюшка очень талантлив и высокообразован, он дает мне духовную литературу, которую я стараюсь изучать.

Принимает ли схиархимандрит Далмат участие в духовном окормлении монахинь?

Да. У монастыря есть духовник, назначенный владыкой Феоктистом, епископом Переславским, — священник, который каждую неделю принимает у нас общую исповедь. А схиархимандрит Далмат (раньше батюшка был духовником женских монастырей в Ташкенте) каждый вечер исповедует сестер, которые испытывают в этом потребность. Благодаря его пастырским советам сглаживаются шероховатости нашей внутренней жизни.

Хоть маленькие келейки, но свои

Матушка, какие еще составляющие жизни женских монастырей Вы назвали бы важными для духовного возрастания современных монахинь?

Из общения со своей духовной матерью игуменией Софией, настоятельницей Покровского женского монастыря в Суздале, я поняла, что для современных монахинь очень важно, чтобы условия их проживания в монастыре были отдельными. Матушка была человеком святой жизни. Она уже почил, но успела дать мне много мудрых и правильных советов, касающихся особенностей устройства женских монастырей. Ее монастырь был девичьим, и насельницы жили там по два человека в келье. У нас обитель смешанная, поэтому я, посоветовавшись со старцем, приняла решение устраивать для своих сестер изолированные кельи. У молодых девушек общий санузел на этаже, на двух-трех человек, но кельи отдельные. «Хоть маленькие келейки, но свои», — как мы шутим.

Мы живем в очень непростой период. Дух времени сильно влияет на нас. Старая школа монашества уходит потихоньку, а молодые люди в наш информационный век находятся под воздействием многих факторов, которые существенно изменяют психику, нервную систему и подчас негативно влияют на сознание человека. Сегодня уже мало кто может похвастаться крепким душевным здоровьем. Как говорили святые отцы, в последние времена человек спасается скорбями и болезнями, поэтому надо давать ему возможность восстанавливать силы наедине с Богом и самим собой.

ДУХ ВРЕМЕНИ СИЛЬНО ВЛИЯЕТ НА НАС. СТАРАЯ ШКОЛА МОНАШЕСТВА УХОДИТ ПОТИХОНЬКУ, А МОЛОДЫЕ ЛЮДИ В НАШ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЕК НАХОДЯТСЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МНОГИХ ФАКТОРОВ, КОТОРЫЕ СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНЯЮТ ПСИХИКУ, НЕРВНУЮ СИСТЕМУ И ПОДЧАС НЕГАТИВНО ВЛИЯЮТ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА. СЕГОДНЯ МАЛО КТО МОЖЕТ ПОХВАСТАТЬСЯ КРЕПКИМ ДУШЕВНЫМ ЗДОРОВЬЕМ *игуменья Антонина*

В любом деле, любой профессии встречаются более способные и менее способные люди. Как Вы думаете, можно ли сказать, что есть более талантливые и менее талантливые люди в монашестве?

Ой, нет, я бы не делала таких разделений. Все люди талантливые, и каждому из нас Господь дает не один, а великое множество талантов. И я думаю, что эти таланты удивительным образом раскрываются именно тогда, когда человек решается на монашескую жизнь, духовный путь подвига, отсечения страстей, познания истины, обучения Иисусовой молитве, исполнения заповедей Божиих.

Вот у нас, например, бухгалтер и алтарница — одновременно и прекрасная вышивальщица-золотошвейка. А сестра — экономист по образованию — оказалась прекрасным поваром. Еще одна сестра, которая приехала в монастырь вместе со мной, а сейчас исполняет послушание благочинной, стяжала такой дар милосердного служения ближним, какой редко встретишь даже у современных жен и матерей, а у нее никогда не было своей семьи. Родители все делали для нее, когда она была ребенком, неустанно хвалили свою любимую дочку. Я никогда не думала, что у нее окажется столько любви к сестрам, заботы и способности к сопереживанию. Она никогда не оставит больного человека без помощи и ухода, всегда готова утешить тех, кто страдает. Совершенно неожиданным образом человек раскрылся в монастыре.

Вообще, путь монашеского служения, наверное, способны выбрать лишь те, кто действительно желает исправиться, познать себя, свои немощи, и Господь в ответ на это искреннее намерение дает каждому человеку все, что тот просит. «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7:7), — сказано в Священном Писании.

Так что таланты есть у всех, просто у всех они разные. У нас есть сестры, монашеский стаж которых тридцать лет, а есть инокини, которые по рассуждению, по тому, как они себя ведут в тех или иных бранях или сложных ситуациях, превосходят опытных монахинь.

Матушка, что бы Вы пожелали молодым людям, которые сегодня выбирают монашеский путь? И что бы Вы пожелали своему монастырю?

Тем, кто приходит в монастыри, желаю внутренней решимости взять монашеский крест и пронести

его до конца, несмотря ни на какие трудности. Без решимости невозможно спасение. Еще хотела бы пожелать всем нам быть верными Христу и Божией Матери и помнить, что Господь всякий грех прощает, немощных врачевывает, вразумляет и наставляет, а от нас требуются только верность Ему и решимость.

Своему монастырю желаю, чтобы благодать Божия никогда не отступала от обители. И чтобы Царица Небесная нас никогда не оставляла, всегда пребывала с нами в виде Своего чудотворного образа Феодоровской иконы, помогала нам, вразумляла и вела по пути спасения.

Ну а как настоятельнице мне хочется как можно быстрее все восстановить в монастыре, обрести побольше сестер, верных благодетелей, которые поддерживали бы нас. Ведь наш монастырь знаковый, здесь произошло духовное соединение двух царственных династий — Рюриковичей и Романовых. Здесь по-особому чувствуется царственное величие России, которым обладала наша держава до октябрьской революции 1917 года. Здесь закончилась одна династия и началась, воспитывалась и процвела другая, так что наши места можно назвать колыбелью российской государственности и самодержавия. Возрождая свой монастырь, мы надеемся и на возрождение духовности в нашем Отечестве.

Россия всегда была сильна своей верой в Бога, а Церковь была основным столпом, на котором держалась Великая Русь, воспитавшая такое количество святых да и просто талантливых людей — писателей, поэтов, композиторов, художников, самоотверженных воинов и государственных деятелей. Именно вера в Бога всегда определяла и менталитет русского народа. Ничто другое не является для русского человека настолько значимым, как его принадлежность к православному вероисповеданию, его вера в Господа нашего Иисуса Христа.

Чтобы защищать свою землю, свое Отечество, надо прежде всего быть готовым защищать свою веру. Это основа основ для нашего народа и государства. Вот почему так важно возрождать святыни на русской земле. И вот почему я желаю помощи Божией в этом благом деле нашему монастырю и всем обителям земли русской.

«СЫНЕ, ОТДАЙ МНЕ СЕРДЦЕ ТВОЕ»

На начальном витке пандемии, в праздник Иверской иконы Богородицы, отошел ко Господу один из первых насельников возрожденного Свято-Введенского монастыря Оптиной пустыни иеродиакон Илиодор (Гайриянец). Ровно 31 год он нес свой иноческий подвиг в Оптине. Этот очерк – воспоминания постоянного автора и фотографа «МВ», крестной дочери отца Илиодора. Господь сподобил ее семью в течение тридцати лет общаться с этим истинным рабом Божиим. Благодаря ему они пришли в Церковь и видели, как ежеминутно слова Евангелия воплощаются в жизнь.

БРАТ ГЕОРГИЙ

Мы познакомились летом 1990 года. Родители, увлекавшиеся «модными» тогда клубами, связанными с поиском смысла жизни, в июне приехали в недавно открывшуюся Оптину пустынь. У входа в обитель их встретил послушник Георгий.

— Здравствуйте! Вы чего приехали?

— Монастырь восстанавливать.

— О, хорошо! А исповедоваться, причащаться будете?

— Будем. Только расскажите, что это?

— Понятно. Значит так, сначала пойдем в трапезную, а потом все вам расскажу.

В голодные девяностые, когда в магазинах подчас и хлеба не было, брат Георгий устроил царский обед. Хотя время было уже внеурочное, он выгреб все, что нашел в закромах братской и паломнической трапезных, накормил, а потом весь вечер готовил новых знакомых к первым в их жизни исповеди и причастию.

Меня не было с родителями в той поездке. Вернувшись, они делились впечатлениями, и основное место в рассказе занимал брат Георгий. Решено было, что в августе мы все вместе вновь поедем в монастырь на две недели.

Я была тогда некрещеной, и мама решила, что в Оптине меня обязательно надо будет окрестить. В обители мне, ребенку, далекому тогда от Церкви, ничто не понравилось. Кроме располагающего к себе брата Георгия.

В один из дней после уговоров я, наконец, согласилась креститься. Послушник Георгий пошел узнать о таинстве, и тут ему говорят:

— Брат, ты что, объявления не читаешь? С сегодняшнего дня особ женского пола в монастыре не крестят.

— Да ты что, отец, какая ж это особа женского пола? Это же ребенок.

— Ладно, уговорил — приходите.

Так и стал для меня послушник Георгий, будущий отец Илиодор, как говорят, роднее родного, то есть крестным отцом.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ОПТИНЕ

В смутные и голодные времена начала девяностых мы постоянно приезжали в Оптину. Не было тогда ни хороших гостиниц у обители, ни денег на комфортные поездки. Каждый раз было непонятно, где будем ночевать и как поедем назад.

Все это устраивал отец Илиодор (в первые годы пострига — инок Феофил). То укладывал нас в храме, то в монастырской башне, то в предбаннике своей кельи. По соседству с ним жил иеромонах Феофилакт, нынешний наместник Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Ранним утром по пути в храм отцу Феофилакту приходилось перешагивать через спящих паломников. В келье отца Илиодора жил безногий монах, а где спал он сам, и спал ли вообще, оставалось загадкой.

Бывало, ночевали в строящемся корпусе, постелив прямо на побелку листы фанеры. Вечерами отец Илиодор приносил «рукоделие» — бумажные иконы и картон, на который мы наклеивали иконы, а он потом дарил их людям. Также заготавливали сутаж с крестиками для будущих крестин. У крестного была своя методика: длина нитки должна быть такая, чтобы,

Жить надо не по достоинству, а по воле Божией. Благословил духовник стать священником, значит, надо трудиться в этом направлении. По своим грехам мы только ада достойны.

не развязав нитку, снять крестик через голову было невозможно. Он закреплял кольцо креста, сжимая зубами, чтобы тот не соскочил, довольнo приговаривая: «Вот так, и лукавый посрамлен».

До электрички на Москву крестный отправлял нас то на почтовой машине, то в грузовике с хлебом. Иногда приходилось задерживаться на день-другой, так как не было транспорта. «Оптина не отпускает», а я очень волновалась, ведь приходилось прогуливать школу.

ВЫШЕ ВСЕХ КАНОНОВ И УСТАВОВ – ЛЮБОВЬ

Эти слова, сказанные святым Гавриилом (Ургебадзе), отец Илиодор полностью воплотил в жизнь.

— Подхожу к гостинице: дождь, холод, женщина с ребенком стучится в двери, а ее не пускают, так как в одиннадцать вечера гостиница закрывается. Стучусь тогда я, сетую: ну как же так? Вы что Христа, Богородицу не пускаете? — рассказывал отец Илиодор.

Часто, приезжая в монастырь, мы заставляли крестного не в подряснике, а в спортивных штанах и халате:

— Наместник раздел. Я без благословения повез ребенка, инвалида-колясочника, в Иерусалим. Я обещал ему, а наместник не благословил, но как я мог не выполнить обещание?

Рядом с Оптиной летом размещался детский лагерь. Побывав там и обнаружив, что у детей нет ни свежих овощей, ни молока со сметаной, отец Илиодор немедленно побежал в братскую трапезную, нагрузил тележку ящиками с огурцами, помидорами, банками с молоком, «запряг» в нее одного из паломников и повез детям. Навстречу игумен Никон:

— Братию грабишь! Без благословения?!

— Отец, ну ты же священник, вот благослови детей накормить.

«На Валааме жили подвижники, а в Оптиной — утешители. Такими были преподобные старцы Оптинские. Мы должны продолжать эту традицию». Это положение стало основой монашеской жизни для отца Илиодора.

Иногда он спрашивал кого-нибудь из духовных чад:

— Ты молился сегодня?

— Да, батюшка, и кафизму прочитал, и акафист святителю Николаю.

— О, молодец! А я вот, бывает, хочу помолиться в одиночестве, а вокруг всегда люди. Но они ведь никому не нужны, понимаешь. Как их оставить? Батюшка Илий говорит, что ночью надо молиться, а ночью сил уже нет.

В такие моменты становилось стыдно за себя: слышал ли Бог твои молитвы, если ты их не сопровождал делами любви?

Никто, обращавшийся к отцу Илиодору, не оставался без утешения и помощи. А часто он сам, без просьб, видел, кому что надо. Поэтому и ходил в стареньком клобуке и за многие годы в монастыре так и не обзавелся рясой.

— Как-то в очередной раз появилась у меня новая ряса, — рассказывал крестный. — Повесил я ее в алтаре и думаю: хоть сам апостол Петр у меня попросит — не отдам. И сразу же заходит в алтарь один протоиерей в бордовом подряснике. Я ему: «Что это ты такой солидный, а без рясы?» — «Да вот нет и никто ж не подарит, представляешь». Ну все, тут у меня душа в пятки и ушла. Вот, говорю, ряса в шкафу висит — забирай, кто-то оставил.

Подобные случаи были ежедневными в жизни отца Илиодора. Утром подарят ему дубленку, а вечером кто-то из его духовных чад уже стоит в ней на службе.

Конечно, многие роптали: как так, старались же для отца, а он все отдал. Но он иначе не мог. Одна рука берет, другая отдает — это про крестного. Очень многим людям отец Илиодор помогал деньгами, целые дома строились с его помощью.

МАМА, СКОЛЬКО РАЗ МНЕ ТЕБЯ ЦЕЛОВАТЬ?

Всех своих чад отец Илиодор учил, что надо стремиться часто причащаться:

— Мы же не спрашиваем: мама, а сколько раз мне тебя целовать? Так и здесь. В причастии мы соединяемся с Богом, Который нас любит больше всех.

Были случаи, когда священники не благославляли кого-то на причастие. Крестный шел разбираться, в чем дело. Некоторых удавалось «отбить».

Удивительно было и его благоговение к Святым Дарам. Однажды в храме вырвало девочку сразу после причастия. Она еще с утра жаловалась на плохое самочувствие, но ее мама настояла на походе в храм. При этом взяла с собой полиэтиленовый пакет, в который ребенка и вырвало. Рассказав о случившемся отцу Илиодору, мама девочки услышала:

— Приходите с этим через несколько часов». Выдержав пост, крестный потребил содержимое пакета.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НИКУДА НЕ ДЕВАЕТСЯ

На именины и дни рождения отца Илиодора приезжали священники из разных уголков России. Многих из этих людей он воспитывал с детства. По его молитвам становились батюшками те, кто никогда ранее не помышлял о священстве. Отвечая на рассуждения о достоинстве принять сан, крестный говорил так:

— Жить надо не по достоинству, а по воле Божией. Благословил духовник стать священником, значит,

На Валааме жили подвижники, а в Оптиной – утешители. Такими были преподобные старцы Оптинские. Мы должны продолжать эту традицию *иеродиакон Улиодор (Тайриязиц)*

надо трудиться в этом направлении. По своим грехам мы только ада достойны.

Кто-то воспринимал благословение сразу, кто-то шел к этому многие годы. Крестный говорил:

— Благословение, полученное однажды от духовника на любое дело, никуда не девается. У Бога времени много.

«ФЕЙЕРВЕРК» ИЗ КОНФЕТ И ПРЯНИКОВ

До принятия монашества отец Илиодор четыре года прожил рядом с архимандритом Кириллом (Павловым). От него он научился каждому приходящему дарить гостинец.

Наверное, кто-то видел воочию или в фильмах, как в пасхальное время отец Кирилл кидал с амвона людям красные пасхальные яйца. Отец Илиодор же после службы часто устраивал «фейерверки» из конфет. Сколько сердец согрели эти конфетки! Люди увозили их домой, как маленькие огоньки, у которых потом можно будет согреться, вспоминая любовь Оптины.

Если случалось так, что после акафиста или панихиды в часовне убиенных на Пасху 1993 братиков у батюшки не оказывалось гостинцев, а рядом было

много детей, он искренне чувствовал себя виноватым и даже был готов просить прощения за отсутствие сладостей. Но каждый раз в самый нужный момент кто-нибудь заходил в часовню с коробками конфет: «Вот, вам тут передали».

Один протоиерей, увидев видео, где крестный кидает людям конфеты, высказался: «Унижение паствы!» Как же больно слышать это, зная любовь, которую батюшка Илиодор питал ко всем приходящим к нему. Сколько было случаев, когда привезенный от него гостинец утешал страждущего далеко от Оптины.

Однажды моя мама перед уходом с работы из больницы изучала содержимое своей сумки. Смотрит: лежит пряник «от отца Илиодора». Она думает: домой нести или оставить на работе к чаю? Решила взять с собой. Проходит мимо аппарата с разными напитками, орешками, сладостями. Рядом сидит в инвалидной коляске молодой человек, умирающий из паллиативного отделения больницы. Он хочет что-то купить в автомате, но то ли у него нет денег, то ли он не может до них дотянуться.

Мама видит замешательство, предлагает помощь. Молодой человек смущается и отказывается. Говорит, что ничего не хочет и придет к аппарату

В последние годы, приезжая на праздники или выходные в Оптину, крестного невозможно было застать одного. Утром служба, после Литургии – раздача конфет и беседа с людьми. Затем трапеза, акафист, лития в часовне убиенных братьев. Так и ходила по Оптиной

в другой раз. Мама настаивает: «Скажите все-таки, что вы хотите купить или съесть?» И молодой человек отвечает: «Пряник».

Мои записки – мое богатство

Отцу Илиодору постоянно передавали записки с просьбами о молитве. Это были и записки с перечислением имен, и целые письма с житейскими историями. Все это он аккуратно складывал и молился за эти души не один год.

Сумки с записками часто путешествовали вместе с крестным. Во время Литургии он доставал стопки записок и либо поминал сам, либо раздавал листочки духовным чадам. Многие «послания» были затерты до дыр. После службы «талмуды» надо было аккуратно сложить, скрепить резинкой. Далее записки попадали в бездонные сумки отца Илиодора до следующей службы.

Пингвинчики отца Илиодора

В последние годы, приезжая на праздники или выходные в Оптину, крестного невозможно было застать одного. Утром служба, после Литургии – раздача конфет и бе-

седа с людьми. Затем трапеза, где он сам старался все подать, положить в тарелку. Потом акафист, лития в часовне убиенных братьев. Так и ходила по Оптиной «стайка пингвинчиков», как мы в семье называли духовных чад крестного. То в одном месте помолятся, то в другом. И между делом – наставления и утешения.

Отец Илиодор уделял внимание всем независимо от возраста, положения в обществе. Никто не чувствовал себя обделенным. Некоторым по человеческой немощи иногда приходили в голову мысли: «Вон, тому яблоко дал, а мне нет». И тут же крестный поворачивался к этому человеку: «На яблоко, скушай».

Не обязательно задавать какие-то вопросы, счастьем было просто находиться в этой «стайке», быть рядом. А сколько было у крестного юмора и присказок, всего и не упомянуть: «Жены-мироносицы – это те, что по миру носятся», «Поехали, пока за нами не приехали», «Эй, братва, становись по два», «Паки и паки давай трояки».

Авва

В переводе с арамейско-сирийского языка «авва» означает «отец». То есть тот, кто проявляет отеческую

Муж читал Псалтирь и в душе как будто услышал родной голос: «Володенька, не надо! Все уже... Господь показал мне, что, находясь здесь, я не смогу всем сразу помочь, а если там, то одним махом всем помогу»

заботу и достоин высшего доверия и искренней любви. С чьей-то легкой руки в определенный момент совершенно оправданно за отцом Илиодором закрепилось это звание. Хотя по сану он был дьяконом, духовных чад у него было больше, чем у многих священников и архиереев.

Крестного знали в разных уголках России, Греции, Грузии, Италии. Благодичная монастыря Самтавро в Грузии монахиня Нино сказала нам так: «Неизвестно, кто есть кто перед Богом. Возможно, для Бога отец Илиодор давно архиерей».

Будучи у мощей святителя Николая в Бари, мы спросили у местных православных:

— А вы отца Илиодора из Оптины знаете?

— Да кто ж его не знает?! Он же как приедет, так все местные украинцы и молдаване вокруг крутятся: отец помощи, отец накорми!

Крестный любил паломничества, и однажды мы пригласили его с нами в Святую Землю на Пасху. Пришли к архимандриту Венедикту (Пенькову) с просьбой отпустить отца Илиодора. После минутного молчания (наместник просто потерял дар речи) получили ответ: «Да вы что! Люди приедут на праздник, а отца Илиодора нет... Это что за Пасха у нас тут без него будет?!»

Любимче Матери Божией

Кто был в Оптине, воочию мог видеть, как отец Илиодор читал Богородицу. После каждого вечернего богослужения служил с народом акафист Матери Божией. Благодаря ему многим православным в России стал известен гимн Богородице «Агни Парфене», написанный святителем Нектарием Эгинским. Будучи по национальности наполовину греком и обладая прекрасным голосом, крестный пел «Агни Парфене» просто невероятно.

В Греции, на Эгине, мы рассказывали о нем игуменнии Феодосии, в то время настоятельнице монастыря, где хранятся мощи святого Нектария. Для нас не было удивительным, когда матушка воскликнула: «Элинас! Элинас! Знаю его».

Во время пения «Честнейшую Херувим» на вечернем богослужении отец Илиодор безостановочно кадил образ Богородицы на иконостасе. И только после окончания песнопения шел кадить храм. При этом он обходил каждый уголок и каждого человека, независимо от того как плотно заполнен храм. Мог с кем-то даже переговорить:

— О, приехали! Где остановились? Покушали? А мама где? Приходите вечером, акафист будет.

Будущим дьяконам он объяснял:

— Ну как я могу ходить по храму с кадилом, когда Матерь Божию славят? Что же я к Ней спиной буду поворачиваться? Я скажу, пока поют «Честнейшую», а после уже спокойно по храму иду».

РАССТАЕМСЯ, НО НЕ ПРОЩАЕМСЯ

С молодости отец Илиодор виртуозно играл на фортепиано. В миру у него даже была своя музыкальная группа, он писал стихи и музыку. Перед тем, как уйти в монастырь, большую стопку своих сочинений он сжег.

— Батюшка, зачем ты это сделал? Сейчас бы мы разучили твои песни.

— Да зачем...

Тем не менее, бывая в гостях у своих духовных чад, отец Илиодор часто музицировал. Любимой песней о любви у него была «Миллион алых роз». «Кто из вас готов на такой поступок ради любимого человека, а?» — спрашивал. Очень любил творчество Игоря Талькова, в его келье стоял портрет музыканта.

Несколько лет назад крестный подкинул идею своим духовным чадам-музыкантам придумать песню, где были бы такие слова: «Расстаемся мы, но не прощаемся. Верим, что встретимся вновь. Наша дружба не прекращается, потому что в сердце любовь». На его последнем земном дне ангела, когда исполняли эту песню, крестный настаивал петь вместо «не прекращается» «продолжается». Теперь кажется, что это в укрепление всем его чадам, оставшимся на земле.

УЗИ СЕРДЦА И ФОРМУЛА ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

«Никакие посты нас не спасут, — наставлял отец Илиодор прихожан в первый день нового 2020 года. — Там, на небе, УЗИ желудка делать не будут. Там будут делать УЗИ сердца. С собой мы возьмем только свое сердце, свою совесть и добрые дела, если у кого такие есть».

Его наставления, даже если порой и строгие, не загоняли человека в уныние, никого не оскорбляли, не обижали, не отталкивали. Рядом с ним люди чувствовали себя окрыленными.

«Человеку необходимо маленькое внимание — и больше ничего. Выслушать и, если получится, обнять, поцеловать».

Всем нам отец Илиодор оставил «формулу», как он это называл, христианской жизни: «Всех любить, всех жалеть, всех оправдывать, за всех молиться».

ОДНИМ МАХОМ ВСЕМ ПОМОГУ

Когда крестный попал в больницу, была уверенность, что он обязательно поправится. Состояние его стало тяжелым, но мы продолжали надеяться, что выздоровеет.

В воскресенье вечером, 25 октября, как гром среди ясного неба пришло известие от врачей: надежда только на чудо, состояние критическое. Наступал праздник Иверской иконы Богородицы. Вспомнились слова из акафиста: «Радуйся, благая Вратарница, двери райские верным отверзающая». Мы все поняли, но не хотели отпускать крестного, буквально кричали Матери Божией: «Нет, Царица Небесная! Нам нужен батюшка здесь!»

В ночь с воскресенья на понедельник мы ехали по ночной дороге в Калугу, я была за рулем и просила мужа не прекращать молиться за отца. Муж читал Псалтирь и в душе как будто услышал родной голос: «Володенька, не надо! Все уже... Господь показал мне, что, находясь здесь, я не смогу всем сразу помочь, а если там, то одним махом всем помогу, понимаешь?»

Здесь, на земле, мы были счастливы рядом с крестным, а теперь верим, что в его лице обрели небесного покровителя нашей семьи.

Духовная колыбель Забайкалья

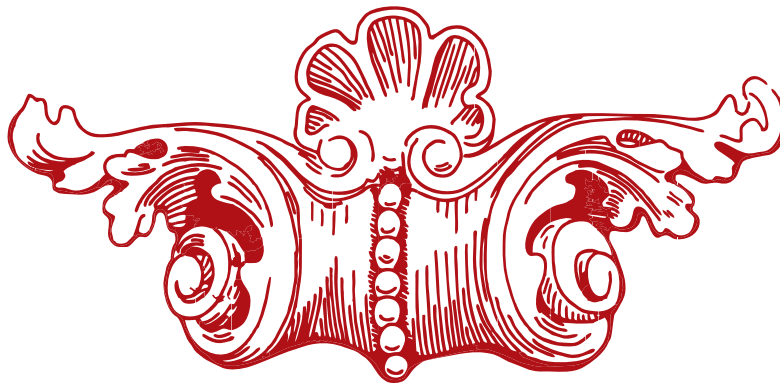
Отремонтированный храм в честь святителя Николая Чудотворца

Одна из почитаемых святынь монастыря (икона Покрова Божией Матери)

У нас два молодых послушника. Однажды они решили идти проповедовать Христа. Взяли палатку, одежду, продукты и из Читы пошли пешком через Бурятию дальше на Запад. В итоге продуктов у них хватило ровно до нашего монастыря. Прошли они к этому моменту почти тысячу километров! *игумен Алексей*

БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЙ, ни на что не похожей стала Пасха 2020 года. Для выпускающего редактора «МВ» это была необычная, по-настоящему Пасха красная: в алой маске на лице, на Бурятской земле. А самое важное – в облаченном в пасхальный пурпур монастырском храме. В условиях пандемии, когда большинство верующих по всему миру вынужденно встречали Праздник праздников у экрана телевизора, Пасха, проведенная в храме за богослужением, оказалась главным подарком года. Подарком, которого могло не быть.

ДРЕВНЕЙШАЯ СВЯТЫНЯ БУРЯТИИ

Республика Бурятия – центр буддизма в России. На огромной территории этого интереснейшего, самобытного региона нашей страны всего три православных монастыря. Пасху 2020 автор этих строк провела в старейшем из них – Свято-Троицком Селенгинском мужском монастыре. Это первая православная обитель на Бурятской земле, усеянной дацанами (буддистские монастыри), дуганами (буддистские храмы) и ступами (места молитвы).

Проповедь Евангелия пришла на Байкал с первыми православными монахами, основавшими в XVII веке в долине реки Селенги Троицкую обитель. Именно отсюда православие распространилось по Бурятии. Уточнение «Селенгинский» в названии монастыря связано с его расположением на берегу реки Селенги, которая протянулась на тысячу километров от Монголии и впадает в Байкал, обеспечивая великое озеро половиной поступающих в него вод.

Православные храмы гармонично вписываются в красоту удивительной природы Бурятии, привнося в окружающее пространство особый шарм и колорит. Все три православных монастыря республики возведены в живописнейших местах: мужские – на берегах Байкала и Селенги, женский – в долине у подножия гор.

От столицы Бурятии города Улан-Удэ до Селенгинского монастыря час-полтора на маршрутном такси. Страстная седмица. Великая среда. В голове рой мыслей: не эгоизм ли это – ехать в монастырь в разгар пандемии, когда большинство верующих не может пойти в храм из-за введенного режима самоизоляции. В то же время в душе трепет: хоть бы попасть на Пасху в храм, только бы монастырь не закрыли!

В Вербное воскресенье Господь сподобил быть в Сретенском монастыре – единственной женской православной обители в Бурятии. И вот мерцает в душе голубая мечта, многим нынче недоступная, – быть на Пасху в храме. Кто бы мог подумать, что доживем до таких времен. Ощущения странные: и предвкушение несказанной пасхальной радости, и грусть за всех тех, кто не разделит с тобой в храме соборное ликующее «Христос воскрес!»

Терзаясь душевно, разглядываю природные красоты за окном маршрутки: горы, лес, красавица Селенга, в холодных весенних водах которой задолго до моего рождения юной девушкой утонула родная сестра бабушки. Убаюканная качкой и теплом салона, не сразу слышу голос водителя: «Троицкий, ваша остановка!» Благодарю, выхожу и не верю своему счастью: Пасха в храме все-таки будет. Пасха особая, драгоценная Пасха.

Насладившись моментом, с небывалым трепетом вхожу в святые врата обители. На кованых створках путника встречают архангелы Михаил и Гавриил. Другой мир... Правду говорят: имея – не храним, потерявши – плачем. Сколько слез проливают сегодня христиане, заточенные в своих домах, не имеющие возможности прийти в храм в столь важные для христианина Страстные дни.

В монастыре встречает наместник – игумен Алексей, благочинный Иволгинского благочиния. Гостиница для паломников – вне монастырской территории, поэтому сначала отец Алексей устраивает мне жилье, а потом знакомит с обителью.

Все пять дней, что я провела в монастыре, до ночлега меня возила Марина – хозяйка паломнической гостиницы, прихожанка обители. Отмечу, что люди в

Сибири простые, общительные (особенно в Иркутске): всегда помогут, подскажут, накормят, спать уложат, отвезут-привезут. Хотя буряты по натуре народ суровый — под стать сибирскому климату. Но вот по сравнению с Москвой, в Сибири не так влажно, климат сухой, поэтому морозы переносятся комфортно. Проведя детство в Якутии, по сибирской зиме с ее минус 40 и ниже неизменно скучаешь.

Вечернее богослужение Страстной среды омрачилось сообщением от фотографа из Иркутска, с которым мы ездили в Посольский монастырь на берегу Байкала: «В Иркутске объявлен карантин. Приехать не смогу».

Выхожу из храма, звоню в Улан-Удэнскую епархию, прошу посодействовать в поиске фотографа в Улан-Удэ. Остаток службы прошел в волнениях: придет ли фотограф, как спасти репортаж, если фотографа не найдут...

Благодарю улан-удэнских коллег — сработали молниеносно. Хронику Страстной пятницы, Великой субботы и Пасхи для нашего журнала запечатлел один из светских фотографов столицы Бурятии Павел Федоров, чьи фотографии украсили юбилейный фотоальбом «Жизнь и молитва. К 10-летию Улан-Удэнской и Бурятской епархии».

Духовная колыбель православного Забайкалья

Свято-Троицкий Селенгинский мужской монастырь основан в 1681 году членами Даурской духовной миссии, учрежденной указом царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима. Глава миссии игумен Феодосий, иеромонах Макарий и 10 монахов основали обитель на месте старого монастырского строения, поставленного ранее нерчинскими казаками, поэтому неофициально обитель существует с 1661 года, она старше городов Улан-Удэ и Иркутска. Первый монастырский храм в честь Святой Троицы возведен в 1684-м. В дальнейшем были построены храмы Архистратига Михаила, Всех Святых и святителя Николая. Главной задачей вновь образованного монастыря была проповедь христианства среди местных народов, а также окормление переселенцев из России. Три столетия Селенгинский монастырь являлся административным, культурным, религиозным центром края. Нравственное значение обители для истории Забайкалья было определяющим. Являясь форпостом России за Байкалом, расположенным на перекрестке всех дорог, идущих с Востока на Запад и с Севера на Юг, монастырь быстро процветал и был крупнейшим в то время. Его посещали многие выдающиеся религиозные, политические, государственные деятели: прадед А.С. Пушкина А.П. Ганнибал, крестник Петра I; будущий император России цесаревич Николай II, подаривший обители «сребропозлащенный» на престольный крест. Безбожный XX век оставил мрачный след в судьбе обители: она была разорена, использовалась как «детская психоклония», а позже – в качестве психиатрического закрытого учреждения для взрослых. В 1936 году монастырь был закрыт советской властью. Русской Православной Церкви обитель вернули в 2006-м. Свято-Троицкий Селенгинский монастырь на века стал центром христианской духовной миссии на земле Бурятии: здесь занимались переводами, просвещением, делами социального призрения. С историей Селенгинского монастыря связаны имена великих миссионеров, двух святителей Иннокентиев – Иркутского и Московского – святых, почитаемых во всем православном мире. Величайший духовный светильник Сибири Иннокентий Иркутский (Кульчицкий) долгое время проживал в монастыре, ожидая отправления в Китай и имея здесь своим духовником архимандрита Мисаила, члена Даурской духовной миссии. Сегодня одна из древнейших и славнейших православных обителей Сибири продолжает возрождаться. Трижды в год (7 июня, 7 июля, 11 сентября) совершается 12-тикилометровый крестный ход от монастыря из долины реки Селенги в село Ильинка, на крутой склон 320-метровой горы к месту чудесного обретения (благочестивой старушкой Перовой в начале XIX века) иконы усекновения главы Иоанна Предтечи. Крестный ход на Иоаннову гору собирает многочисленных паломников со всей Бурятии, Иркутска, Красноярска, Читы и других городов. «Мерзость запустения» – в прошлом, в настоящем – возвращение монастырю славы главной духовной святыни Забайкалья.

Богослужение Страстной седмицы 2020 г.

КОРОНАВИРУС ПРИНЕС ПОКОЙ

В Селенгинской обители три храма: в честь Святой Троицы, надвратный храм Архангела Михаила и святителя Николая Чудотворца, где состоится пасхальное праздничное богослужение.

В лавке Никольского храма оживленно. Братия и помощники из прихожан заносят в храм пасхальную атрибутику: цветы, рушники, корзинки, огромные красные, желтые, оранжевые пасхальные яйца для украшения паникадил. Несмотря на внушительные размеры, яйца невесомые: сотканы из цветных нитей. Все еще не верю, что Страстную и Пасху проведу в монастыре. Сомнения постепенно развеиваются: раз Господь сподобил быть в храме в эти дни, надо принимать и благодарить.

Игумен Алексей постоянно в движении, телефон не замолкает. Очередной звонок из Новосибирска — по поводу пасхальных яиц для украшения храма.

— Такого Великого поста никогда не было, — отмечает отец Алексей. — Я служил весь пост, никуда не ездил, ничего особого не организовывал. Покой, тишина, как в скиту. А обычно у нас большие движения накануне Пасхи, много народу. Но этим постом мы провели только одно традиционное соборование во второе воскресенье Великого поста. Священников и соборующихся было много, что важно для таинства соборования. Оно тогда украшается особой духовной радостью;

это единое действо, когда служение передается из рук в руки: кто-то Евангелие читает, кто-то — Апостол, кто-то кадит, весь храм поет.

Таинство можно совершить просто, серенько, а можно — ярко, празднично, и тогда в душе человека радость остается и на эмоциональном уровне, а это рождает особое внутреннее состояние. Тем более когда люди в храме не просто стоят, а соборно поют, молятся. Молитвочка призывает Божью благодать. Не только само совершаемое таинство, но также и молитва самого человека дает ему благодать от Бога.

— Сегодня, в период пандемии, между православными нарушено единство. Православный мир разделен: часть верующих соблюдает рекомендации священноначалия и воздерживается от посещения храма, другие слышать ничего не желают, ругают церковное начальство, рвутся на службу.

— Это все гордость, страсти человеческие. Где распри и разделение, там всегда враг рода человеческого. Одни говорят: мы разумные и в храм не пойдем. Вторые кидаются, как на баррикады: мы ничего не боимся! Это как у Иоанна Лествичника: «Пощусь — тщеславолюсь, не пощусь — тоже тщеславолюсь».

— Храмы закрываются, люди растеряны. Все мы надеялись, что уж на Пасху-то точно пустят. Как реагировать на сложившуюся ситуацию?

Поклонный крест на противоположном от монастыря берегу реки Селенги, Бурятия

— Скажу так: опасаться вируса и соблюдать все меры предосторожности, наверное, надо. Заразиться можно везде, в храме в том числе, но это не самое опасное место, как иногда пишут в СМИ. На Благовещение можно было не сходить в храм, на Вербное — потерпеть, воздержаться, но как на Пасху не пойти? Надеть перчатки, две маски, если угодно, но на пасхальной службе надо быть в храме. Москва и Петербург больше других городов пострадали от коронавируса, у нас в Бурятии нет пока такой напряженности.

— Многие унывают, сетуют, что не попадут на пасхальное богослужение. Что бы Вы сказали этим людям в утешение?

— 20 лет назад я, когда собирался в монастырь (Посольский, на берегу Байкала), пришел на Пасху в один из храмов Читы. Духовенство решило, что народу слишком много и наверняка есть неподготовленные должным образом к причастию, поэтому не причастили из пришедших на службу никого. Знаете, как было больно на душе, что на Святую Пасху остался без причастия?! Радость была на сердце, но и скорбь, горечь, хоть я и побывал в храме. Поэтому понятно, что будет у всякого верующего на душе, если он не попадет в храм на Пасху, не причастится.

— Среди моих знакомых есть такие, кто плачет от невозможности причаститься на Пасху. Переживают сильно.

— Я сочувствую этим людям, понимаю их. Но знаете, иногда стоит и поплакать. Больше ценить будем, осознаем, как драгоценна для нас вера. Когда храмы открыты, когда в любой день можно свободно прийти туда, мы перестаем эту возможность ценить. А когда теряем, приходит горечь. Хочешь в храм, а нельзя. Не-

возможность прийти на Пасху в храм усугубит желание пойти на службу в будущем, человек будет больше ценить богослужение, Святые Тайны Христовы.

— Отец Алексей, пандемию попустил Господь, это воля Божия о нас?

— Без Его воли ничего в мире не делается. Сейчас много ненависти среди людей, жестокости, агрессии, злобы, нетерпимости друг к другу. Блуд зашкаливает и все больше разрастается, алкоголизм, наркомания — бушует вся палитра человеческих страстей. Не может Господь русский народ, который имеет такую святую веру, как православие, но живет во все нарастающем грехе и каяться не пытается, оставить погибать, грешить и дальше. Господь стучится в каждое сердце, но коли люди не слышат, Он попускает такие явления, как пандемия. Потому что когда люди обычно исправляются? Когда приходит беда.

ТЫСЯЧА КИЛОМЕТРОВ ДО МОНАСТЫРЯ ПЕШКОМ

Игумен Алексей:

— Когда в 2006 году мы заехали в только что переданный Церкви монастырь, то кроме дел по восстановлению из руин обители пытались организовать духовную жизнь в округе. Вокруг монастыря восемь деревень и поселков городского типа. Храмов в них не было, людей никто не окормлял. С помощью благотворителей мы построили храмы, часовню, домовую церковь. Каждый день мы ездили на молебны в один из восьми населенных пунктов. Проводили обширную социальную работу, различные мероприятия, открыли воскресные школы, приобрели специальный автобус, который и сейчас привозит людей на службы к нам в монастырь.

СЕМЬ ЛЕТ Я БЫЛ ТРУДНИКОМ ПРИ ХРАМЕ ПОД ЧИТОЙ. А ПОТОМ, ВИДИМО, ПРИШЛО ВРЕМЯ, И Я ВСЕ-ТАКИ ОКАЗАЛСЯ В МОНАСТЫРЕ. МАМА В ПОРЫВЕ БЛАГОДАТНОГО ЧУВСТВА САМА БЛАГОСЛОВИЛА МЕНЯ НА МОНАШЕСТВО, А ПОТОМ ТРИ МЕСЯЦА РЫДАЛА: «ЗАЧЕМ Я СВОЕГО СЫНОЧКУ В МОНАСТЫРЬ БЛАГОСЛОВИЛА?!» *игумен Алексей*

Игумен Алексей совершает освящение пяти хлебов на Вечерне Великой Субботы

Когда приходская жизнь в селах более-менее установилась, мы несколько дистанцировались от работы с приходами, переключили внимание на обитель: настало время глубже заняться внутренней жизнью монастыря. Дело в том, что игумен должен по возможности постоянно находиться в монастыре. Тогда жизнь в обители по-другому идет. Очень важно, чтобы игумен и молился вместе с братией на общих для всех богослужениях.

Литургию служим каждый день. У нас в монастыре два священника: я и иеромонах Михаил (Толстоухов). Этим Великим постом я служил один, отец Михаил сильно болел. Конечно, было тяжело, когда и служишь каждый день, и обителью надо управлять, но службы в монастыре останавливать нельзя. Среди братии есть достойные рукоположения в священный сан, но, пока у них нет семинарского образования, рукоположить их нельзя — таковы сегодня требования священноначалия.

— Сколько человек живет в обители?

— Постоянно около тридцати: игумен, иеромонах, монах, девять послушников, остальные трудники. После реформирования обители пять лет назад из старого состава нас осталось пятеро. В монахи постригать не спешим. Увы, есть печальный опыт. Да и в подрясник облачать не торопимся. Поспешешь, а человек немного не дотягивает. Я раньше думал, что облачение в под-

рясник человека как-то подтянет, укрепит, но нередко выходит так, что облачаешь, а брат ломается. Поэтому трудников мы духовно доращиваем, чуть-чуть переращиваем и только потом облачаем.

У нас есть два молодых послушника, оба родом из Читы. Изначально их было трое. В подростковом возрасте интересовались православием, потом жизнь, как часто бывает, закрутила. Через несколько лет интерес к вере вновь возник, но не без пресловутых чипов, электронных паспортов, ожидания скорого прихода антихриста. Решили идти проповедовать Христа. Взяли палатку, одежду, продукты и из Читы пошли пешком через Бурятию дальше на Запад. В итоге продуктов у них хватило ровно до нашего монастыря (прошли к этому моменту почти тысячу километров!). Попросились к нам покусать. Один из ребят потом уехал, а двое вот уже два года живут у нас, стали послушниками.

Очень способные ребята, стремятся к духовной, настоящей монастырской жизни, читают святоотеческую литературу. Молятся, постятся, стараются служить Богу. Таких среди молодежи сейчас мало. И Господь вот так привел их в монастырь.

Еще один наш послушник путешествовал на велосипеде, ехал тоже из Читинской области и случайно заехал к нам. Более десяти лет уже в монастыре.

КАЛЕЙДОСКОП РЕЛИГИЙ: ПРАВОСЛАВИЕ И БУДДИЗМ

Интересуюсь у отца-наместника, есть ли среди братии буряты.

— Нет, они в дацанах. Русские туда тоже ходят и, к сожалению, даже крещенные в православие. На всю епархию у нас один иеромонах-бурят — исполняющий обязанности наместника Посольского монастыря отец Лука (Архинчеев).

— Почему буряты тяжело воцерковляются?

— У бурят крепкие родовые связи. Оставление своей родовой религии воспринимается родственниками часто как предательство. Издревле повелось, что если бурятская семья желает покровительства над ней богов, то надо, чтобы в семье был хотя бы один лама. До революции каждый десятый бурят был либо ламой, либо давал особые ламские обеты. В советское время буряты сумели сохранить свою религиозную традицию, партработники бурятской национальности тайно ездили к ламам.

А вообще, буряты толерантны в вопросах религии, дружелюбно относятся к православию, но своей веры не оставляют. Большая часть бурят исповедует ламаизм (монгольская ветвь буддизма), остальные — шаманизм. Превалирует буддизм: в Бурятии примерно две тысячи лам. В столице республики городе Улан-Удэ дуганы (храмы) в каждом квартале.

«А иди в монахи!»

— Отец Алексей, расскажите, пожалуйста, как Вы стали монахом?

— Родился я в Чите, где и крестили меня в 5 лет. Осознанно в Церковь пришел в 30 лет. Через год поехал паломником в Троице-Сергиеву лавру. Там попал на исповедь к одному батюшке. О его прозорливости до этого ничего не слышал, хотя имя было на слуху.

Как сейчас помню: сидит священник, наклонившись, четки перебирает, и я, кроме прочих, задал ему вопрос, который меня тогда волновал: сойтись ли мне снова с супругой после развода и, может быть, повенчаться. Виды и планы на жизнь у меня тогда были далекими от монастыря, а батюшка, видимо, что-то прозрел, резко распрямился и большим крестным знаменем меня благословил: «А иди в монахи!»

Мне стало страшно, показалось, что объяло все-ленским холодом. Я представил черные одежды, темное помещение, горящую лампаду, как я сижу около иконы с длинными черными четками в руках. В голове пронеслось: даже из тюрьмы выходят, а в монастыре навсегда. Я тогда совсем не был к этому готов...

После той исповеди у лаврского священника я семь лет был трудником при храме под Читой. А потом,

наверное, пришло время, и я все-таки оказался в монастыре. Моя мама в порыве благодатного чувства сама благословила меня на монашество, а потом три месяца рыдала: «Зачем я своего сыночку в монастырь благословила!» (улыбается).

Шесть с половиной лет я прожил в Посольской Спасо-Преображенской обители на Байкале. Принял там постриг в мантию. Монахом стал вечером на 22 июня. В этот день началась моя духовная война.

— Многие монашествующие считают постриг восьмым таинством Церкви.

— Да, так его иногда называют. Считается, что человеку, принесшему покаяние, при постриге прощаются все грехи. Что до меня, то после пострига изменилось даже мироощущение (так у меня было и после крещения в детстве). Изменилось цветовое восприятие: все стало видаться в более ярких красках. Мне рассказывали, что так бывает после пострига и у других.

Кстати, когда я еще был послушником, то не хотел постригаться в монахи, боялся. Говорил: «Лучше буду все соблюдать без монашеских обетов, чтобы лишней ответственности перед Богом не нести!» Но однажды в беседе с другим послушником, когда я высказал твердое убеждение, что не буду монахом, от меня ошутимо отошла Божья благодать. И возвратилась примерно через месяц, лишь когда я понял причину этого.

Я помолился: «Господи, если Тебе угодно, я буду монахом». И Господь вернул благодать, на душе стало мирно, тепло, уютно. После этого я постригу уже не сопротивлялся и, когда благословили, принял.

ИИСУСОВА МОЛИТВА – ДУХОВНЫЙ МЕЧ ХРИСТИАНИНА

— Отец Алексей, на ваш взгляд, что самое главное в монашеской жизни?

— Конечно, молитва. Монахи и приходят в монастырь, чтобы молиться. Если у монаха нет понимания, что он в монастыре для молитвы, тогда он не туда пришел. К сожалению, в наше время есть обители, особенно женские, где слишком много внимания уделяется физической работе. Если ты приходишь с послушаний, падаешь без сил и тебе не до молитвы, то зачем все это?

Летом, в период сельхозработ, в некоторых обителях даже утренние и вечерние совместные правила отменяют. Но это уже не монастырь, а хозяйственная артель. Нужно помнить, что труд на послушаниях — это, конечно, необходимая часть монастырской жизни, но ни в коем случае не ее самоцель. Молиться по-настоящему очень тяжело, и, находя в исполнении послушаний себе оправдание, некоторые совсем отходят от молитвы.

КОРОНАВИРУС ПРИНЕС ПОКОЙ. Я СЛУЖИЛ ВЕСЬ ВЕЛИКИЙ ПОСТ, НИКУДА НЕ БЕГАЛ, НИЧЕГО НЕ ОРГАНИЗОВЫВАЛ. СПОКОЙСТВИЕ, ТИШИНА, КАК В СКИТУ *игумен Алексей*

Братия монастыря на спевках

Даже если мы делаем самое необходимое, например возрождаем, как у нас в обители, разрушенный комплекс монастыря, важно помнить: храмы восстанавливаются иногда годами, а спастись надо прямо сегодня — завтра у кого-то может и не наступить.

А если серьезно говорить о молитве, то обязательно надо сказать о молитве внутренней. Я в монастыре почти двадцать лет. Послушание наместника всегда требует активной работы. Но при всех игуменских послушаниях (проводимых монастырем многочисленных мероприятий, крестных ходах, строительстве храмов в селах, восстановлении стен обители, организации воскресных школ и т. д.) душа моя всегда ощущала внутреннюю неудовлетворенность, было чувство, что не делаешь чего-то по-настоящему важного.

Временами находило уныние, что совершенно не меняюсь, не могу бороться со страстями. Начиналось отчаяние: точно не спасусь. Словно в порванном кафтане: его продувает сквозь дырки, и ты не можешь согреться.

Я недоумевал: в Церкви стопроцентная благодать Духа Святого, почему же нет сил оторваться от своих страстей? Служение Божественной литургии лишь на краткое время облегчало это состояние. Я чувствовал, что чего-то мне в церковной жизни не хватает.

Три года назад случайно обнаружил одну из книг, а потом и всю серию книг «Путь умного делания» под авторством Н.М. Новикова, где системно изложено все,

что касается внутреннего молитвенного делания. Для написания серии автор (сам более сорока лет занимающийся внутренней Иисусовой молитвой) использовал более двух тысяч святоотеческих источников.

Книги серии «Путь умного делания» писались по благословению и при молитвенной поддержке архимандрита Кирилла (Павлова), митрополита Питирима (Нечаева), архимандрита Иоанна (Крестьянкина), схиигумена Илии (Ноздрина) и других известных старцев.

Должен сказать, что я давно пытался читать Иисусову молитву и советовал это делать другим, но книги Новикова, основанные на учении святых отцов: святителя Григория Паламы, преподобных Паисия Величковского и Симеона Нового Богослова, святителей Игнатия Кавказского и Феофана Затворника и многих других — дали мне ясное понимание того, что раньше, хоть и читал в творениях святых отцов, не совсем мог уразуметь.

Бытующее в церковной среде мнение, что умная и умно-сердечная молитва есть путь к прелести, что это дело схимников и отшельников, пугало и не давало прикоснуться к этому крайне важному для спасения деланию. А тут я увидел, что, по мнению святых отцов, вражеская прелесть и состоит в том, чтобы отпугнуть людей от внутренней молитвы.

Более того, книги Н. Новикова помогли мне более ясно осознать цель монашеского жития. Стало очевидным, что путь к духовному совершенству, для которого мы призваны Господом и которое в меру своих сил

и дарований обязан искать всякий монашествующий, лежит в делании умной молитвы и трезвении. Именно этого мне всегда и не хватало.

Попытка приблизиться к внутреннему деланию дает мне определенное утешение и вселяет надежду на спасение. Заинтересовавшиеся священники на приходах, насельники монастыря и прихожане стали заниматься этой молитвой, и у них есть первые добрые плоды. Духовная жизнь становится совсем другой — более напряженной, внимательной. Иисусова молитва ощутимо приближает нас к Богу.

ПАСХА ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДЕТ

Весь предпасхальный день мы с фотографом провели в храме вместе с братией, занятой пасхальными хлопотами.

Накануне праздничного богослужения отец-наместник сам убирался в алтаре, чистил священнические сосуды и другую церковную утварь.

Как ребенок, с замиранием сердца я ждала, когда сменят катапетасму за Царскими вратами на пурпурную и развешат разноцветные пасхальные яйца на большое и малые паникадила. Поистине, в пасхальные дни все мы становимся немножко детьми.

Игумен Алексей:

— На Пасху всем нашим прихожанам и гостям мы дарим куличи и красные яйца (разложена вся эта красота прямо в храме, на большой белой полке в несколько

ярусов, вместе с пасхальными корзинками прихожан, — Прим. авт.). После ночной пасхальной службы — трапеза для всех. Правда, в этом году гостей на трапезе будет совсем мало.

Молодой послушник (из тех, кто пришел в монастырь пешком из Читы, преодолев почти тысячу километров) подошел к Распятию, снял лампаду.

— А что Вы делаете? — интересуюсь.

— На Пасху мы выносим Голгофу из храма, так как Пасха — это день радости о воскресшем Христе, а вид страдающего Господа ранит сердце.

Потом была вкусная постная трапеза. Но до разговин в монастырскую кухню лучше не заходить. Яства на будущий пасхальный стол — слюнки текут. Фаршированная щука, всевозможные закуски и салаты, овощи, фирменные рыбные пироги по монастырскому рецепту. Знает рыжий монастырский кот, где нагонять аппетит. Хорошо греть живот в тепле, у ног добрых людей. Добрые люди не гонят, жалеют.

Ароматы витают — недолго и пост нарушить. Внутренне — так точно. А вот жареной картошечки, шваркающей на плите, можно. Да еще с лучком, огурчиком и укропом! Простая еда — самая вкусная.

Перед ночным пасхальным богослужением волновались: приедет ли полиция, пустят ли прихожан на службу? Мы с Мариной ехали из гостиницы и гадали: будет ли у мирских Пасха в храме или нас развернут на входе в монастырь?

Игумен Алексей раздает освященный хлеб прихожанам монастыря

Слава Богу, на службу мы попали. Единственное, во время крестного хода вокруг храма прихожан попросили остаться внутри.

Непривычно и немного грустно видеть людей в масках, не иметь возможности обняться, облобызаться друг друга, похристосоваться.

А каким радостным был игумен Алексей во время богослужения! Его пасхальное настроение, неуемная энергия передавались всем нам. И только во время пасхальной службы, когда батюшка высоко поднимал руку с трисвечником, я заметила, что он строгий постник...

Во время разговенья за праздничным столом отец Алексей просил прихожан и гостей обители произнести тост. Не миновала сия участь и автора этих строк. Я рассказала о нашем журнале, о тяжелой ситуации с коронавирусом в столице. В Бурятии тогда еще не было ажиотажа с пандемией, основной удар пришелся на Москву. После застолья ко мне подошла женщина: «А правда, что в столице люди болеют, умирают священники?» «Да, вирус существует», — отвечала я.

По завершении трапезы игумен Алексей обратил внимание присутствующих на разворачивающееся за окном действо:

— Посмотрите, какой рассвет!

Пасхальный рассвет был дивным: небо, горы, реку заливали нежные сиреневые, розовато-желтые тона. Занимался новый день — прозрачный, ясный, с чистым голубым небом над головой и пасхальным звоном на всю округу. Вот оно, счастье.

Днем вместе с игуменом Алексием мы поехали на Пасхальную вечерню в Одигитриевский собор Улан-Удэ. По пути не могла наглядеться на горы и

небо. Богослужение возглавил митрополит Савватий (тогда еще Улан-Удэнский и Бурятский, ныне Чебоксарский и Чувашский). Какая это была красивая архиерейская служба! Торжественные пасхальные песнопения в исполнении местного духовенства запомнятся надолго: от таких голосов воинства Христова сам ад содрогнется.

В улан-удэнскую квартиру я вернулась, обвешенная монастырскими подарками. Особенно дороги сердцу именная открытка, книга Н. Новикова «Меч воина» с благословением игумена Алексия, картина под стеклом с изображением Селенгинского монастыря.

А еще большой радостью стал подарок от хозяйки монастырской гостиницы Марины, который она купила для меня у фотографа Павла Анатольевича, — фотоальбом «Жизнь и молитва», посвященный Улан-Удэнской и Бурятской епархии, — на память о Бурятии и совместной Пасхе в монастыре.

Это была самая проникновенная и трогательная Пасха в моей жизни. Наверное, никто из бывших в храме в ту пасхальную ночь не возглашал до этого «Христос воскрес!» с таким ликованием и болью одновременно. Ликованием, что сподобился праздновать, не побоюсь этого слова, историческую Пасху 2020 в храме за богослужением (а не посредством онлайн трансляции), болью — за тех братьев и сестер во Христе, кому в храме быть не удалось.

Для молитвы и любви нет расстояний. Пасха случилась во всех преданных Христу сердцах, во всех домах, где Его Воскресения ждали, как никогда прежде. Христос воскрес!

Христос воскрес! Пасха 2020 в Селенгинском монастыре

Один на всю Бурятию

Один день из жизни

Текст: Христина Полякова

Фото: Алексей Байфа

Последние «свободные» деньки накануне закрытия храмов и монастырей в самом начале пандемии автор этих строк провела в монашеской обители, расположенной на берегу самого древнего (25-30 миллионов лет) и глубокого (низшая отметка – 1642 метра) пресноводного озера на планете. Имя этого уникального водоема – «славное море, священный Байкал», как поется в известной песне. В Посольском Спасо-Преображенском монастыре у самых вод Байкала живет единственный на всю Бурятию иеромонах-бурят – и.о. наместника игумен Лука (Архинчеев). Мы встретились с отцом Лукой в удивительном месте в удивительное время. Вот только на общение у нас выдался всего один день, после которого монастырь закрыли на карантин.

Море Байкал и землетрясения

В Республике Бурятия три православных монастыря: два мужских и один женский. Когда я узнала, что одна из обителей находится на берегу Байкала, загорелась там побывать. А когда выяснилось, что Посольский монастырь – единственный в России посвященный послам, да к тому же там живет единственный на огромную Бурятию православный монах-бурят, плюс водится занесенный под охрану посольский омуль, желание увидеть сие место усилилось многократно.

Ажиотаж с пандемией в то время только набирал обороты в Бурятии, поэтому перемещались по республике свободно. Как вскоре окажется, ненадолго.

Добирались до Посольского монастыря из Улан-Удэ три часа на маршрутке (до автовокзала Кабанска), а потом еще примерно час на такси. Фотограф ехал из Иркутска около 6-7 часов на поезде.

Здесь необходимо пояснить. Байкал разделяет два региона: Бурятию и Иркутскую область. И что любопытно: это два разных по рельефу Байкала.

Со стороны Бурятии побережье по большей части пологое, много песчаных пляжей и бухт, полуостров Святой нос (заповедная зона), Чивыркуйский и Баргузинский (самый крупный на Байкале) заливы, целебные источники. Отсюда начинается легендарная Баргузинская долина (где, по преданию, родилась мать Чингисхана) с ее Сувинской саксонией (останцы скал

причудливых форм, образовавшихся сходом ледников в ледниковый период). Автору этих строк повезло увидеть Баргузинскую долину и зимой, и летом.

«Иркутский» Байкал — это в основном скалистые берега, каменистые и песчаные пляжи и бухточки, знаменитый остров Ольхон с легендарной скалой Шаманкой, пролив Малое море, поселения Листвянка, Большие коты, Большое Голоустное, Хужир. Именно со стороны Иркутской области зимой на Байкале самый красивый, открытый от снега, невероятный лед, посмотреть на разноликость которого и поцарапать коньками съезжаются многочисленные туристы. К слову, чистый лед на Байкале найти становится все сложнее. «Бурятская» сторона так вообще в последние годы сильно заснежена.

Байкал — интереснейшее место на карте России. Это настоящее море с волнами, штормами летом, мощными ветрами (с красивыми названиями: Сарма, Култук, Баргузин) и царством фантастического льда зимой. Непременно побывайте в этом удивительном крае нашей страны! Впечатления непередаваемые. Особенно зимой, когда крышка замерзшего Байкала покрывается чарующим прозрачным льдом и застывшими ледяными волнами переливающихся на солнце торосов.

А еще здесь постоянно землетрясения. Байкал — это тектонический разлом, трещина в земной коре, заполненная тоннами воды, поэтому озеро и ближайшие

окрестности с разной интенсивностью трясет почти каждый день. Сильные толчки наблюдаются и в соседней Монголии, особенно часто у «брата» Байкала озера Хубсугул. Сильнейшее за последние годы землетрясение магнитудой 8 баллов случилось ночью 22 сентября 2020 года в Иркутской области. Именно в Иркутске автору этих строк довелось впервые пережить это неприятное явление наяву.

ХОЖДЕНИЕ ПО БАЙКАЛЬСКИМ ВОДАМ

В Посольский монастырь мы прибыли уже после заката. В уютной монастырской гостинице нас разместил послушник Александр с пышными белыми шевелюрой и бородой. «Прямо как старец Байкал на картинах бурятского художника Саяна Танганова», — мелькнуло в мыслях. Не верилось, что ночую у вод величественного озера, в обители с уникальной историей. Историей, сегодня, увы, подзабытой.

Новый день: служба, трапеза с паломниками и гостями обители, знакомство с монастырем и братией, ну и конечно, — Байкал, на лед которого в феврале-марте можно выходить без опаски. А летом здесь шторма, лодки в открытое море уносит мгновенно.

Зимний Байкал — это особая, неопишуемой красоты и величия вселенная. Хотя идти по крышке льда жутковато: под ногами всего лишь метр-полтора замерзшего льда, а дальше — черная бездна, тонны воды...

Я крестился в 41 год. Видимо, так было задумано Богом. Наше дело – покориться, вовремя это осознать. А вообще, все начинается с вопроса о смысле жизни. У меня был период, когда меня неотступно преследовала мысль: для чего я живу? Что меня ждет после смерти? *иеромонах Лука*

С Байкала открывается великолепная панорама на Посольский монастырь. Один из насельников, брат Гавриил, пришел набрать воды из проруби в озере, попутно помогая незадачливым путешественникам вытолкать застрявшую колесницу из смеси песка, гальки и снега у берега.

С огромной баклажкой воды в руке брат Гавриил прошелся с нами по льду Байкала, поделился мыслями насчет пандемии, рассказал, что в нескольких километрах от обители установлен поклонный Крест. Братия и паломники ходят туда крестным ходом в особые церковные дни или просто побыть в одиночестве, помолиться. Дорога ко Кресту пролегает через заводь (естественная бухта, Усть-прорва), где, по сравнению с непредсказуемыми водами Байкала, всегда спокойная вода. Во времена великого Чайного и Шелкового пути по Байкалу в бухте останавливались корабли, на берегу были гостиницы. Поэтому Посольская обитель в те времена была известна в широких кругах.

Вернувшись в монастырь, осмотрели склеп с найденными на монастырской территории черепами и старинным Распятием, зашли в часовню, постояли у могил убиенных послов.

Сибирское солнце не щадит глаз: белый снег, белый заснеженный Байкал, белый монастырь — белоснежное царство исихии и красоты.

ЛАМА, АСТРОЛОГ И МУКИ СОВЕСТИ

Рано утром, когда в храме служит братское правило, мы заглянули в просфорную. В помещении полумрак, из динамиков звучат богослужебные песнопения. Послушник выпекал просфоры второй раз в жизни, поэтому немного тушевался при виде фотографа.

Иеромонах Лука:

— У нас в монастыре все просто, по-колхозному. Нам ничего не нужно — ни славы, ничего. Но вот если бы благодаря статье про наш монастырь в вашем журнале к нам приехал игумен, мы благодарили бы и молились

за вас. Вы были в монастырях средней полосы России? В Москве, Оптиной пустыни, Сергиевой и Александроневской лаврах? Там по 20-40 монахов в монастырях, в лаврах так вообще целый отряд. У нас же всего шесть человек братии, из них три послушника. Прислали бы нам игумена — было б нам счастье. Ну, а самое главное — в нашей обители нет духовника. В этом наша ущербность. В целом нас устраивает наша такая жизнь.

— А какая она?

— Тихая, спокойная, безмятежная.

— Отец Лука, как Вы стали игуменом?

— Я оказался на «должности» исполняющего обязанности наместника случайно. Бывший наместник уехал, и временно поставили меня. Это «временно» затянулось уже больше чем на пять лет. Раньше я служил на севере Бурятии, в Курумканском районе.

— Была там зимой. Очень красивые горы Баргузинского хребта.

— Мне нравилось в Курумкане, люди хорошие. Я служил в Троицком соборе в центре поселка. А потом меня перевели в Посольский монастырь.

— Ваш случай — редчайший среди местного населения. В основном буряты исповедуют буддизм или шаманизм. У бурят очень крепкие семейные традиции, веру они меняют крайне редко. Обратит бурята в православие — задача из задач. Как вышло, что Вы стали не просто православным христианином, но и монахом?

— Многие, кстати, думают, что я лама и живу в дацане (улыбается). Буддизм пришел на бурятскую землю позже православия. Первые миссионеры появились в Бурятии за сто лет до буддистов. В большинстве своем буряты шаманисты. До 41 года я тоже рос в шаманских традициях.

— Как и на моей родине в Якутии, где якуты в основном исповедуют шаманизм. И если даже якуты принимают православие, то нередко сохраняют при этом двоеверие: и в храм ходят, и огонь «кормят». В вашей семье кроме Вас есть еще православные?

— Двое племянников крестились, но в храм не ходят. У меня есть взрослый сын. Он не крещен и не собирается этого делать. С женой мы развелись.

— А как Вас «утораздило» принять православие?

— Господь привел. Я крестился в 41 год. Видимо, так было задумано Богом. Наше дело — покориться, вовремя это осознать. А вообще, думаю, все начинается с вопроса о смысле жизни. У меня был период, когда я постоянно спрашивал себя: для чего я живу? для чего все это надо? что меня ждет после смерти?

Буддизм — сложная религия для меня, я никогда им особо не интересовался. В буддизме много непонятной философии, нет живого Бога. Вот вы сказали: «Вы же бурят! Буряты все в основном буддисты». Я тоже так думал: я бурят, наверное, надо мне сходить в дацан (буддистский монастырь — прим. автора).

За месяц до крещения я раздумывал, какую веру принять. Я нигде не находил ответа на вопрос о смысле

жизни. Семья моя распадалась. Однажды знакомый предложил мне повозить по Улан-Удэ одного менеджера из Москвы. Я предложил съездить в знаменитый Иволгинский дацан, где хранится тело Итигэлова. Мы ходили по дацану, крутили барабанчики, разглядывали буддистские статуэтки.

Потом я зашел в книжную лавку при монастыре и увидел книгу «Буддизм. Шаг первый». Книга была дешевая, я ее купил и пошел на выход. И тут вижу, идет интеллигентный лама в очках. Я к нему: «Подскажите, пожалуйста. Я вот книгу купил, издана в Калмыкии. А у нас нет своего издательства?» На что лама ответил: «Это написал наш ученик. Но там все искажено и неправильно». «Вот это поворот», — думаю. Мой первый шаг в буддизме начался с книги, где все неправильно (смеется).

Я спросил ламу: «Как ваше духовенство относится к алкоголю?» «Ну, вообще-то мы не должны омрачать свое сознание». Вроде бы нормальный ответ, но меня не устроил. Я хотел принципиальной оценки: да-нет, пьем либо не пьем. А если не пьем, то почему. Из дацана я уехал неудовлетворенным.

Московский менеджер, которого я возил по столице Бурятии, предложил съездить к астрологу. Выяснили где лучший, и поехали. У дома астролога стояла огромная очередь. Сам он был уважаемым ламой. Оказалось, я знал этого астролога, отношения между нами были не очень хорошие.

Я ушел оттуда и понял, что буддизм мне чужд. Шаманизм вроде бы родной для меня, но его я тоже не понимаю. Я видел шаманов в детстве, у них не было бубнов и иной шаманской атрибутики — обычные мужчины. Обряды совершались на водке — подношение духам. При этом шаманы эту водку выпивали сами. Меня раздрало внутреннее противоречие: вот как так? К пьяному хирургу я бы не пошел, даже если б у меня панариций был, а тут душа — еще сложнее.

АВАРИЯ, КРЕЩЕНИЕ И ПЕРВОЕ ПРИЧАСТИЕ

А потом я попал в аварию. Лето, раннее утро, в городе тишина, машин на дорогах нет, все на дачах. Мне надо было остановиться на перекрестке и подождать, пока проедет трамвай. Вот только каким-то образом трамвая я не увидел. Хотя проезжал по этому перекрестку по 40 раз в день. Как потом рассказывала водитель трамвая, она мне сигналила, кричала. Наши колесницы встретились на путях. Я даже не понял, что это трамвай, подумал, бомбу подложили (смеется). Когда подушки безопасности взрываются, из них порох вылетает.

Меня спасло то, что машина была высокая. Крюк трамвая прорезал автомобиль прямо под моим сиденьем, из-за чего поднялась крыша. Был бы седан, я б с вами сейчас не беседовал. На мне не было ни царапины. При этом удивительно — на белой рубашке выступила кровь. Наверное, от удара подушки безопасности лопнули капилляры, и кровь проступила сквозь кожу.

Буддизм мне чужд. Шаманизм вроде бы родной для меня, но его я тоже не понимаю. Я видел шаманов в детстве, у них не было бубнов и иной шаманской атрибутики – обычные мужчины. Обряды они совершали на водке – подношение духам. При этом водку выпивали сами. Меня раздирало внутреннее противоречие: вот как так? *иеромонах Лука*

В этот же день с разницей в полчаса мой друг тоже попал в страшную аварию, автомобиль его не подлежал восстановлению. Произошедшее подвергло меня в раздумья: зачем живу, ради чего вся эта суета – работа, деньги. Раньше я думал, что жить надо ради денег или детей. Оказалось, ничего подобного.

Каждую ночь мне снилась та авария, как взрывается подушка безопасности. Я просыпался в холодном поту и сразу вопрос в голове: для чего ты живешь? Я стал понимать самоубийцу. Ты живешь, но все твое существо не понимает зачем. Вопрос о смысле жизни – это гораздо больше, чем любопытство. Я понимал, что узнаю смысл всего после смерти, но хотел знать сейчас, при жизни. Суицидальные мысли: вот умру и сразу узнаю, в чем смысл был, мне были чужды, но я понял их суть.

Жил я в таком аду год. Бросил все, чем занимался прежде. Употреблял алкоголь, отдалился от семьи. Выпивал не потому, что хотелось посадить печень или по-

лучить сиюминутную радость, – я надеялся избавиться от мучившего меня вопроса о смысле жизни хоть на какое-то время, затуманить голову – лишь бы не думать. А чтобы заглушить мысли, приходится их глушить постоянно. Замкнутый круг.

Я ходил на курсы реабилитации, вел дневник самоанализа. Помогло на время. Трезвенником стал, но смысл жизни так и не обрел и пребывал в унынии.

– Почему в итоге Вы решили креститься?

– Однажды в состоянии безысходности я сел в маршрутку и поехал на центральный рынок Улан-Удэ. Слонялся по рынку и почему-то решил зайти в Троицкий храм рядом. В храме шла служба, работник мне сказал, что сегодня праздник апостолов Петра и Павла. А меня в миру звали Петром. Это был 2003 год. Получается, я пришел в храм в день своего ангела.

Решив креститься, я послушал оглашение после службы. Ничего не понял, кроме одного: завтра берите полотенце, тапочки и приходите на креще-

МОЕ ПЕРВОЕ ПРИЧАСТИЕ ПРОИЗОШЛО НА РОЖДЕСТВО БОЖИЕЙ МАТЕРИ 21 СЕНТЯБРЯ. Я ВЫШЕЛ ИЗ ХРАМА ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ – ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВЕРУЮЩИМ. МОЯ ЖИЗНЬ КРУТО ПЕРЕМЕНИЛАСЬ. ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ПОИСКОВ И ТЕРЗАНИЙ Я, НАКОНЕЦ, ПОНЯЛ В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ *иеромонах Лука*

ние. Утром я встал, сложил вещи в пакет и услышал в голове голос: куда пошел, не торопись, подумай, пожалеешь! Я сел за стол и минут десять эти мысли-отговорки во мне звучали.

Все-таки решил идти в храм. Не понравится, думаю, уйду. Пришел за час до крещения. Было 13 июля, воскресный день, шла служба. Меня одолевала сомнения, не хотелось заходить в храм, решимость креститься убывала. В конце концов, сомнения победили: я решил сначала изучить теорию веры, почитать книги и только потом креститься.

В это момент служба закончилась, зазвучали колокола. Я постоял минуты две у храма и направился к выходу. Влился в людской поток и вдруг вижу в толпе знакомого, доктора философских наук. Я признался ему, что решил покреститься, но передумал. Мой знакомый почему-то услышал только первую половину фразы («я решил креститься») и, радостный, повел меня к батюшке. Так мы и пошли: против направления толпы, сквозь людей.

В храме мой знакомый подвел меня к свечному ящику, где я купил простой серебряный крестик за 60 рублей. Меня завели в придел. Помню, было много женщин с детьми, которые непрерывно плакали. Из мужчин было три поколения: мальчик 14-ти лет, я и дедушка лет 60-ти. Я каждую минуту порывался уйти: что я здесь делаю, зачем оно мне надо, что вообще происходит? Я был в страшном ропоте, недовольный, растерянный. Как хватило сил достоять до конца, не знаю. Надели на меня крест, я купил Библию в зеленом переплете и побрел домой.

Через месяц меня пригласили на слет трезвенников, где я познакомился с отцом Олегом, который произвел на меня сильное впечатление. Я был далек от церковной жизни в то время, но после встречи с отцом Олегом стал ходить в храм. Я не знал, что такое таинства, исповедь, причастие. До смешного доходило. Думал: всенощное бдение — это что, всю ночь? О, нет, я не готов; зачем становиться на колени в воскресенье, когда выносят Чашу? Нее, не буду брюки

В НАШЕЙ ОБИТЕЛИ НЕТ ДУХОВНИКА. В ЭТОМ НАША УЩЕРБНОСТЬ. А ЕЩЕ НЕТ ИГУМЕНА. ПРИСЛАЛИ БЫ НАМ ИГУМЕНА – БЫЛО Б НАМ СЧАСТЬЕ. В ЦЕЛОМ НАС УСТРАИВАЕТ НАША ЖИЗНЬ *иеромонах Лука*

пачкать. (улыбается). Мое первое причастие произошло на Рождество Божией Матери 21 сентября. Я вышел из храма другим человеком — по-настоящему верующим. Моя жизнь круто переменялась. После стольких поисков и терзаний я, наконец, понял смысл жизни. Спустя три месяца мы расстались с супругой, с которой прожили 19 лет, а еще через неделю, 3 января 2004-го, я уже был в монастыре.

«ХОРОШО ХОРОШИМ МОНАХОМ БЫТЬ»

— Отец Лука, почему сразу монастырь?

— Я решил кардинально поменять жизнь. Больше не хотелось работать на светской работе. У меня было много друзей, я просил каждого свозить меня в монастырь. Все готовы были отвезти в ресторан, например, но в монастырь — никто. Я сел на маршрутку и приехал сам.

В Селенгинском монастыре в то время располагалась психбольница, Посольская обитель была единственной в Бурятии, поэтому я приехал сюда. В монастыре была неустроенность, храм только восстанавливался. Я спал на верхней полке двухъярусной кровати, каждую ночь боялся упасть. В комна-

те нас проживало шесть человек. Но мне нравилась эта неустроенность, нравилась стройка. Благодатное было состояние.

Через две недели в монастырь приехали мои друзья, стали рассказывать о разных рабочих проектах, зазывая обратно в Улан-Удэ. Мне это все уже было не интересно, и я остался в обители.

Сначала я был трудником. Думал так: годик поживу, искупаюсь в Байкале на праздник Крещения Господня и потом уеду (улыбается). Из послушаний я занимался производством тротуарной плитки, потом — убирался в свечной мастерской. Все это было ново для меня, я ведь окончил медицинский институт, учился на санитарном факультете в Иркутске. А тут — тротуарная плитка. Кстати, коронавирус — это «моя» тема. Вернее, была бы, если б я работал по профессии.

Через год я все-таки уехал обратно в Улан-Удэ, жил в колокольне Троицкого храма, где меня крестили. Там я стал алтарником, бабульки из прихожанок научили меня печь просфоры.

Потом я поехал в паломничество. Сначала посетил Псково-Печерский монастырь, где произошел судьбоносный для меня момент, когда один монах, не зная мое-

го имени и семейного положения, сказал: «Петр, жену не ищи! Иди в монастырь, где мало монахов, там благодати много». Из Пскова я отправился в Александро-Невскую лавру, затем — на Соловки, потом — в Москву и Троице-Сергиеву лавру. Успел пожить в монастыре в Иваново по благословению одного старца.

Я был шокирован от увиденного в паломничестве, ведь представлял монашество совсем по-другому: пустыня, продуваемая келейка, рваный подрясник, сухарик в руке, водичка, молишься, плачешь непрестанно (*улыбается*). В итоге я все-таки оказался в родной Бурятии. Как говорится, где родился, там и пригодился.

Около года меня не благословляли в монастырь. Отцу Олегу, у которого год был алтарником, я иногда говорил: «Хорошо монахом быть». На что он отвечал: «Хорошо хорошим монахом быть». Но спустя время вдруг сказал: «Выбирай монастырь».

В родную Посольскую обитель на Байкале я пришел (для меня это было важно — не приехать, а именно прийти) своими ногами, с большим крестным ходом «Под звездой Богородицы» (когда восемь «лучей» — крестные ходы со всей России — стекались в Москве). Пришел я в октябре, а 6 апреля, через 5 лет после крещения, меня постригли сразу в мантию, в честь апостола и евангелиста, иконописца и врача Луки. Через месяц рукоположили в дьякона, а через полтора года — в иеромонаха. Мнения моего никто не спрашивал: захотели — сделали из тебя калачик, захотели — булочку. Вот послушание, вот что такое монашество.

ПАНДЕМИЯ – ПОВОД ЗАДУМАТЬСЯ

— Отец Лука, как Вы думаете, почему среди бурят мало православных?

— Наверное, нет сильной проповеди и людей, которые вдохновили бы своим примером. Я даже для своего сына и друзей не являюсь таковым, хотя иеромонах и живу в монастыре.

— Богослужение на бурятском языке не совершается?

— У нас нет возгласов на службах, на Пасху мы не читаем Евангелие на бурятском, хотя мысли такие у меня были.

— Как братия воспринимает ситуацию с коронавирусом?

— Паники у нас нет. Господь все контролирует, мы должны уповать на Него. Важно никого не соблазнять, соблюдать все меры предосторожности и не впадать в панические настроения. Пандемия — бич Божий, чтобы нас подстегнуть, это повод задуматься о себе, своих грехах, покаяться, прийти в храм. В основном люди Бога просят о чем-то, а сейчас будут приходить в храм с другими мыслями, с покаянием и плачем о грехах.

На следующий день после нашей беседы с иеромонахом Лукой пришло распоряжение о закрытии монастырей на карантин. Отец Лука закрыл двери обители для паломников, и я вынуждена была уехать. Немного тревожилась: успею ли в Улан-Удэ до прекращения транспортного сообщения. Хотя перспектива провести Великий пост в монастырском заточении на Байкале выглядела крайне привлекательно.

НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА Посольский Спасо-Преображенский монастырь

У самых вод могучего старца Байкала, на песочном, вперемешку с галькой, возвышении сверкает ослепительно-белыми стенами благолепная обитель. Это один из самых живописнейших и красивейших православных монастырей во всей Сибири. Не менее уникальна и его история. Основан Спасо-Преображенский Посольский мужской монастырь (когда-то неофициально он был подворьем Селенгинской обители, братья называли его «дачей») на месте трагического события. В 1651 году здесь были убиты члены русского посольства в Монголию: царский посол Ерофей Заболоцкий, его сын Кирилл и их спутники. Развернувшаяся трагедия обеспечила монастырю на Байкале особое отношение первых послов, следовавших в Монголию, Китай, на Дальний Восток. Могилы убиенных послов сохранились, находятся они у часовни за монастырской оградой. Русские дипломаты столетиями использовали Посольскую обитель в качестве форпоста азиатской политики империи. В историю байкальской православной святости вписаны имена таких известных личностей, как Петровский сподвижник Федор Головин, основатель Кяхты Владиславович-Рагузинский, академики Миллер, Гмелин, Паллас и Георги, капитан-командор Витус Беринг, генерал-губернатор Сибири Сперанский, апостол Америки и просветитель народов Севера святитель Иннокентий (Вениаминов). И сегодня Министерство иностранных дел имеет особое попечение о Посольском монастыре. Возрождение обители проходит под патронажем МИД России. Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) каждый год направляет на Байкал стройотряды (будущих дипломатов, послов) для восстановления монастырских объектов. Слушатели и аспиранты дипломатической академии МИД России оказывают помощь в преображении монастыря. В начале XX века на базе Посольского монастыря была создана женская обитель: в течение 30 лет здесь подвизались монахини из Томска и Алтая. Посольский монастырь на Байкале является памятником федерального значения. В обители есть часовня-склеп, где хранятся найденные на монастырской территории черепа, уникальные дореволюционные мемориальные плиты, кусок Распятия и другие артефакты.

Посольский Спасо-Преображенский мужской монастырь на Байкале

И.О. наместника: иеромонах Лука (Архинчеев)

Святыни: частица древа Животворящего Креста Господня; частица камня с Голгофы; ковчег с частицами мощей пророка Иоанна Предтечи, апостола Иакова, святителя Василия Великого, святых Космы и Дамиана, мученицы Дарьи; частицы мощей святителей Иоанна Златоуста и Димитрия Ростовского; старинная чудотворная икона Богородицы «Знамение»; старинный образ святителя Николая Чудотворца со следами пуль; чудотворная резная икона Николы Можайского; чудотворный образ Николая Чудотворца ростом с годовалого ребенка, вероятно обретенный рыбаками в Большом Голоустном на Байкале; икона с частицей мощей преподобного Варлаама Чикойского

Адрес: Республика Бурятия, Кабанский район,
село Посольское

Почему Бог «НЕ БЕРЕЖЕТ» СВОИХ?

Кандидат философских наук, преподаватель Московской духовной академии, автор книги «Мужская философия» иеромонах Симеон (Мазаев) рассуждает на тему, которая волнует сегодня всех жителей планеты и которая стала вызовом для многих православных, в чьих храмах богослужения совершаются без участия прихожан. Отец Симеон делится своим видением эпидемии COVID-19 – события, поставившего перед всем христианским миром вопросы, которые, несомненно, потребуют глубокого осмысления.

Как Церковь относится к вспышке эпидемии? Мы, христиане, так же, как и все остальные люди, состоим из плоти и крови, так же боеем, так же умираем. Все шишки, которые сыплются на голову современного человечества, не минуют и нас. Поэтому надо сказать, что мы в полной мере разделяем ответственность за происходящее своей жизнью и своим здоровьем.

Но тут возникает и другая интересная тема: почему Бог не бережет Своих? Почему Господь не выделяет христиан в отдельную страту, которой не касается эпидемия? Ведь как здорово было бы, правда? Какое свидетельство истинности веры и Божьего милосердия перед неверующим миром!

Блаженный Августин находит определенный смысл в том, что страдают благочестивые и, наоборот, благоденствуют нечестивые и неверующие враги Церкви Христовой. Он замечает, правда, что помимо этих категорий есть и благоденствующие праведники, есть и такие, как Иов Многострадальный, есть благоденствующие нечестивцы и есть те, кто получает по заслугам уже в сей временной жизни — то есть в этом мире существует целый спектр всевозможных состояний праведников и грешников. Блаженный Августин говорит об этом так: Господь намеренно смешивает карты, чтобы не сделать добродетель, благочестие или веру предметами торга, чтобы мы шли за Христом ради Него Самого, а не ради тех благ, которые Он способен нам подарить как бы в обмен на наше благочестие. Так что все мы находимся в этой системе координат по сей день, и никаких гарантий, конечно же, наше благоче-

стие, подлинное или мнимое, нам не дает ни от вирусов, ни от чего другого. В этом смысле мы разделяем общую со всем человечеством участь.

Но можно сказать, в чем заключается отличие нашего отношения к эпидемиям вообще и в том числе той, которая сегодня объяла мир. Христиане видят в подобных событиях некий смысл, помимо самой болезни. Недавно я слышал, как одна женщина, делаясь новостями с другой, сказала примерно следующее: «Представляешь, я — на карантине, муж — на карантине и оба моих ребенка — на карантине. Что я с ними буду делать дома?» Неприкрытый ужас был в ее глазах...

Представляете? До чего мы дошли, если женщина, мать оказывается в состоянии ужаса от перспективы побыть со своей семьей. Мы боимся своих близких, стремимся сбежать от них куда угодно — на Ибицу, на работу, на службу, в магазин, в кино-театр. Мы постоянно куда-то едем, всюду не успеваем и при этом совершенно разучились общаться. Для нас стала непривычной ситуация пребывания даже внутри собственной семьи.

БОЛЕЗНЬ КАК ЛЕКАРСТВО

И в этом смысле коронавирус, конечно же, болезнь и беда, но одновременно может стать и лекарством от того духовного недуга, которому мы подвержены не в меньшей степени. И, может быть, благодаря новым условиям жизни люди откроют для себя мир семейных бесед у самовара, кто-то наконец почитает полезные книжки.

Христианство — очень сложная философия. Это своего рода ядерная физика в гуманитарном мире.

Самая сложная философия, с которой я когда-либо имел дело — а я изучаю эту науку с 1995 года. Подчас бывает очень непросто усвоить христианские догмы и истины хотя бы в силу отсутствия у людей элементарной культуры, вкуса к красоте сложной мысли да и литературе в целом.

Поэтому для начала я посоветовал бы оказавшимся в ситуации вынужденной самоизоляции начать читать даже не святых отцов, а четырех авторов: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. И тогда, возможно, карантин, в котором мы теперь находимся, сыграет положительную роль для нашего духовного, интеллектуального и морального воспитания.

Человеку стало мучительно оставаться и наедине с самим собой. Он бежит от себя, потому что боится остаться наедине со своими мыслями и чувствами. А между тем в каждом из нас есть глубокие и интересные источники, которые мы оставляем в преступном небрежении. Но вот настало время «помедитировать» — в нашем, христианском смысле этого слова, поразмышлять над содержанием, которое вложено в человека и которого в каждом из нас гораздо больше, чем во всех написанных в мире книгах. Помните, есть «истинный Свет, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир» (Ин. 1:9)? В каждом из нас в каком-то заархивированном виде есть вся полнота знания, и над этим архивом нужно поработать.

Не только монашествующие, но и каждый человек в какой-то момент бывает призван побыть в своей внутренней пустыне, наедине со своими мыслями и чувствами, прийти в себя. Но для нас это стало мучительно; мы всюду ищем развлечений, и наша энергия, с которой мы все время куда-то стремимся, есть, по сути, попытка избежать ставшего болезненным состояния — пребывания наедине с собой.

Но давайте вспомним, что в сходную с теперешней ситуацию в 1830 году попал, например, Александр Сергеевич Пушкин. Он поехал в Болдино для того, чтобы вступить в наследство, а в это время по всей России началась эпидемия холеры, регионы закрылись на карантин, и Пушкин, что называется, застрял в Болдине на три месяца. И что же? Какое-то время поэт помучился без балов, друзей, без своей невесты, но эти три месяца вошли в историю русской литературы под наименованием «Болдинская осень» и стали не только событием в жизни самого поэта, но и вехой в развитии русской литературы. Он закончил «Повести Белкина», роман «Евгений Онегин», написал «Маленькие трагедии» — совершенно потрясающие произведения, каждое из которых хочется заучить наизусть. Так и для каждого из нас самоизоляция может стать не только вынужденным мероприятием, но и обстоятельством жизни, несущим в себе творческий заряд.

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ЧУВСТВО СТРАХА

Безусловно, многие люди страдают от чувства страха. Их пугает, что болезнь развивается стремительно, лекарств нет. Еще страшнее от того, что в Священном Писании есть слова: боязливые входят в категорию тех, кто «Царства Божия не наследует». Как преодолеть это чувство страха, которое беспокоит сегодня человека больше, чем обычно?

Был такой древнеримский философ-стоик Сенека, учитель императора Нерона. У него есть потрясающий корпус текстов — писем, обращенных к его ученику Луцилию, в которых дается развернутый ответ на ваш вопрос о том, как побеждать страх. Сама ситуация страха описана в этих письмах следующим образом. Представьте себе ребенка во время карнавала. Вокруг него — страшные маски. Глядя на них, он пугается, плачет. Но вдруг подошедший к нему человек снимает маску — и ребенок успокаивается. Он узнает, что под маской — его родной отец. И все остальные маски — это его родственники, люди, с которыми он знаком и к которым привык.

Используя эту аллгорию, Сенека утверждает, что все мы подобны этому ребенку, что нам достаточно выйти навстречу тому, что нас пугает, и мы увидим, что нет ничего страшного во всем мире, во всей Вселенной, кроме этой маски, то есть кроме самого страха. Что нет смысла убегать от него, чтобы не стало еще страшнее. Наоборот, надо найти в себе силы подойти поближе к тому, что тебя пугает, и сбросить с него маску страха. И увидеть — то, что находится под маской, на самом деле может оказаться совсем нестрашным.

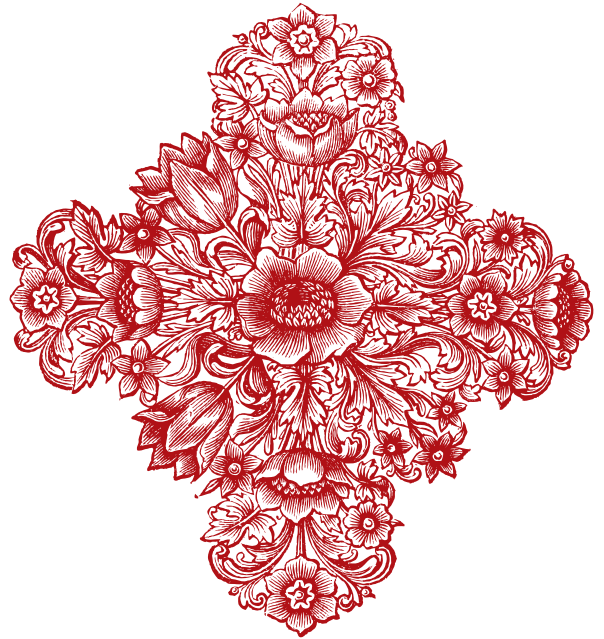
ГОСПОДЬ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК БЫЛ СЧАСТЛИВЫМ

Следуя этой логике, можно поговорить и о пределе страха. Чего мы боимся в эпидемии? Мы боимся умереть. Можно поговорить и о смысле смерти, познакомиться, так сказать, с этим предметом поближе. Не только христианские философы, но даже языческие мыслители считали смерть по своей природе чем-то очень близким для человека — тем, что вроде бы не должно вызывать страха.

Святитель Григорий Нисский в своем «Большом огласительном слове» потрясающе объясняет смысл и значение смерти в жизни человека, раскрывая их через образ кувшина. Иногда, когда говорят о смерти, даже используют метафору «кувшин Григория Нисского».

Представьте себе, говорит святитель, большой красивый кувшин — главную ценность в доме хозяина. Кроме кувшина у хозяина, правда, есть еще злой сосед — соперник, ненавистник. Воспользовавшись отсутствием хозяина, сосед-завистник прокрадывается в дом и вливает в кувшин расплавленный свинец. К моменту возвращения хозяина свинец в кувшине застывает и извлечь его оттуда уже не представляет-

ЧЕЛОВЕКУ СТАЛО МУЧИТЕЛЬНО ОСТАВАТЬСЯ И НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ. ОН БЕЖИТ ОТ СЕБЯ, ПОТОМУ ЧТО БОИТСЯ ОСТАТЬСЯ НАЕДИНЕ СО СВОИМИ МЫСЛЯМИ И ЧУВСТВАМИ. А МЕЖДУ ТЕМ В КАЖДОМ ИЗ НАС ЕСТЬ ГЛУБОКИЕ И ИНТЕРЕСНЫЕ ИСТОЧНИКИ, КОТОРЫЕ МЫ ОСТАВЛЯЕМ В ПРЕСТУПНОМ НЕБРЕЖЕНИИ. НО ВОТ НАСТАЛО ВРЕМЯ «ПОМЕДИТИРОВАТЬ» – В НАШЕМ, ХРИСТИАНСКОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ПОРАЗМЫШЛЯТЬ НАД СОДЕРЖАНИЕМ, КОТОРОЕ ВЛОЖЕНО В ЧЕЛОВЕКА И КОТОРОГО В КАЖДОМ ИЗ НАС ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВО ВСЕХ НАПИСАННЫХ В МИРЕ КНИГАХ.

ся возможным. Кувшин испорчен. Что делать? Тогда хозяин предпринимает странные, на первый взгляд, действия. Он собирает силы, поднимает над головой кувшин со свинцовой болванкой внутри и разбивает его о камень. Кувшин превращается в грудю осколков, но именно благодаря этим действиям от кувшина отделяется болванка. И тогда хозяин, будучи человеком сведущим в гончарном деле (представим себе, что это лучший гончар из возможных), собирает осколки разбитого сосуда и употребляет все свое искусство, чтобы восстановить предмет в его первоначальном виде.

Кувшин — говорит святитель Григорий — подобен душе человека. К чувственной стороне души примешалось зло, причем настолько тонко, что избавиться от него не представляется возможным. Почему? Да потому что невозможно даже провести границу между тем, где заканчиваются наши добродетели, и тем, где начинаются пороки.

Вот скажите мне, например, в какой момент жизни ошиблась мать, воспитывавшая сына? Материнская любовь — святая сила, великая. Она может побудить женщину ночью, зимой, в тридцатиградусный мороз пройти двадцать километров до врача, чтобы привести его в свой дом к заболевшему ребенку. Но эта же сила может и искалечить человека. А мы заметим это, только когда от его рождения пройдет сорок лет и он будет сидеть дома без образования и работы, играя в танчики по интернету и пропивая пенсию своей несчастной матери. Когда, в какой момент она искалечила его, превратив в недееспособное существо своей любовью и заботой? Никто не сможет ответить на этот вопрос. Но это произошло.

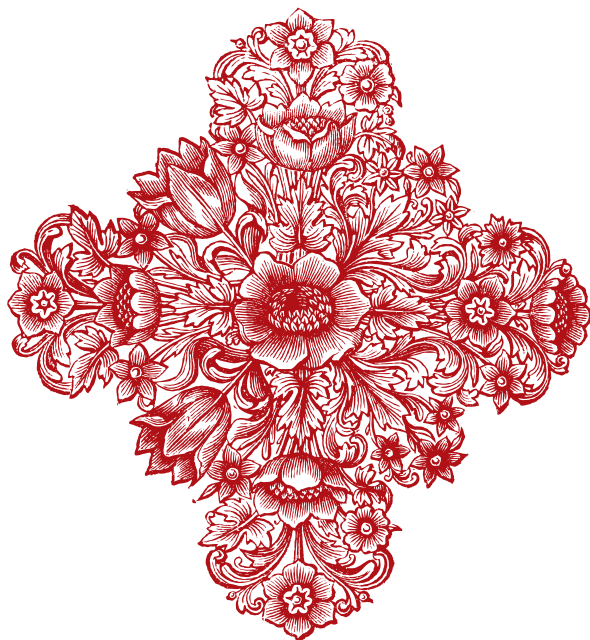
В какой момент храбрость воина превращается в безрассудство, в эдакое делибашество, о котором Л.

Н. Толстой рассказал в романе «Война и мир», указывая на судьбу несчастного Пети Ростова, погибшего при штурме села, занятого французами? Опираясь на собственный опыт боевого офицера, Толстой подчеркивает бессмысленность гибели Петруши. Когда штурм села был завершен, там и сям начали появляться белые флаги и французы выбегали из изб с поднятыми руками — именно в этот момент какая-то шальная пуля настигла Ростова.

Так вот, где же храбрость превращается в безрассудство и, наоборот, осторожность — в трусость? Где почтение к старшему обращается в подобоострастие? Щедрость — в расточительность, а бережливость и хозяйственность — в скупость?

В нашей душе добро и зло перемешаны настолько, что демаркацию осуществить невозможно. И раз уж у нас на повестке дня сегодня медицинская тема, то эту ситуацию можно сравнить с неоперабельной опухолью. Я не медик, но общий принцип понять не сложно: есть операбельные опухоли, которые локализованы в некоторых местах, и, если их удалить, человек может жить, выздоравливая. Но есть опухоли неоперабельные, когда доброкачественные клетки самой ткани переплетаются со злокачественными клетками опухоли настолько сложно, что ни один хирург не возьмется не только вырезать их, но даже провести между ними границу.

Что делает врач в этом случае? Подвергает больного химио- или радиотерапии, по сути, отравляя человека ядом медленного действия, убивая его тело вместе с опухолью в надежде на то, что человек окажется на день-два-три более живучим, чем злая опухоль, живущая в нем. Врач внимательно отслеживает момент, когда опухоль прекращает свой рост, а

НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ НАВЕРНЯКА, ПЕРЕДАЕТСЯ ЛИ ВИРУС ЧЕРЕЗ ПРИЧАСТИЕ. БОГОСЛОВСКОГО ОТВЕТА НА ЭТОТ ВОПРОС НЕ СУЩЕСТВУЕТ. У МЕДИКОВ, НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, ТОЖЕ НЕТ ОТВЕТА, ПОСКОЛЬКУ ПОСТАВИТЬ КОЩУНСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СО СВЯТЫМИ ДАРАМИ ИЛИ ПРОВЕСТИ КЛИНИЧЕСКОЕ ИСПЫТАНИЕ НИКТО НЕ ПОЗВОЛИТ. А РАЗ ЭТОГО НЕ ЗНАЮТ НИ БОГОСЛОВЫ, НИ МЕДИКИ, ЗНАЧИТ, ОТВЕТА НА ЭТОТ МЕДИКО-БОГОСЛОВСКИЙ ВОПРОС НЕТ. ЭТО ВОПРОС ЛИЧНОЙ ВЕРЫ И ЛИЧНОГО ДОВЕРИЯ БОГУ. ПОЭТОМУ, ПРИНИМАЯ РАЗУМНЫЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, МЫ СТАРАЕМСЯ НЕ ВПАДАТЬ В КРАЙНОСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ОТ СТРАХА ПЕРЕД ВИРУСОМ.

человек еще вроде дышит и его еще можно реабилитировать до нормального состояния. Теоретически этот метод понятен; практически, насколько я могу судить, в ряде случаев он работает.

Вот и Господь делает то же самое. Все мы заражены грехом. Мы не можем сделать никакого, даже самое святое дело без того, чтобы не подгадить тем же самым жестом. Это, кстати, любимая мысль Достоевского. Он говорит: «Что бы ни сделал человек — доброе или дурное, — за этим всегда стоит не один мотив, а целый букет мотивов, и в этом букете мы всегда найдем какую-нибудь «змею под цветами»».

Именно поэтому святые люди считали себя недостойными Причастия даже тогда, когда их святость была очевидна для окружающих, видевших чудотворения, благодать, обильно изливавшуюся на святых, и другие дары Духа Святого. Именно такой человек считал себя недостойным развязать ремень на обуви Христа. И это не какая-то поза, не соблюдение христианского тона, а совершенно искреннее чувство, потому что святые, в отличие от нас, видели эту «змею под цветами». Они понимали, что среди благородных мотивов всегда есть и какой-то корыстный, подленький или похотливый мотивчик, поэтому и не возносились, даже совершая великие подвиги.

И мы, если посмотрим на свои поступки философским взглядом, поймем, что даже милостыню мы не можем оказать человеку без того, чтобы не подгадить ему, не развратить его. Так что гордиться нам особо нечем. Только дураки могут думать, что способны творить добро в чистом виде без всяких примесей.

Все мы грешим вольно или невольно и тем самым наносим удар по своей собственной душе. Именно об

этом говорит в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского Раскольников: «Я не старушонку убил... я себя убил».

У царя и псалмопевца Давида есть слова: «Вино веселит сердце человека... и хлеб сердце человека укрепит» (Пс. 103:15). Но вино веселит сердце человека только в том случае, если у него нет язвы желудка. Самое лучшее, самое дорогое коллекционное вино не веселит сердце человека, если у того язва или гастрит. Точно так же ни какие-либо дары, ни прекрасная погода не веселят человека, если у него язва в душе, если он не способен радоваться. Об этом говорит Христос: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст он за душу свою?» (Мф. 16:26). Зная это, мы знаем и как научиться радоваться. Нужно пестовать в себе эту способность, заживлять язвы в душе через исповедь, покаяние, причащение Святых Христовых таин, после которых сердце человека хотя бы какое-то время скачет, как собачка, которая давно не видела хозяина. Но порой, даже видя все красоты мира, человек не может радоваться, потому что у него язва в душе, по причине которой он не может быть счастливым. А Господь хочет, чтобы человек был счастливым, и поэтому «разбивает кувшин», подвергая нас смерти, чтобы отделить то, что Он сотворил, от зла, которое после грехопадения само прозябло в наших душах. Это своего рода такая же химиотерапия — страшное, болезненное, но не зло, а лечение.

Такой же точки зрения придерживались и языческие философы, которых Иустин Философ называет христианами до Христа. Так, Сократ был несправедливо приговорен афинским судом к смертной казни. Причем он должен был привести приговор в исполнение соб-

ственноручно — выпить яд цикуты. В последний день своей жизни философ накрыл стол, пригласил друзей. Они сидели за столом, когда солнце стало клониться к закату и пришел палач со словами: «Сократ, пора». Сократ разлил друзьям вино, сам взял чашу с цикутой и, поднеся ее к губам, сказал: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте». Асклепий — бог врачевания в древнегреческой мифологии. Во времена Сократа существовала традиция: когда человек выздоравливал после продолжительной болезни, приносили в жертву этому божеству белого петуха. Сократ произнес эти слова, умирая, потому что считал смерть выздоровлением. Собственно, именно поэтому его и назвал Иустин Философ христианином до Христа, ведь подобная мысль была нехарактерной для языческой философии. Впервые она появляется в доктринальном виде в творениях святых отцов: смерть — приобретение для того, кто умер и воскрес в Церкви.

НЕ ВПАДАТЬ В КРАЙНОСТИ

В столичных храмах церковные службы совершаются без прихожан. Мы принимаем инструкции санитарно-эпидемиологического характера, которые направило нам священноначалие, но многим интересно, насколько оправданны меры, которые вынуждена предпринимать Церковь для победы над коронавирусом. Очевидно, что эти инструкции были разработаны по согласованию со специалистами. Я не врач и не могу ничего сказать об эффективности этих мер. Мы их соблюдаем. В основном они были приняты для того, чтобы люди почувствовали, что сейчас нужно не только разжигать в себе веру, но и не забывать о разумных ограничениях.

Вопрос о том, где доверие к Богу начинает превращаться в свою противоположность, как мы уже говорили выше, принципиально не разрешим. На одном краю в этом случае действительно оказывается вера, безусловная, даже детская, доверие к Богу, а на другом — самонадеянность, прямо запрещенная текстами Священного Писания: «Не искушай Господа твоего» (Мф. 4:5).

Вспомним второе искушение Христа в пустыне. Дьявол говорит Спасителю: «Если ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Мф. 4:6). И Сам Господь на эти слова отвечает: «Нет, Я не буду так делать».

Никто не может знать наверняка, передается ли вирус через Причастие. Богословского ответа на этот вопрос не существует. У медиков, насколько я понимаю, тоже нет ответа, поскольку поставить кощунственный эксперимент со Святыми Дарами или провести клиническое испытание никто не позволит. А раз этого не знают ни богословы, ни медики, значит, ответа на этот медико-богословский вопрос нет. Это вопрос личной веры и личного доверия Богу. Поэтому, принимая разумные меры предосторожности, мы стараемся

не впадать в крайности, в том числе и от страха перед вирусом.

Кстати, сегодняшняя ситуация актуализировала и проблему, связанную с безразличностью людей, которые даже в обстановке, свободной от эпидемий, опасаются причащаться из одной Чаши и общей лжицы. Как-то я беседовал на эту тему с врачом-фтизиатром, заведующим профильным отделением. Этот человек работает с туберкулезными больными, и мне интересно было обсудить с ним, почему даже такие больные не заражают через Причастие священника и прихожан в храме. Он сказал мне: «Знаешь, есть такое понятие, как коллективный иммунитет». Этот доктор не был церковным человеком, поэтому я должен сразу сказать: его нельзя назвать ангажированным. Ему самому была интересна такая постановка вопроса.

«Медицинская логика такова, — предположил он, — даже если вирус попадает на слизистую через Чашу или лжицу, то каждому следующему человеку он передается уже в ослабленном виде. Кроме того, ротовая полость из всех отверстий человеческого тела наиболее защищена в противовирусном отношении. Поэтому можно представить себе Причастие как некую форму прививки, если, конечно, речь идет о классической церковной общине, в которой члены регулярно обмениваются друг с другом вирусами ослабленной формы».

Другими словами, заразиться не всегда плохо — вот что я запомнил из нашей беседы. Ведь прививка — это тоже заражение ослабленным штаммом вируса в условиях, когда иммунитет имеет все шансы его побороть.

Обратная ситуация — чрезмерное чистоплюйство такого чеховского человека в футляре. Панический страх перед инфекцией, страх заразиться, паранойальное стремление все продезинфицировать и простерилизовать влекут за собой противоположный эффект. Этот же доктор приводил в пример ситуацию, когда обитатели удаленных от цивилизации островов, которые до «часа X» никогда не контактировали с европейцами, умирали от простуды, которую привозил с собой христианский проповедник. Именно эта их изолированность, стерильность что ли, становилась настолько же опасной, насколько опасна нечистоплотность в обычной ситуации.

Обе крайности приводят к одному и тому же результату: человек рискует заболеть. Умеренная сдержанность во всем (и в наведении чистоты, и в противозаразных мероприятиях) и есть та самая необходимая «золотая середина».

Вспоминаются слова римского философа-стоика Сенеки: «Смерть — самое страшное, что может с нами случиться. Но, если серьезно разобраться, смерть настолько не страшна, что благодаря ей ничего для нас не страшно в этом мире». Христос воскрес!

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ДАРЬЯ МАЙСКАЯ

КОГДА ПРЕПОДОБНЫЙ АНФИМ БЫЛ МАЛЕНЬКИМ, ЕГО СТАРШИЙ БРАТ
ВИДЕЛ ПЕРЕД НИМ БОГОРОДИЦУ В ФАВОРСКОМ СВЕТЕ,
ПРОСТИРАЮЩУЮ НАД МЛАДЕНЦЕМ СВОЮ МАНТИЮ.
МАЛЫШ ТОЖЕ ЗАПОМНИЛ ЯВЛЕНИЕ ЕМУ СВЯТОЙ ДЕВЫ,
И ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭТОМ ВДОХНОВЛЯЛО ЕГО ВСЮ ЖИЗНЬ

Преподобный Анфим Хиосский:

БЕССТРАШНЫЙ ЛЕКАРЬ

Главным послушанием в жизни святого Анфима Хиосского было служение в лепрозории и духовное окормление больных проказой – тяжелой инфекционной болезнью. Преподобный подвизался на этом поприще 50 лет, ежедневно служа Божественную литургию и тяжко трудясь физически. Старец воспитал немало подвижников православия – среди прокаженных, принимавших монашеский постриг; мирян, помогавших ухаживать за больными; монахинь обители, которую построил недалеко от лепрозория.

Благочестивого корене ветвь

Есть подвижники, отмеченные печатью Божией с детства. Когда герой нашего очерка — в миру Аргирос Вайанис (греч. Αργύριος Κ. Βαϊάνος) — был совсем маленьким, его старший брат видел перед ним Пресвятую Богородицу в фаворском свете, простирающую над младенцем Свою мантию. Малыш тоже запомнил явление Божией Матери, и воспоминание об этом вдохновляло и воодушевляло его всю жизнь.

Родился Аргирос в 1869 году в багочестивой крестьянской семье, в деревне Левадия на острове Хиос. Умственными способностями Господь одарил его богато, однако по-

лучить даже элементарного книжного образования в детстве Аргирос не смог — семья была бедной. И читать он выучился только в 40 лет, когда нужно было рукополагаться в священный сан. А в отрочестве ему понравилось ремесло сапожника, и его обучили сапожному делу, что «подкармливало» подвижника в дальнейшем.

В 18 лет Аргирос отправился в монастырь Трех Отцов, чтобы отреставрировать икону Панагии Помощницы, которой его благословила мать. Там и объяла его непреодолимая благодать Божия. Юношу поразил строй монашеской жизни, добродетели увиденных им монахов и в особенности игумена

монастыря Пахомия — наставника святителя Нектария Эгинского. Молодой человек сейчас же задался вопросом, как ему спастись. И получил исчерпывающий ответ.

МОЛИТВЕННИК В ДУПЛЕ ОЛИВЫ

С этого времени жизнь Аргираса изменилась. Он начал усердно поститься и молиться по ночам. Часто — в дупле старой оливы. Родные пытались вернуть воспаривший дух сына на грешную землю, но ничего у них не вышло. Более того, к молодому человеку потянулись сверстники.

Игумен оценил его труды весьма высоко. Через год Аргирас решил оставить мир, и наставник постриг его в рясофор с именем Анфим. За свое первое послушание — работу на стройке женского монастыря — инок принялся с жаром, но... тяжелый физический труд оказался ему не по зубам: он был ослаблен бдениями и пощениями предыдущего года. Обострилась болезнь желудка, пришлось покинуть монастырь, так как тамошний монастырский устав не позволял ни пить лекарства, ни пользоваться услугами докторов. Анфим вынужден был возвратиться домой. Так с ним произошло дважды.

Правда, огорченный не меньше Анфима игумен позволил новонаначальному в любое время посещать монастырь и уходить из обители по необходимости. Но в основном инок жил дома, зарабатывал сапожным делом, помогая старым родителям. Немалая часть заработка уходила на милостыню. Во владениях своей семьи на окраине деревни молодой монах построил себе маленькую келью, где продолжал молитвенные и постнические труды. Довольно быстро он был пострижен в малую схиму.

В силу выдающегося усердия подвижника вскоре начались бесовские нападки. Преподобный так вспоминал об этом, делясь опытом с духовными детьми: «Хоть я и не получил образования, но вел тяжкую брань, чтобы чего-то достичь. Вы этой брани не видели: пост, молитва, плач, земные поклоны, страдания день и ночь. Мои слова могут прозвучать по-фарисейски, но я вам их говорю, чтобы вас укрепить. Говорю не как фарисей, а как ваш отец. Бесы жгли и мучили меня. Я и сам мучил себя. Не насыщал себя хлебом, не насыщал себя водой, не насыщал себя сном и другими вещами, о которых знает только

Бог. Ни на минуту я не давал отдыха своей плоти. Не позволял себе никакого утешения. Матрацем мне служил мешок, а спал я, опершись о корень оливкового дерева, и то совсем чуть-чуть. Я каждый день себя наказывал. Чего только бесы со мной не делали! Расскажи я вам все — вы не поверили бы. Я их провоцировал, переносил искушения — а они били меня по голове. Бесы не давали мне ни единой минуты отдыха».

19 ДНЕЙ И НОЧЕЙ БЕЗ СНА

Но конечно, среди напряженных трудов бывали и утешения. Анфим много молился Богородице перед образом, который подарила ему мать. Однажды Святая Дева помогла иноку провести 19 дней и ночей без сна. Раз в два дня он подкреплялся кусочком хлеба и выпивал немного воды. «К концу этого подвига он пришел в состояние восхищения и его дух пребывал вознесенным в раю, среди ангельских хоров, и все это время Анфим не переставал повторять: "Господи, помилуй!"».

Но чаще денно-ночно тянулись бесконечные и мучительные труды, облегчаемые легким, едва ощутимым веянием благодати. И однажды наступил момент, когда среди неиссякаемой брани подвижник услышал прекрасный голос, исходивший от иконы: «Звери, оставьте моего монаха». Анфима окутала неотторжимая благодать. Двадцать лет напряженных подвижнических трудов увенчались принятием великого ангельского образа в 1909 году и через год — рукоположением в иерея. Впоследствии он получил сан архимандрита.

«Добродетели подвижника и чудеса от иконы Божией Матери стали привлекать к его жилищу большое число посетителей. В ответ на просьбы народа было решено рукоположить его во священника. Но поскольку епископ Хиосский отказывался рукополагать человека без образования, в 1910 году отец Анфим отправился в деревню Адрамитион, расположенную на турецком берегу неподалеку от Смирны, и жил там некоторое время в семье своего крестного Стефана Диоматариса. Видя удивительное благочестие крестника, к которому многие жители деревни стали приходить за советом и утешением, он начал учить Анфима грамоте, чтобы тот мог читать в храме Евангелие. 8 ноября того же года отец Анфим был рукоположен в храм

ПРОКАЗА – ТЯЖЕЛАЯ ЗАРАЗНАЯ БОЛЕЗНЬ, ЧЕЛОВЕК БУКВАЛЬНО ГНИЕТ ЗАЖИВО. МАЛО КТО ХОЧЕТ ТРУДИТЬСЯ В ПОСЕЛЕНИЯХ, ГДЕ ЖИВУТ И ЛЕЧАТСЯ ПРОКАЖЕННЫЕ. В ТАКОЕ МЕСТО ГОСПОДЬ ОПРЕДЕЛИЛ ОТЦА АНФИМА, И ОНО СТАЛО ЕГО ГЛАВНОЙ ЗАБОТОЙ В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПОЛВЕКА

святой Анны в Смирне. Во время хиротонии, когда все христиане в храме воскликнули: "Аксиос!" ("Достоин!"), небо озарилось блеском молнии. От удара грома здание храма задрожало, как при землетрясении. К ногам только что рукоположенного священника упала лампада, облив его маслом. Вдруг так же внезапно небо прояснилось и засияло солнце».

Жена Стефана Диоматариса рассказывала об одном случае. У них в деревне жил человек, одержимый бесом. Он был прикован железной цепью к большому платану. День и ночь несчастный дико кричал, скаля зубы и испуская изо рта пену. Жители дерев-

ни, хоть и кормили его из сострадания, подходить близко боялись из-за нечеловеческой силы одержимого и ужасных бранных криков. Много раз приходил священник, издали читал молитвы об изгнании нечистого духа, но человек тот так и оставался бесноватым.

Вскоре после рукоположения святого Анфима крестный сказал ему: «Ну что, батюшка, почему бы тебе не сходить и не почитать молитвы над тем несчастным?» Анфим ответил, что недостойн, чтобы его считали способным изгонять бесов, но по настоянию крестного несколько раз сходил почитать молитвы над бесноватым, освятил воду и отслужил молебн. Вскоре страждущий исцелился.

**«Я УЖЕ И НЕ ЗНАЛ: ПО ЗЕМЛЕ ИДУ ИЛИ ЛЕЧУ ПО ВОЗДУХУ. ПОСЛЕ
СТОЛЬКИХ МУЧЕНИЙ, РАССТРОЙСТВ И БУРЬ МЫ ВСЕ-ТАКИ ПОСТРОИЛИ
МОНАСТЫРЬ! МЕНЯ САМОГО ИЗУМЛЯЕТ, КАК ВСЕ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ»**

преподобный Анфим

ПОЛВЕКА С ИЗГОЯМИ

Случай с бесноватым быстро стал известен народу, и жители деревни потянулись в храм святого великомученика Пантелеимона к отцу Анфиму. Такое настроение хиосских христиан возбудило ревность сослуживцев, и, не желая никого искушать, батюшка отправился на Святую гору Афон.

Это было, скорее, паломничество. Несколько месяцев подвижник путешествовал по монастырям, беседовал со старцами, а потом, в 1912 году, вернулся к себе на Хиос.

На острове был устроен лепрозорий с плохой репутацией. Его обитатели о Боге по-

рядком позабыли: мат, пьянство и все отсюда вытекающее было обычным делом. Проказа, как известно, тяжелая заразная болезнь, человек буквально гниет заживо. Конечно, мало кто хочет трудиться в поселениях, где лечатся и живут прокаженные. В такое малопривлекательное место Господь определил отца Анфима, и оно стало его главной заботой в последующие 50 лет.

Трудами отца-архимандрита за полтора десятилетия больница преобразилась. Прежде всего преподобный элементарно начал заботиться о людях, которые давно уже стали изгоями общества. Он отремонтировал дома,

в которых они жили, навел там порядок и чистоту, посадил фруктовый сад, разбил виноградник, засеял целебными травами часть огорода, вырастил розовые кусты. Он ухаживал за тяжко больными, жил вместе с ними, питался в общей трапезной. Главным дезинфицирующим средством была обычная вода.

Каждый день подвижника начинался с Литургии. Потом он обходил своих больных, исповедовал, причащал, наставлял, лечил целебными травами и трудился над благоустройством лепрозория с теми, кто мог и хотел. Каждая ночь инока начиналась, продолжалась и завершалась внутренней молитвой.

ИЗ ПРОКАЖЕННЫХ – В МОНАХИ

Этот замечательный архимандрит своей любовью, трудами и молитвой преобразовал лепрозорий в общежительный монастырь. Он подчинил жизнь больных монашескому уставу. Все они стали добрыми христианами. Многие из подопечных отца Анфима приняли монашество, а самый усердный ученик — Никифор Прокаженный — даже причислен к лику святых.

В развалинах храма по откровению Свыше была найдена старинная икона. Старец Анфим назвал ее Панагия Помощница и часто молился перед этим образом. Однажды Богородица явилась ему во сне, сказав: «Прими Мою икону и позаботься о ней, и увидишь, что будет совершаться». Батюшка украсил образ золотым окладом и затеплил перед ним неугасимую лампаду. Он помазывал народ маслом из лампы, и вскоре стали совершаться чудеса.

Тридцать восемь (засвидетельствованных сотрудниками больницы) одержимых избавились от своих мук по молитвам старца перед Панагией Помощницей. И самого Анфима Божия Матерь «исцелила от неизлечимой болезни, а он, в знак благодарности, облачил Ее икону в серебро, как в белые одежды. Старец говорил, что Богородица была для него "прохладным, тенистым деревом", в тени которого он отдыхал».

ТРУЖЕНИК НЕУСТААННЫЙ

В 1922 — 1924 годах происходил принудительный обмен населением между Турцией и Грецией. Грекам почти ничего не позволялось брать с собой, и нередко им удавалось вывезти из родных краев только святыни.

Много переселенцев оказалось на Хиосе. Среди них были и монахи, которые очень быстро узнавали об отце Анфиме. В 20-х годах прошлого века около старца возникло довольно большое и главным образом женское аскетическое сообщество. Отец Анфим начал думать об основании монастыря, однако встретил серьезное сопротивление.

Во-первых, идея не понравилась митрополиту, считавшему несвоевременным обременять светские и духовные власти еще одним монастырем при большом наплыве переселенцев, о которых нужно заботиться. Священнослужители острова, конечно же, поддерживали владыку. Преподобный Анфим вновь столкнулся с ревностью коллег и клеветой недоброжелателей.

Но старец знал, что воля Божия на создание женской обители есть, поэтому молился Святой Деве. К 1928 году он наконец получил разрешение на строительство. В мясопустную неделю 19 февраля 1928 года подвижник заложил первый камень в основание монастыря. Строителю было 68 лет.

Возведение обители началось буквально на следующий день. В событии приняли участие все: монахини и миряне жертвовали на стройку и деньги, и труд. Преподобный Анфим работал на этом нелегком послушании, невзирая на возраст.

Клеветники продолжали свое дело и в один прекрасный день потребовали разрушить наполовину построенные здания. Но вопреки всему монастырь разрастался. Не прошло двух лет, и 30 ноября 1930 года обитель была освящена и заселена тридцатью насельниками.

Святой Анфим говорил: «До конца своих дней я не забуду того дня, сестры, когда мы принесли благодатную икону Панагии в наш монастырь, когда мы взяли ее из моей бедной и убогой кельи и принесли сюда с пением и каждением ладана. Никогда не забуду я той светлой радости! Я уже и не знал: по земле я иду или лечу по воздуху. На земле я был или на небе, я не мог бы тогда сказать. После стольких мучений, стольких расстройств и бурь мы все-таки построили этот монастырь. Меня самого удивляет и изумляет, как все это случилось».

В лепрозории готовились к тому, что старец уйдет от них. Однако, когда дело дошло до переселения, больные горько плакали.

И хотя отец Анфим уезжал не в дальнюю даль и обещал, что будет навещать их, духовные чада были безутешны. Лепрозорий он окормлял еще 30 лет, до конца своей жизни.

«Встань и иди к воротам. Работники в опасности!»

В новом монастыре неутомимый отец Анфимий ввел общежительный устав, создал иконописные, ткацкие, вязальные, швейные и прочие мастерские для сестер. Старый священник не ушел на покой, но продолжал еще больше работать, окормлял множество духовных чад, помогал в обработке диких и холмистых полей вокруг монастыря, создании виноградников, садов и огородов. Он вручную носил воду из резервуаров над холмом, вместе с рабочими откапывал камни и обтесывал их для строительства монастырских сооружений.

Однажды во время обеда в трапезной преподобный поднялся на ноги и в явном испуге побежал к воротам монастыря, оставив сестер в недоумении. У ворот несколько рабочих добывали камень и песок из оснований соседнего холма. Они не замечали, что прямо над ними от ворот откололась огромная глыба и вот-вот должна была свалиться и раздавить их. Старец закричал: «Детки, уходите, бегите быстрее! На вас упадет гора!» Напуганные рабочие бросили инструменты и едва успели отбежать, как глыба сорвалась на то место, где они работали. Дрожа от пережитого испуга, рабочие долго благодарили отца Анфима, а он рассказал им, что услышал неземной голос, повелевший: «Встань и иди к работникам. Они в опасности».

ОБЕЗОРУЖИТЬ ФАШИСТА БЕЗ ОРУЖИЯ

Преподобный Анфим заботился не только о монастыре и лепрозории — он стал окормителем, врачом и утешителем всего Хиоса. Каждый день в основанную им обитель приходило около 60–80 человек. Люди шли к Панагии Помощнице, а также побеседовать или помолиться со старцем. Многие исцелялись.

Святой Анфим был горячим патриотом своей страны. Во время Второй мировой войны, когда Греция оказалась под властью немецких оккупантов, он просил монахинь ежедневно читать Канон молебный ко Пресвятой Богородице с молитвой об освобождении родной земли от захватчиков.

Также отец Анфим строго-настрого запретил впускать на территорию монастыря немецкие войска. Но все же однажды немец — управляющий острова — приказал отдать одно из зданий обители под артиллерийский склад. Митрополит Хиоса протестовал, но безуспешно. Преподобный Анфим, узнав об этом, весьма опечалился. Немцы планировали не только прийти в монастырь, но и разместить там оружие. Старец понимал, что об этом могут узнать войска союзников, и тогда они непременно разбомбят обитель.

С другой стороны, в случае сопротивления приказу оккупантов незамедлительно последовало бы возмездие в отношении самого монастыря и его насельниц. По обыкновению преподобный припал к иконе Божией Матери, умоляя Царицу Небесную о заступлении. После молитвы он успокоил испуганных, плачущих сестер: «Не бойтесь: ничего не случится».

На следующий день управляющий в сопровождении двух офицеров явился посмотреть, как выполняется его приказ. Биограф отца Анфима пишет: «Кто, однако же, поверит, что могло произойти то, что произошло? Как только немец увидел дышащую святостью фигуру старца за воротами обители, он остановился и несколько мгновений стоял, глядя на аскетический лик уважаемого подвижника, словно это была галлюцинация. Он не успел даже рта раскрыть, как вся его надменная суровость сменилась выражением спокойной доброты. Забыв о приказе, на выполнении которого он собирался упрямо настаивать, управляющий стал гладить старца по плечу и повторять полным теплоты голосом: “Прости меня, отче, мы пойдем в другое место. Отче, мы тут не останемся. Прости, мы уйдем”. Поклонами и почтительными жестами он выразил свое уважение святому старцу, ибо даже у противника добродетель вызывает восхищение».

ХЛЕБ ЖИЗНИ: ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ ХИОСА

Старость и немощь подкрались незаметно. В последние годы трудиться физически преподобный Анфим уже не мог, но и бездельничать тоже не умел: «Мне неприятно, что я уже не могу работать. Хотелось бы сделать еще что-то для ближнего, но сил нет. Я вот даже просто сижу сейчас здесь — и уже устал. Это

старость. Все время прошу Господа, чтобы, пока я живу, Он посылал мне Свою благодать и я мог бы хоть что-то предложить любому, кто подойдет ко мне: одному благословение, другому совет, молитву, утешение... Чтобы любой, кто окажется рядом со мной, будь он друг, или иудей, или турок — кто угодно, я хочу, чтобы Господь мой даровал мне силы сделать для него что-нибудь, чем-нибудь ему помочь, как я всю жизнь делал».

Отец Анфим трудился до последнего вздоха. Особенно он заботился о сестрах монастыря Панагии Помощницы, который строил своими руками.

Невзирая на трудности и искушения, монастырь рос. Первой игуменией была назначена смиренная монахиня Евпраксия Глика (†1956). Монашеский постриг приняла и родная сестра старца Анфимия Каллиопа, в монашестве названная Каллиникой.

В непреодолимой духовной борьбе, лишениях и жертвах, в скорбях и испытаниях монастырь достиг своего расцвета в последующие годы, когда его игуменией стала рассудительная монахиня Марфа Петинаки (†1986).

Преподобный Анфимий явился заботливым отцом монахов и мирян, снискав славу святого духовника. По молитвам старца, ежедневно служащего и работающего в обители, происходили бесчисленные чудесные знамения. Он приносил телесное исцеление всем болящим, посещавшим монастырь.

Старец обладал практическими медицинскими знаниями, которые, в сочетании с его святой жизнью и чистой молитвой, каждый раз помогали добиться желаемого результата. Он повелел, чтобы после его смерти это служение взяла на себя его одаренная послушница, монахиня Вриэни Кондозоглу, бывшая игуменией монастыря в 1986–2005 гг. Этой терпеливой и деятельной монахине мы обязаны появлением девяти рукописных томов с поучениями преподобного Анфимия, изданных под названием «Хлеб жизни», а также службы святому.

Архимандрит Анфим мирно отошел ко Господу 2 февраля 1960 года. Прощались с ним все шесть тысяч жителей острова Хиос, терпеливо стоя под дождем, который случился в день похорон, молясь об упокоении души удивительного подвижника.

Через год после кончины старца, предположительно по его молитвам, изобрели лекарство от проказы — и лепрозорий опустел. Мироточивые мощи святого были обретены в 1965 году.

Чудеса, ежедневно творимые преподобным Анфимом, привели Церковь к необходимости его официальной канонизации, которая состоялась 14 августа 1992 года. 15 февраля 1993-го в монастыре была отслужена первая архиерейская Божественная литургия в его честь. А 16 августа того же года состоялось торжественное открытие первого храма памяти святого Анфима, воздвигнутого в его старой келье, располагавшейся на семейных угодьях неподалеку от церкви святого Луки в Ливадии, на острове Хиос.

По словам одной из монахинь монастыря Панагии Помощницы, благодать преподобного простирается «от востока до запада», старец известен всему грекоязычному миру.

Память святого Анфима Хиосского включена в русский месяцеслов по благословению Святейшего Патриарха Кирилла 13 апреля 2018 года.

Использованные источники:

1. Анфим Хиосский. <https://drevo-info.ru/articles/13674064.html>
2. Память преподобного Анфима Хиосского / Синаксарь. Жития святых Православной Церкви. Автор-составитель иеромонах Макарий Симонопетрский. Адаптированный перевод с французского. В 6 тт. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011. – Т. III – с. 591–595. <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/51858.htm>
3. Монастырь Панагии Помощницы. Преподобный Анфим Новый. <http://www.molitva.gr/2012/02/monastyr-panagii-pomoshhnicy-p...yj>

<http://monasterium.ru/>

Официальное периодическое издание
Синодального отдела по монастырям и монашеству
№ 1 (49) 2022 г.

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ ФС 77-57229 от 12 марта 2014 г.

Без возрастных ограничений

Учредитель — Религиозная организация
«Синодальный отдел по монастырям
и монашеству Русской Православной Церкви»

Фото: Кристина Кормилицына

Главный редактор — Игумен Петр (Еремеев),
председатель Межведомственной комиссии
по вопросам образования монашествующих
Русской Православной Церкви

Заместитель главного редактора —
игуменья Елисавета (Позднякова),
настоятельница ставропигиального
женского монастыря Марфо-Мариинской
обители милосердия г. Москвы

Выпускающий редактор — Христина Полякова

Редакция:
Михаил Первушин
Сергей Кириллов
Даниил Африн
Лидия Чуплыгина (дизайн и верстка)
Ирина Володина (корректор)

Авторы: Иеромонах Симеон (Мазаев),
Елена Владимирова, Инга Абрамова,
Анастасия Михалос, Елена Галкина,
Екатерина Орлова, Екатерина Зимина

Фото: Елена Галкина, Владимир Ходаков,
Алексей Байфа, Павел Федоров

Художник: Дарья Майская

Заказать журнал по почте:
Тел.: +7 495 104 9728
E-mail: sales@apcpublishing.com

Адрес редакции: 127051,
Россия, Москва,
ул. Петровка, 28/2,
Высоко-Петровский
ставропигиальный мужской
монастырь г. Москвы

Тираж 1500 экз.
Отпечатано APCPublishing,
127550, Москва, Онежская ул., д. 24, оф. 7

Монастырский вѣстникъ

